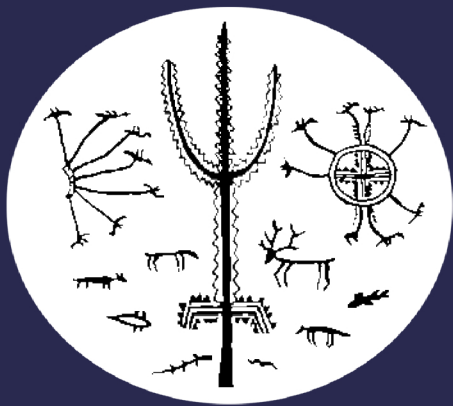

ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3 (62) 2026

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (62) 2026

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (62) 2026

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 3 (62) 2026

Marina V. Kutsaeva. Between the past and the future: on the language situation in Mari communities in the Kiknur district of the Kirov region.....	7
Ulyana N. Legusina. Modern diphthongs in the first books of the XVIII and XIX centuries in the Yakut language	38
Vsevolod Potseluev. Kildin Saami negation is not where you would expect it	62
Yong-Gi Choe, Chol-Jin Kim, Pong-Sik Yun, Hyok Mun. Comparative analysis of Korean and Russian idioms with place names.....	82
Pavel O. Albitskiy, Aimgul K. Kazkenova. The semantics of Turkish and Kazakh verbs of disappearance from a typological perspective	98
Oxana V. Goncharova, Julia V. Normanskaja, Denis M. Dogadushkin. Neural network for cognate detection in related languages (Finnish and Erzya)	114
Author guidelines	129

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (62) 2026

М. В. Куцаева. Между прошлым и будущим: о языковой ситуации в марийских сообществах Кикнурского района Кировской области	7
У. Н. Легусина. Современные дифтонги в первых книгах XVIII—XX вв. на якутском языке.....	38
В. А. Поцелуев. Отрицание в кильдинском саамском не там, где кажется	62
Чве Ен Ги, Ким Чхоль Чин, Юн Бон Сик, Мун Хек. Сопоставительный анализ корейских и русских фразеологизмов с топонимами	82
П. О. Альбицкий, А. К. Казкенова. Семантика глаголов исчезновения в турецком и казахском языках в лексико-типологической перспективе.....	98
О. В. Гончарова, Ю. В. Норманская, Д. М. Догадушкин. Нейросеть для поиска когнатов в родственных языках (финский и эрзянский языки)	114
Информация для авторов	129

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь
М. П. Безенова
(д.ф.н., Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., университет Берлина им. Гумбольдта)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия)

Editor-in-Chief
Anna Dybo
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Yulia Normanskaya
(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary
Maria Bezenova
(Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinsky (Humboldt University of Berlin), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Talmas Garipov (M. Akmuulla Bashkir State Pedagogical University), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Между прошлым и будущим: о языковой ситуации в марийских сообществах Кикнурского района Кировской области

Куцаева Марина Васильевна, Институт языкознания РАН (Москва);
marina.kutsaeva@iling-ran.ru

В статье рассматривается языковая ситуация в местах компактного проживания марийцев в Кикнурском районе Кировской области. Особенность этнолокальных сообществ заключается в том, что они издавна находились в тесном контакте с русскоязычным населением. На основе полевой работы в этих сообществах составлены языковые биографии опрошенных, установлены языки, которые использовались респондентами в дошкольный, школьный и последующие периоды, описаны сферы актуального применения локальных марийских идиомов, их функции, распределение марийского и русского по возрастным группам, изучено бытование культуры и обрядности. Сопоставление языковых биографий респондентов разных когорт свидетельствует о сужении сфер употребления марийского, прекращении передачи этнического языка от поколения к поколению начиная с 1980-х гг., что указывает на языковой сдвиг. В статье исследуются основные факторы, способствовавшие переходу местного марийского населения на русский язык, анализируются языковые практики и формирующие их языковые идеологии; отдельно рассматривается проблема организации преподавания литературного марийского языка носителям северо-западного наречия, к которым принадлежат марийцы Кикнурского района. В работе затронут вопрос бытования марийских традиций в контексте витальности этнического языка, а также проблема соотношения языка и идентичности. По ряду аспектов проводятся параллели текущей языковой ситуации в регионе с положением марийских идиомов в этнолокальных сообществах Башкортостана, Татарстана и Свердловской области.

Ключевые слова: марийские идиомы, этнический язык, языковая ситуация в Кировской области, этнолокальное сообщество, социолингвистическое обследование, функционирование языка, марийский язык в образовательной сфере, межпоколенческая передача языка, речевые практики, языковые идеологии, языковой сдвиг, этническая культура

BETWEEN THE PAST AND THE FUTURE: ON THE LANGUAGE SITUATION IN MARI COMMUNITIES IN THE KIKNUR DISTRICT OF THE KIROV REGION

Marina V. Kutsaeva, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);
marina.kutsaeva@iling-ran.ru

The article focuses on the language situation in areas of Mari compact settlement in the Kiknur district of Kirov region. The peculiarity of these communities is that they earlier came into close contact with the Russian-speaking population. The obtained fieldwork data makes it possible to reconstruct the respondents' language biographies, to establish languages they used in preschool, school and further periods, to determine currents domains of use of local Mari idioms and their functions, as well as the distribution of Mari and Russian languages by age groups, and to explore the broader context of existing cultural practices and rituals. Language biographies of respondents, belonging to various age groups, juxtaposed to each other, reveal diminishing domains of Mari use and almost non-existent intragenerational language transmission since the 1980s, which clearly indicates language shift. The article examines main factors that contributed to the shift from Mari to Russian by local Mari population, highlights the respondents' speech practices and language ideologies that shape them, and addresses the problem of setting up Mari language courses and classes in local schools and consequently teaching literary Mari norm in areas, including the Kiknur district, where the Northwestern dialect of the Mari language is spread. The article also deals with Mari traditions surviving in the area, in the context of the ethnic language vitality, it equally explores ethnic identity and language issues. In some cases, the current language situation in the region is compared to those in other ethnolocal communities of Bashkortostan, Tatarstan, and the Sverdlovsk region.

Keywords: Mari idioms, ethnic language, language situation in the Kirov region, ethnolocal community, sociolinguistic survey, Mari language use, Mari language in the education, intergenerational language transmission, speech practices, language ideologies, language shift, ethnic culture

1. Введение

В 2025 г. в рамках проекта по изучению функционирования марийских идиомов в местах компактного проживания марийцев за пределами Республики Марий Эл автором была проведена экспедиционная работа в некоторых районах Кировской области: Кикнурском, Уржумском, Яранском. Марийцы истари проживают в этом регионе, де-факто являясь автохтонным населением [Марийцы 2018: 143], однако ввиду современного административно-территориального деления¹ этнолокальные сообщества Кировской области образуют диаспорные группы по отношению к титульной республике. Обзор этногенеза и истории марийцев представлен в [Народы Поволжья и Приуралья 2000: 187—196].

Для региона издавна характерен смешанный марийско-русский состав населения. Проникновение русских переселенцев в этот край, богатый плодородными почвами², началось в XVI в., однако первоначальный их приток был медленным³ [Козлова 1978: 287—289]. С XVII в. была развернута монастырская колонизация земель в целях приобщения *инородцев* к православной вере, при этом марийцы постепенно вытеснялись русскими [Сепеев 2006: 82—84]. Для упрочения позиций русского правительства в 1584 г. были основаны города-остроги, включая Уржум и Яранск. Они сыграли существенную роль в христианизации нерусского населения, поскольку в городах были основаны новокрещенские слободы⁴ [Попов 1987: 26—31]. Дополнительным фактором этнического смешения стало генеральное межевание, отвод лесных угодий в пользу казны, закрепление земель за правящими сословиями и, как следствие, — дозволенные и самовольные переселения государственных крестьян ввиду недостатка земли [Сепеев 2006: 109—110]. В Яранском уезде генеральное межевание было проведено в начале XIX в.: если до этого здешние марийцы местами занимали компактные группы селений, в которых почти не было русских, то при межевании в пределах марийских земель были выделены пустошные земли, позже занятые преимущественно русскими. Кроме того, русские переселенцы проникали не только в выделенные казенные земли, но и на правах припущенников расселялись по марийским общинам⁵ [Козлова 1978: 290—291]. Таким образом, на протяжении XIX в. приток русских стал настолько интенсивным, что марийцы оказались в численном меньшинстве и были разделены на несколько территориально обособленных групп, подвергшихся значительному обрусению [там же: 228]. Уже в конце XIX в. отмечалось, что «черемисы ветлужские и яранские говорят очень правильным русским языком, почти без акцента и с первых фраз способны отличать русского человека от иностранца, неправильно говорящего по-русски» [Смирнов 1889: 61]. В этнографическом укладе местных марийцев произошло слияние традиционных марийских и приобретенных русских элементов культуры [Козлова 1978: 287—293].

Ассимиляция была вызвана также усилением миссионерской деятельности [Попов 1987: 79] (о распространении православия, в том числе принудительными способами, борьбе с языческими обрядами

¹ Территория рассматриваемого Кикнурского района относилась к Яранскому уезду сначала Казанской губернии (в его составе было 15 марийских волостей [Сепеев 2006: 76—78]), затем Вятской [Козлова 1978: 286].

² В 1880-е гг. ситуация выглядела следующим образом: «Можно с уверенностью сказать, что русское колонизационное движение в глубину черемисского края будет продолжаться еще долгое время. Основным побуждением для этого является состав почвы. Занятая черемисами южная часть Вятской губернии только одна и обладает удобными для земледелия почвами: черноземом, суглинком и супеском» [Смирнов 1889: 55].

³ Для сравнения: в XV—XVI вв. в Яранском уезде были основаны 48 русских поселений, в XVIII в. — 117. В 1710 г. почти треть уезда состояла из русских крестьян (477 дворов из 1357) [Попов 1987: 46].

⁴ С образованием Новокрещенской конторы в 1740 г. процесс христианизации нерусского населения интенсифицировался. Существенным фактором, способствовавшим крещению крестьян Яранского уезда, явилось ухудшение их экономического положения. Новокрещенные освобождались от податей и рекрутских повинностей на три года (путем переложения податей с вновь крестившихся на некрещеных). В архивных документах сообщается, что член конторы Георгий Давыдов в один день успевал окрестить жителей всей деревни, а иногда даже нескольких деревень. Так, 5 сентября 1741 г. в (интересующей нас. — М. К.) Шаптинской волости было окрещено 260 марийцев [Попов 1987: 46—58].

⁵ «Как происходит прилив русского населения, можно видеть из того, что в настоящее время только в четырех южных волостях Яранского уезда можно встретить черемисские деревни без примеси русских <...>, в остальных одиннадцати волостях в большей части черемисских деревень имеются русские припущенники и при том в значительном количестве» [Смирнов 1889: 53—54]. К примеру, в Цекеевской (в фокусе нашего исследования. — М. К.) волости из 14 марийских деревень в 12 проживали русские припущенники [там же]. Решающее значение в распространении среди марийцев русского языка и приобщении их к русской культуре сыграли «те многочисленные черемисские деревни, где имеются одиночные русские припущенники, и та русская среда, которая окружает черемисские деревни» [там же: 60].

среди крещеных марийцев Вятской губернии в Яранском уезде см. [Столетие Вятской губернии 1881: 535, 565—566]). Во второй половине XIX в. Вятская епархия была одной из самых многочисленных по количеству православных жителей в России — 2 251 464 чел. обоего пола к 1872 г. (ср. 2 800 000 чел. к 1893 г.), православные составляли примерно 93 % от всего населения, язычников насчитывалось 10 959 чел. (1 %). Непосредственно в Яранском уезде 99,6 % населения было православным⁶ [Очерки истории Вятской епархии 2007: 167]. С 1870 г. в губернии функционировал Вятский комитет православного миссионерского общества, в задачи которого входили просветительская деятельность, открытие начальных школ для *инородцев*, впоследствии — миссионерских инородческих курсов, переводы церковнославянских богослужебных текстов на вотский и черемисский языки в соответствии с программой Н. И. Ильминского по распространению православия среди нерусских народов (об этом см. [там же: 306—309]). Местные власти и духовенство не без основания полагали, что «целесообразно направленная местная миссионерская деятельность, рядом со школьным образованием инородцев, мало-помалу и вовсе прекращает совершение этих (языческих. — М. К.) обрядов и жертвоприношений», а «духовная жизнь инородцев <...> стала поддаваться просветительскому влиянию школы и духовенства» [Столетие Вятской губернии 1881: 580].

Хозяйственное взаимодействие марийцев с русскими было настолько плотным, что при организации Марийской автономной области в 1920 г. в ее состав вошли всего три южные волости Яранского уезда [Козлова 1978: 287—288]. Тем не менее в пределах Вятского уезда осталось 35 272 марийца (9,0 % от всего населения уезда) [Губстатотдел 1927: XVIII]. Марийцы наряду с русскими являлись основными этническими группами, определявшими этнический состав населения уезда⁷. В частности, в Кикнурской волости национальный состав был следующим: русских числилось 41 136 чел., марийцев — 6840 (они составляли 14,2 % от всего населения). Здесь были всего две деревни с исключительно марийским составом (152 чел.), тогда как смешанных селений насчитывалось 49, в них проживали 11 685 чел., в том числе 6688 марийцев. Преобладали населенные пункты, в которых марийцы составляли более 75 %: 21 селение, совокупное марийское население в них — 5344 чел. [там же: XVIII—XVI].

Ассимиляция марийцев, проживающих небольшими группами в окружении русских, продолжилась и в советское время: так, марийское население десятков деревень в Горьковской и Кировской областях вошло в состав русских. Однако процесс обрусения, начатый в дореволюционный период, теперь принял иные формы [Козлова 1967: 119]. Марийцы Яранского уезда (впоследствии области) остались за пределами национальной автономии в составе РСФСР, что не могло не сказаться на сохранности языка: в конечном счете языковая судьба народов зависела от того, на чьей территории им суждено было оказаться [Беликов, Крысин 2021: 283]. В соответствии с общей линией национальной и языковой политики советского государства в 1920-е гг. в Кикнурской волости были предприняты попытки организации национальных сельских советов. Впрочем, это было сопряжено с определенными трудностями, учитывая чересполосное расположение марийских деревень («марийское население раскидано по всему уезду»), число пунктов со смешанным населением и то обстоятельство, что «в громадном большинстве их марийское население преобладает над остальным» [Губстатотдел 1927: XVI]. Ситуация в сфере народного образования и культурно-просветительской работы в регионе в 1920-х гг. освещается в [Съезды 2008: 219—225]. В советское время усилились также миграции населения (об этом см. [Сепеев 2006: 144—

⁶ На территории современного Кикнурского района в начале XX в. в исследуемых населенных пунктах функционировали церковные приходы: в с. Кикнур храм был возведен в 1853 г., в с. Шапта — в 1874 г., в с. Знаменское (Цекеево) — в 1893 г., в с. Крестовоздвиженское (ныне — с. Потняк) с 1898 г. действовала Крестовоздвиженская деревянная церковь. Открывались церковно-приходские, земские, миссионерские школы (в отдельных случаях — училища). Что касается этнического состава православных прихожан, мы располагаем следующими данными. В с. Знаменское (Цекеево) и его окрестностях в приходе насчитывалось русских: 411 мужчин и 453 женщины, крещеных марийцев (черемисов): 737 мужчин и 776 женщин. В с. Шапта в приходе при Владимирской церкви, охватывающем 13 селений, числились прихожане: русские — 607 мужчин и 597 женщин, крещеные марийцы (черемисы) — 461 мужчина и 437 женщин. Для сравнения: в приходе с. Крестовоздвиженское, состоящем из шести сел, насчитывалось 697 православных русских мужчин и 755 женщин, тогда как крещеных марийцев — 77 мужчин и 88 женщин [Приходы Вятской епархии 1912]. Стоит отметить относительную удаленность этого прихода: и в настоящее время с. Потняк и примыкающие к нему деревни, доживающие свой век среди заросших колхозных полей, расположены вдали от других марийских поселений, ближе к границе с Яранским районом, в сплошной лесной зоне.

⁷ По данным 1926 г., всё марийское население Вятского уезда проживало в 327 пунктах (из 2499): 78 из них были *чисто марийскими*, с численностью 7961 чел., остальные 27 311 марийцев проживали совместно с русскими в 249 поселениях [Губстатотдел 1927: XIV].

175]). Кроме того, закон «Об укреплении связи школы с жизнью» (1958) фактически привел к повсеместной русификации образования в РСФСР [Алпатов 2000: 106—107; Беликов, Крысин 2021: 301]. Наконец, с 1970-х гг. в СССР был взят курс на достижение всеобщего национально-русского двуязычия в целях по возможности быстрой идеологической унификации новой исторической общности — советских людей [Беликов, Крысин 2021: 305]. В итоге к 1990-м гг. утрата марийцами многих регионов, включая Кировских, своей идентичности, традиций, языка была признана национальным бедствием марийского народа [Съезды 2008: 333]. Несмотря на последующие усилия по созданию государственного механизма удовлетворения духовных потребностей и культурных запросов марийской диаспоры [там же], марийцы Кировской области, так же как и Нижегородской, тесных культурных контактов с этническим ядром не имеют, гораздо слабее ощущают влияние этнической культуры [Марийцы 2018: 143].

Особое беспокойство вызывает сохранность марийских идиомов, бытующих в Кировской области. Здесь распространено северо-западное наречие марийского языка⁸. Оно включает особенности как горного, так и лугового наречий [там же: 115], рассматривается в качестве промежуточной ступени между ними [Иванов, Тужаров 1970: 13], а образующие его говоры определяются как маргинальные (окраинные) [Коведяева 1987: 18]. Отличительные черты северо-западного наречия описаны в [Иванов, Тужаров 1970; 1971; Коведяева 1987]. Марийский, распространенный в Кикнурском районе, принадлежит к яранскому говору северо-западного наречия и бытует в его северном ареале [Коведяева 1987: 18] (в соответствии с более ранним делением марийского языка яранский говор относился к горному наречию [Коведяева 1976: 9]). Среди наречий марийского северо-западного описано достаточно полно и системно [Коведяева 1987: 5].

Подчеркнем, что, несмотря на внимание, которое в отдельные периоды научное сообщество уделяло некоторым собственно лингвистическим аспектам северо-западного наречия, социолингвистические исследования по изучению функционирования марийских идиомов в Кировской области в целом и в Кикнурском районе в частности, по имеющимся данным, не проводились — что и обуславливает новизну нашей работы. Кроме того, учитывая, что численность марийского населения в Кировской области⁹ и число владеющих марийским (лиц, заявивших о владении и использовании языка)¹⁰ неуклонно снижаются [Куцаева 2024: 27—28], настоящее исследование является актуальным.

2. Материалы и методы исследования

Основой исследования послужили анкетные данные, полученные в результате опроса представителей марийских сообществ в нескольких населенных пунктах Кикнурского района. В целях составления более полной картины языковой ситуации в ретроспективе автором привлекались сведения из переписей населения, архивных материалов Вятской епархии, а также публикации по истории, этнографии, языкознанию, касающиеся как региона, так и носителей северо-западного наречия марийского языка.

По итогам [ВПН 2020] в Кикнурском районе проживают 1720 марийцев (25,34 % от указавших национальную принадлежность), ср.: Уржумский район — 3293 чел. (16,7 %), Яранский — 2293 чел.

⁸ Зарождение научного интереса к изучению северо-западного наречия связано с именами М. Веске, Ю. Вихманна, Э. Беке. С конца 1920-х гг. ввиду усилий по созданию единого литературного марийского языка был организован ряд лингвистических экспедиций в районы его распространения: в частности, в 1930-х гг. группой исследователей МарНИИ во главе с В. А. Мухиным была совершена экспедиция в пределы бытования яранского говора. Эта и последующие экспедиции носили скорее практический, *разведывательный* характер: их основная цель состояла в том, чтобы обследовать языковые особенности местных марийцев с точки зрения приспособления для них литературного языка и обеспечения школ учебной литературой [Иванов, Тужаров 1970: 7—8]. Изучение собственно лингвистических особенностей северо-западного наречия, его отношения к другим наречиям марийского языка возобновилось после долгого перерыва в 1950-х гг. под эгидой МарНИИ [там же: 9—10]. В самостоятельное наречие оно было выделено в 1958 г. И. С. Галкиным и Л. П. Грузовым; они же дали ему это название [Марийцы 2018: 108]. Первоначально в составе северо-западного наречия различали три говора: яранский, шарангский, тоншаевский, среди которых яранский, охватывающий Яранский, Кикнурский, Тужинский, Санчурский районы Кировской области и отдельные части Килемарского и Медведевского районов Марий Эл, являлся самым крупным [Иванов, Тужаров 1970: 9—10]. Позднее был выделен четвертый — липшинский — говор [Марийцы 2018: 108].

⁹ Ср. численность марийцев в Кировской области по данным переписей населения: 59 732 чел. (1926), 57 008 чел. (1939), 52 570 чел. (1959), 51 682 чел. (1970), 47 910 чел. (1979), 44 496 чел. (1989), 38 930 чел. (2002), 29 598 чел. (2010), 18 766 чел. (2020).

¹⁰ Из общего числа указавших владение марийским (10 703) 8923 чел. используют его в повседневной жизни, в том числе 7574 чел. в сельской местности (из 8568) и 1349 чел. в городской среде (из 2135) [ВПН 2020].

(11,46 %). Социолингвистическое обследование в Кикнурском районе проводилось в августе 2025 г. Были охвачены с. Шапта, с. Цекеево, пгт Кикнур и с. Потняк. В проекте приняли участие жители указанных населенных пунктов, а также некоторых окрестных деревень. Все опрошенные идентифицируют себя как этнические марийцы. В подавляющем большинстве респонденты являются уроженцами марийских или смешанных марийско-русских деревень Кикнурского района. Три человека родились и выросли в соседнем Яранском районе также в *марийских* деревнях, несколько являются уроженцами Кикнура. Выборка составила 45 чел. (20 мужчин и 25 женщин) в возрасте от 14 до 87 лет, средний возраст респондентов — старше 55 лет, что соответствует наличному населению обследуемых деревень (см. таблицу 1). Мужчины трудоспособного возраста, как правило, работают вахтовым методом, поскольку возможности трудоустройства на селе ограничены. Фактическое отсутствие в выборке представителей младших когорт (в отличие от других выборок в рамках проекта) обусловлено тем, что в этих деревнях и селах практически не проживают семьи с детьми и подростками (об этом см. далее).

Таблица 1. Половозрастная структура выборки

Когорта	Муж.	Жен.
14—20	—	2
21—30	1	—
31—40	2	1
41—50	1	1
51—60	2	7
61—70	11	11
71—80	3	2
81—90	—	1

В ходе исследования использовалась методология, заданная в [Kutsaeva 2021] и подразумевающая комплексное применение следующих методов: наблюдение, анкетирование (опрос), глубинные и полуструктурированные интервью, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных. Была разработана социолингвистическая анкета, включавшая несколько блоков:

- 1) паспортный блок;
- 2) языковые биографии — языки воспитания и обучения: языки, используемые респондентами до поступления в школу — в семье и сообществе; языки, на которых велось обучение в школе; языки, используемые в семье и сообществе в период школьного обучения, на дальнейших этапах обучения; вопрос о преподавании марийского языка в школе; языки коммуникации в рабочем коллективе (респонденты средних и старших когорт) и пр.;
- 3) актуальное употребление языков: сферы использования марийского, дистрибуция марийского и русского языков, функции марийских идиомов по возрастным группам;
- 4) языковая лояльность (приверженность членов группы своему языку, межпоколенческая передача языка) и языковой активизм;
- 5) речевые практики и языковые идеологии;
- 6) бытование языка в культуре и обрядности в контексте витальности этнического языка.

Интервью с респондентами длительностью от 40 до 60 минут проводились в индивидуальном порядке, документально фиксировались, в дальнейшем расшифровывались; была выполнена статистическая обработка полученных данных (подробнее о методологии см. [ibid.]).

3. Реконструкция языковой ситуации в локальных марийских сообществах в XX — начале XXI вв. (по данным языковых биографий)

*Это уж мы по наследству от родителей только говорили на марийском.
Марийский — он же в крови, а русский — он по надобности.
Требование жизни. Ведь с русскими мы живем — не одни.*

Экспедиция в Кикнурском районе проводилась в четырех крупных населенных пунктах — поселке городского типа Кикнур и селах Шапта, Цекеево, Потняк. Они являются полиэтническими, преобладающее население — русские и марийцы. Шапта, Цекеево, Потняк — центральные точки сельских округов, своеобразные узловые пункты, вокруг которых расположены деревни, одни из них — *чисто марийские*, другие — *русские*, третьи — *смешанные*. В Кикнурском муниципальном округе в настоящее время име-

ется лишь одна *марийская* деревня Кукнур, однако еще в 1960-х гг. в непосредственной близости к поселку располагались и марийские деревни Кокшага и Падашево, вошедшие в его состав и теперь известные как улицы Кокшагская и Садовая. Респонденты в выборке являются уроженцами следующих населенных пунктов: пгт Кикнур (4 чел. — двое из них, в средних и младших когортах, родились в поселке, два представителя старшей когорты — в д. Падашево, д. Кокшага), с. Шапта (3 чел.), с. Потняк (2 чел.), с. Цекеево (4 чел.), а также д. Вершаки (2 чел.), д. Пайбулатово (1 чел.), д. Митрофаново (2 чел.), д. Ендур (2 чел.), д. Шудумары (1 чел.), д. Забенки (1 чел.), д. Большой Шудум (2 чел.), д. Лужанка (6 чел.), д. Большая Лыжня (1 чел.), д. Малый Шудум (4 чел.), д. Большое Салтаево (2 чел.), д. Пижанчурга (4 чел.), д. Панчурга (1 чел.).

В описании языковой ситуации в локальных марийских сообществах мы выделим несколько реперных точек: 1) небольшие населенные пункты с преимущественно марийским населением; 2) села Шапта, Потняк, Цекеево; 3) поселок городского типа Кикнур. На карте (см. рис. 1), помимо указанных выше пунктов, отмечены и некоторые другие (Улеш, Макарье), которые мы находим релевантными для реконструкции языковой ситуации в Кикнурском районе.

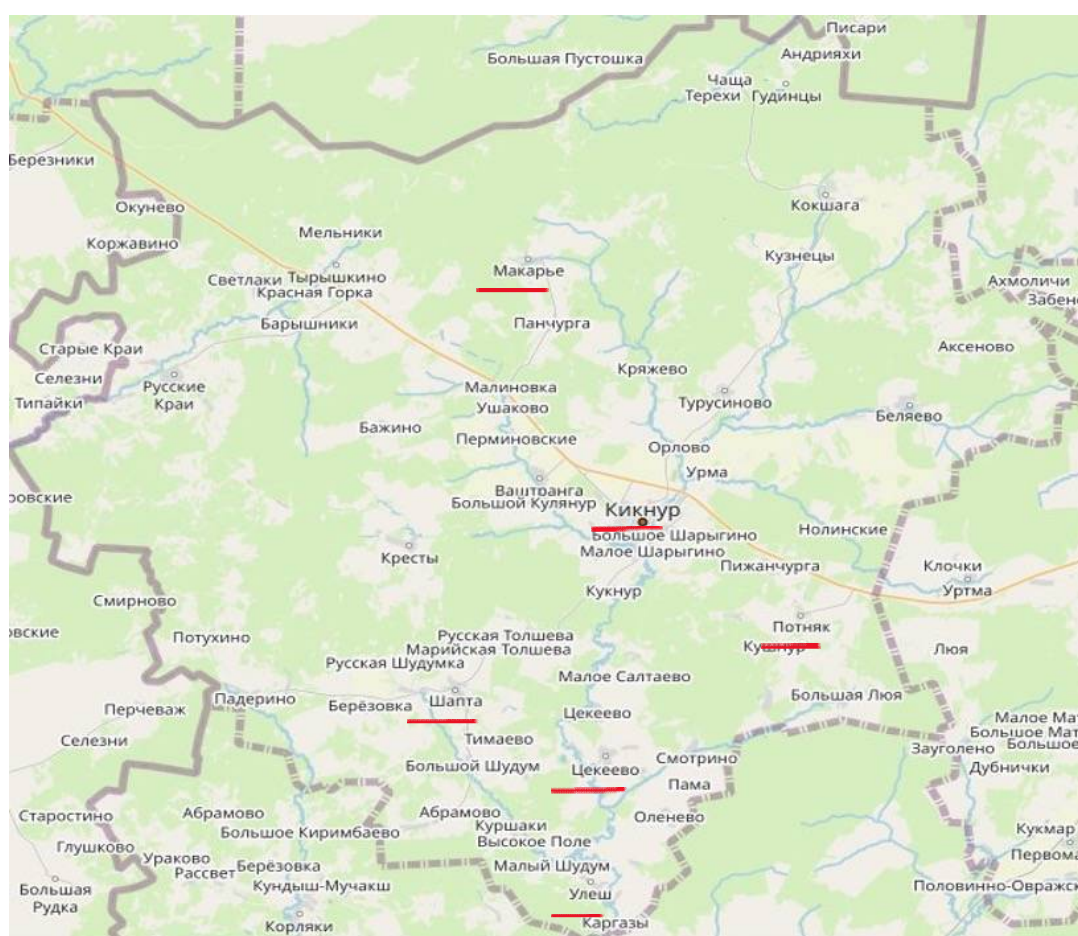

Рис. 1. Карта населенных пунктов Кикнурского района Кировской области
(из открытых источников)

В п. 3.1 изучены этнический состав населенных пунктов и языки общения местного населения. В п. 3.2 освещен вопрос школьного образования в языковых биографиях респондентов, основной акцент — на языках обучения и общения. В п. 3.3 затронут важный аспект изменений речевых практик и языковых идеологий в сообществах. Усилия по внедрению преподавания марийского рассмотрены в п. 3.4. Заключительный пункт раздела (3.5) посвящен ситуативному распределению марийского и русского в сообществе, сферам использования марийского и функциям, закрепленным за этническим языком в относительно недавнем прошлом.

Составление языковых биографий, их анализ и обобщение имеют существенное значение при исследовании изменений речевых практик в сообществе, процессов сохранения или утраты языка, а также при выявлении факторов, обуславливающих языковой сдвиг. Автор разделяет убеждение Н. Б. Вахтина

в том, что «групповой выбор языка общностью базируется на сотнях тысяч незаметных для внешнего наблюдателя, ежесекундных и повсеместных крошечных актах выбора, которые могут поначалу быть хаотическими, но под воздействием магнитного поля мотиваций начинают суммироваться по направлению, складываться по силе, постепенно превращаются в тенденцию и становятся движущей силой языкового сдвига» [Вахтин 2001: 252]. Рассмотрение актов выбора, их фиксация и последующий анализ позволяют наблюдателю обнаружить типичные ситуации таких выборов [там же].

3.1. Этнический состав населенных пунктов и языки общения

Испокон веков наша деревня была половинчатая.

Уроженцы марийских и смешанных марийско-русских деревень в выборке, как правило, в интервью приводили второе, скрытое за официальным топонимом, название, увлеченно рассказывали о его происхождении, неизменно подчеркивая его *марийские корни*. «Моя деревня называется Ендур, но это — интерпретация на русский язык, а по-марийски *Ертүр*¹¹: *ер* — это озеро, а *түр* — это берег. Это берег озера. Моя деревня называется *Берег озера* по-марийски» (№ 29, М., 1954¹²). «Я искала в этих исторических документах историю деревни, и вот самое первое название было *Лужань сола*. *Сола* — это деревня. Потом называлась без мягкого знака *Лужан сола*. Перед войной — Красная Лужанка. А потом — чисто Лужанка» (№ 7, Ж., 1961). «Пижанчурга — это русское, а по-марийски *Пызлянырге*, мы так называли в детстве» (№ 24, Ж., 1962).

Часть деревень являлась преимущественно марийскими (Ендур), с незначительной долей русского населения (Лужанка, Большой Шудум). Другие, напротив, имели смешанный марийско-русский состав (Вершаки): «большинство марийцев было, и русские — несколько семей». В детстве опрошенных старших когорт, выходцев из этих деревень, языком общения с соседями-марийцами выступал марийский. Немногочисленное русское население в смешанных деревнях служило очагом приобщения к русскому языку. Однако русские также, по свидетельству респондентов, могли говорить (понимать) по-марийски. «Всё на марийском раньше разговаривали. Там раньше еще как-то русских было мало в Большом Шудуме. Всё большинство на марийском говорили — даже русские дети, которые выросли с нами» (№ 6, М., 1952). «Митрофаново — деревня-то марийская, но у нас была одна бабушка Суслова, по-моему, русская. Но она потом привыкла, она знала марийский» (№ 30, Ж., 1967). Интересно, что в 1950-е гг. на окраине этой деревни поселились несколько монахинь из закрытого монастыря, в их доме тайно собирались православные русские и марийцы для проведения религиозных обрядов и чтения молитв — таким образом, в деревне также распространялся русский язык.

В условиях контакта с русскими детьми в марийско-русских деревнях респонденты осваивали русский в детстве, часто — еще до школы: «Я до пяти лет не умела говорить по-русски, потому что семья у нас марийская, дома разговаривали по-марийски. И вот перед школой я познакомилась с русской девочкой, я к ней стала ходить в гости — она научила меня говорить по-русски. Я в школу пошла — уже знала» (№ 5, Ж., 1961) (см. сходные пути освоения русского в районах распространения лугового марийского [Куцаева 2022: 143]). Родители респондентки — 1924 и 1930 гг. р. — в основном говорили по-марийски, проживая в смешанной марийско-русской деревне, русский знали в ограниченной мере, тогда как бабушка (год рождения не уточнен) говорила почти исключительно по-марийски, русский знала плохо. Родители респондентов старших когорт в выборке, родившиеся в 1920-х гг., в большинстве случаев «русский только вторым языком считали, а родной и первый язык — непременно марийский» (№ 31, М., 1958).

Этнический состав населения в Потняке, Цекееве, Шапте, Улеше — селах, в которых в советское время располагались центральные конторы колхозов, — был в большей степени смешанным, преобладали марийцы и русские, а также представители некоторых других национальностей. «Муж у меня мариец, шаптинский, но здесь же все равно дети больше разговаривали на русском языке. Здесь покрупнее, побольше. А Лужанка — это все-таки больше на марийском» (№ 21, Ж., 1959). В Лужанке еще в 1960-е гг. дети осваивали русский язык с приходом в школу, тогда как в селах ситуация была иная. Респондент 1960 г. р., проживающий в Шапте, по его замечанию, в детстве примерно в 80 % случаев использовал русский, 20 % приходилось на общение с бабушками (годы рождения не уточнены). Одна из них жила

¹¹ Здесь и далее, учитывая нетривиальную ситуацию с преподаванием марийского в регионе и невладение опрошенными навыками письменной речи на этом языке, приводится их самозапись, которая может в том числе отражать черты диалекта.

¹² Здесь и далее в скобках последовательно приводятся номер анкеты, пол респондента и год его рождения.

в д. Вершаки неподалеку, он навещал ее в выходные, другая — непосредственно в Шапте («смотрела» за внуком ввиду отсутствия детского сада). «Они все на марийском общались тогда, их возраст, — вот с ними в основном на марийском» (№ 2, М., 1960). Его родители, 1935 г. р., «говорили везде пятьдесят на пятьдесят — на марийском и на русском в Шапте».

О речевых практиках на марийском именно с бабушкой в деревне в детстве сообщали те, кто проживал с родителями в селах (включая Макарье). Кажется, бабушки — ровесницы XX в. — использовали главным образом марийский язык в общении с внуками; старшие женщины в семье, рожденные в 1920-х гг. и позднее, знали русский язык: некоторые респонденты связывают это с повышением уровня образования. «Все с детства разговаривали только по-марийски. Русский язык вообще не знали, в первый класс пошли когда учиться. Меня бабушка учила считать по-марийски. До ста. Бабушка 1900 года. Знала она, наверное, русский, но для нее такой ходовой язык это был марийский. Мы жили все вместе. Детсада не было, и вот на печке всегда спать ложились, и всегда вот вечером она учила считать. И когда я пришла в первый класс, учитель спрашивает, кто умеет считать. У нас было 42 человека, а там русские были и марийцы. Ну, понятно, я подняла руку. Там учитель меня спрашивает: “Ну, сосчитай”. Я пошла. Она меня останавливает, а я говорю, что умею до *шүддө*. Шүддө — это значит “сто”. Она снова меня останавливает, садит. Я говорю: “Да я еще умею!” Ну, в общем, все-таки она меня остановила. И почему-то, правда, учили не по-русски считать-то!» (№ 26, Ж., 1962). Любопытно, что в отдельных случаях «наказ говорить по-русски» получали от администрации школы именно бабушки. «Бабушка была 1908 года рождения, жила с нами. И до школы я всё с ней. Она к дочери, она к сестре — и я с ней. Пешком ходили, и вот мы в школу пришли в Цекеево. Подготовительная группа. Нам, детям, картинки показывают, а мы на марийском лепечем. “Девочки, мальчики, — говорит (учитель, — М. К.), — вам надо учиться русскому языку. Вы что — на марийском!” Ну, конечно, в садике мы не были, нигде не были, деревня марийская. Потом было собрание. Они — бабушкам и дедушкам: “Хоть ВЫ учите своих внуков-то русскому языку, они ведь абсолютно ничего не знают”. И вот бабушка с нами: “Девочки, давайте будем учить”, родителям потому что некогда. У нас всё — бабушка» (№ 30, Ж., 1967).

В 1960-е гг., как было отмечено выше, в состав поселка Кикнур вошли несколько марийских деревень, в том числе Кокшага, уроженцем которой являлся один из участников опроса 1960 г. р. По его сообщению, в этой деревне насчитывалось около 50 дворов и был широко распространен марийский язык. Приблизительно в 1967—1968 гг. Кокшагу «переименовали в улицу Кокшагская». В деревне Падашево (ныне улица Садовая в поселке Кикнур) также проживали марийцы. «Просто деревня была отдельно, поселок был отдельно, но потом строили дома, строились-строились, и они соединились, поэтому и дали ей название улицы Садовой. Даже на русском-то Падашево, а на нашем-то, на марийском, это звучит *Падасола*» (№ 14, Ж., 1974). Мать респондентки, уроженка этой деревни 1951 г. р., «рассказывала: пошла в первый класс, ни слова не зная по-русски» (№ 14, Ж., 1974). «В детстве мы общались по-марийски. А как пошли в школу, в деревне у нас начали, молодежь, разговаривать уже по-русски. А так дома объяснялись по-марийски» (№ 43, М., 1962). Для представителей младших и средних когорт, родившихся в поселке Кикнур и в крупных селах, функционально первым языком, в частности в коммуникации с другими марийцами, выступал русский.

Сведения, извлеченные из Всероссийской переписи населения 2002 г. и размещенные в [Коряков 2024а], позволяют получить достаточно полное представление об этническом составе населения в некоторых сельских округах Кикнурского района к началу XXI в. Процентное соотношение русских и марийцев, представленное в таблице, коррелирует с данными в нарративах опрошенных и, кажется, в общих чертах сохранялось на протяжении второй половины XX в.

Таблица 2. Численность населения в отдельных сельских округах и населенных пунктах Кикнурского района Кировской области по данным ВПН 2002 [Коряков 2024а]

Кикнурский район	Численность	Численно преобладают	%
Макарьевский сельский округ (366 чел.)			
с. Макарье	274	русские	61
		марийцы	38
д. Панчурга	92	марийцы	92

Кикнурский район	Численность	Численно преобладают	%
Потняковский сельский округ (651 чел.)			
с. Потняк	315	русские	43
		марийцы	56
д. Большая Люя	58	русские	81
д. Большая Лыжня	39	марийцы	92
д. Кушнур	29	марийцы	76
д. Крутовражье	10	русские	100
д. Пижанчурга	74	марийцы	99
д. Степинские	1	русские	100
д. Юльял	125	марийцы	93
Улешский сельский округ (335 чел.)			
с. Улеш	100	русские	43
		марийцы	54
д. Ветлугаево	2	русские	100
д. Высокое Поле	4	марийцы	100
д. Каргазы	13	марийцы	92
д. Пески	26	русские	77
д. Шамаки	5	русские	100
д. Малый Шудум	78	марийцы	94
д. Муреево	107	русские	32
		марийцы	68
Цекеевский сельский округ (713 чел.)			
с. Цекеево	268	русские	51
		марийцы	49
д. Большое Салтаево	43	марийцы	81
д. Малое Салтаево	46	марийцы	91
д. Малая Лыжня	91	марийцы	91
д. Митрофаново	76	марийцы	100
д. Оленево	20	русские	100
д. Пайбулатово	40	русские	30
		марийцы	67
д. Пама	6	русские	100
д. Смотрино	2	русские	100
д. Цекеево	105	марийцы	93
д. Шудумары	16	русские	44
		марийцы	56
Шаптинский сельский округ (866 чел.)			
с. Шапта	509	русские	52
		марийцы	29
д. Большой Шудум	90	марийцы	94
д. Вершаки	49	русские	29
		марийцы	71
д. Ендур	29	марийцы	100
д. Лужанка	136	марийцы	99
д. Марийская Толшева	18	марийцы	94
д. Русская Толшева	9	русские	78
д. Тимаево	26	марийцы	81

В Цекееве соотношение русских и марийцев приблизительно одинаковое, в Потняке и Улеше марийцы незначительно преобладают (56 % и 54 % соответственно), в Шапте марийцев насчитывается 29 % от общего населения. Вместе с тем очевидно, что некоторые входящие в состав сельских округов деревни — как с русским населением, так и с марийским или же смешанные — к 2002 г. фактически прекращали свое существование.

3.2. Школьное образование: языки обучения и общения

Почему нас дома по-русски не научили? Тяжело нам было в школе.

В 1960—1970-е гг., по воспоминаниям опрошенных в старших когортах, марийские семьи были почти все многодетные (иногда до десяти детей в одной семье), школьные классы — большие (ср. современное состояние в разделе 4). Средние школы располагались в Цекееве («восемилетка»), Потняке, Шапте («десятилетка»), имелись также начальные школы в некоторых марийских деревнях: Тимаево, Лужанка, Большое Салтаево. «Ходили в школу с факелами в Потняк. Много ребят ходило одновременно. Так местные говорили: “Начало уже в Потняке, а конец еще там (в Пижанчурге. — М. К.) остается”. Прямо 125 человек было. А до меня, сказали, вовсе 175» (№ 37, М., 1960). «У нас же деревня большая была. Нас второй Китай называли. Мы по 70, по 80 учеников с Лужанки потом (с четвертого класса. — М. К.) ходили учиться в Шапту» (№ 7, Ж., 1961).

Таким образом, часть марийских детей сразу посещала сельские средние школы, другая часть начинала школьное обучение в своей деревне.

Обучение на марийском было зафиксировано при составлении семейной языковой биографии одного из участников опроса. «У нас на нашем диалекте были учебники. И моя мама (1922 г. р. — М. К.) училась марийскому языку на нашем диалекте. Это начало 30-х годов, наверное. Преподавали здесь у нас наш диалект — не йошкар-олинский, не горномарийский, а наш. Учебники специально были. Вот в ЗАГСе я поглядел, и за 1928 год на нашем диалекте документы государственные писали: на русском языке графа и на марийском языке, на нашем диалекте» (№ 23, М., 1954). На текущий момент ознакомиться с такими учебниками нам, к сожалению, не удалось.

В школьные годы опрошенных марийский не являлся предметом обучения в Кикнурском районе, учебники были на русском языке в соответствии с общим курсом языковой политики, школьной реформой 1958 г. [Беликов, Крысин 2021: 301—303]. Тем не менее в начальных классах деревенских школ марийский язык частично служил вспомогательным языком обучения, особенно на первых порах, что позволяло младшим школьникам легче адаптироваться к новым условиям. «Учительница была марийка, где по-марийски начнет, видишь, и обсудим» (№ 39, М., 1952). Марийский использовался при объяснении нового материала, разборе условий задачи (см. также у луговых марийцев [Куцаева 2022: 131—132]). Всё это, безусловно, было рабочим механизмом, если учитель был также мари. В противном случае могла возникнуть ситуация, описанная нашим респондентом. «Очень туго с русским было. Потому что все марийцы были у нас, не от кого было перениматься. А она была русская, очень нервно всё воспринимала. Даже указки ломала ... то, что мы такие непонятливые. Один раз дали нам контрольное задание. Задачу решить. Мы смысла не понимали даже чтения. Мы просто переписали задание, а ведь надо решить — толку не хватает! Мы копировали, а смысла не понимали. Вот тогда она разгорячилась, даже указку чуть не по головам сломала. Такие были глупые. *Восмысление* плохо доходило. Это было в Лужанке еще, а когда в Шапту в средний переходили, уже лучше стало» (№ 31, М., 1958).

Для многих респондентов старших когорт, тогдашних детей из полностью марийских деревень, марийский являлся функционально первым языком, следовательно они испытывали немалые трудности при поступлении в первый класс, в отличие от тех, кто жил в смешанных марийско-русских деревнях. Ср. уроженцы марийско-русских деревень: «Я знала чуть-чуть русский язык: подружка русская была. Но я не знала все слова. Я вот, например, говорю ей: “Надь, положи *кõтцõк*”. Это для меня как будто русский — *подушка*» (№ 33, Ж., 1962). Уроженцы марийских деревень: «Мы даже в школу пришли, не знаем, что нам скажут. “Дверь закрой” — не знаю, что сказали. Но некоторые знали: родители их учили. У нас они переводчиками были» (№ 37, М., 1960). «Букварь нам дали, “З” проходили, и парень, мальчик из нашего класса, ну, из деревни-то, зайчика увидел и кричит “*Мõрен, мõрен!*” Все удивлялись — ведь там и русские, и марийцы были-то, класс-то общий» (№ 34, Ж., 1958).

Тем не менее с поступлением детей в школу речевые практики в семье претерпевали определенные изменения, даже в селе: «Потом дети (1957, 1959, 1963 гг. р. — М. К.) уже в школу ходили, по-русски стали разговаривать. Всё — учительница ведь по-марийски не учит! Как стали в школу ходить, они уж по-русски *мамой* называли. А до школы называли *äwä*» (№ 18, Ж., 1938). Младшие дети в семье, как

правило, поступали в школу с хорошим русским. Значение имела не только «очередность» рождения в семье, влияние старших школьников, но и политика администрации школы в целом. «Помню, когда брат 1966-го года (поступил в школу. — М. К.), учителя ведь тогда ходили по домам и проверяли, курировали, как в семьях дети себя чувствуют и так далее. Я помню, они говорили маме, что больше говорите на русском языке, потому что это нужно. Между братьями и сестрами мы говорили потом больше на русском языке, а не на марийском, потому что нужно было: надо было учить уроки на правильном русском языке. И как-то всё потихонечку сошло на нет. Сошло на нет до такой степени, что я, шестой ребенок, с родителями больше начала говорить на русском языке» (№ 9, Ж., 1968). «Мне было тяжело очень, а вот сестренки уже более продвинутые были» (№ 13, Ж., 1962).

Что касается учителей начальных классов в сельских школах, в основном они были русскоязычными, однако, по воспоминаниям опрошенных, «учительница маленько марийский знала — местная. Если чего-то на русском не можем, она могла подсказать» (№ 40, М., 1956). Вместе с тем в целом позиция учителей в отношении использования учащимися марийского была непримиримой. «А вот учительница была русская, она пожилая была женщина, жила в Потняке. И вот она спросит алфавит, меня спросила “ножницы”. А я говорю: “*Bäckjüz*”. Она говорит: “Я тебе дам *bäckjüz*! Скажи по-русски: «Ножницы»”. Вот так учились» (№ 24, Ж., 1962). Случалось, правда, что русскоязычные учителя, особенно приезжие, проявляли интерес к марийскому. «Она и потом говорит: “Девочки, мальчики, научите меня на марийском”. Она три года с нами потом отработала и уехала. Она где записывала, где так сама начинает (говорить по-марийски. — М. К.). Мы даже оставались. Она говорит: “Останьтесь, будем учить дальше” (№ 30, Ж., 1967).

В средней школе классы укрупнялись, появлялись параллели за счет прибывших деревенских учеников. Долгое время в Шапте, например, существовала практика деления на классы. «Чисто сельские обычно были в “А”, а которые по перифериям — переходили на другую параллель» (№ 31, М., 1958). Литера «А» была закреплена, однако, не только за Шаптой, но и за окрестными русскими деревнями: Комаровкой, Гусянкой, Березовкой, Падерино. «А Шудум, Ендур, Тимаево, Лужанка — они почему-то ходили в “Б” класс» (№ 5, Ж., 1961). Впрочем, в представлении некоторых опрошенных «бэшки-то все с деревень». «В “А” классе были шаптинцы: русские и марийцы, у нас все марийцы русский язык знали. А вот в “Б” классе — там с Лужанки. Там хуже с русским языком, там шли дети, может, и не знали даже (русского. — М. К.)» (№ 5, М., 1961). Практика деления на классы была распространена и в других марийских сообществах, например в поселковых школах Республики Марий Эл [Куцаева 2020а: 132—133].

Между тем марийский, хотя и не выступал предметом изучения и языком обучения на широкой основе в 1960—1970-е гг., использовался учащимися на переменах в общении с другими марийцами. Кроме того, при Шаптинской школе был интернат, где проживали в том числе и марийцы. Они разговаривали между собой по-марийски, несмотря на замечания некоторых русских воспитанников «говорить по-русски, а то ничего не понятно» (№ 39, Ж., 1952).

Таким образом, еще в середине 1970-х гг. марийский язык звучал в школах (во всяком случае — деревенских). В заключение подраздела приведем анекдотическое свидетельство, подкрепляющее наши выводы. «У нас во втором классе один мальчик пришел, мать-то по направлению — ветеринар. Он пришёл домой и говорит: “Мама, я, наверное, плохо буду учиться”. — “А чего?” — “У нас в классе все, — говорит, — знают немецкий язык, а я вообще ничего не знаю!” Мать-то пришла в школу, говорит: “Что у вас все немецкий знают?” — “Так у нас деревенские, — учительница говорит. — Это они по-марийски болтают”. И вот такое чудо у нас было!» (№ 30, Ж., 1967).

3.3. Изменение речевых практик и языковых идеологий

Старались, конечно, учить русскому. Этого требует жизнь, видимо.

Поколение 1950—1960-х гг. р., став родителями, как правило, не стремилось передать родной язык детям.

Во-первых, увеличилось число межэтнических браков (в выборке — чаще с русскоязычными), и языком внутрисемейного общения автоматически становился русский. Но и в семьях, где оба родителя — марийцы, задача передать этнический язык детям (по крайней мере, естественным способом — через общение между собой и с детьми) молодыми родителями не формулировалась. Это было связано с тем, что многие уроженцы деревень перебрались в села или поселок, где население было смешанным. В представлении жителей моноэтнических деревень в селах «было много русских», «почти все разговаривали на русском».

Во-вторых, значительное, хотя и подспудное, влияние на *невыбор* марийского в качестве функционально первого языка для подрастающего поколения оказывал собственный травматический опыт родителей в школе. «Я на маму обижалась. Говорила: “Почему вы нас учили марийскому языку, а по-русски

не научили? И я говорю мужу: надо с ними (детьми. — М. К.) разговаривать по-русски, потому что в школе им тяжело будет»» (№ 13, Ж., 1962). «Я не разговаривала с ними на марийском. Чтобы в школу они ушли не так, как мы ушли. Чтобы они знали (русский. — М. К.)» (№ 37, М., 1960). О ситуации в других миноритарных сообществах см. также [Dauenhauer, Dauenhauer 1998: 64—66; Dorian 1998: 20—21].

Разница заключалась еще и в том, что детей, рожденных в 1980-е гг., готовили уже не к школе, а в детский сад — в отличие от представителей предыдущего поколения, которые почти все росли с бабушками. «Мы между собой говорили на марийском, а с ними на русском. Им же в садик, в школу надо. Потому что в садик сразу шли, еще ребенками, только на ноги встанет — и в садик. А если на марийском научишь, как они там понимать в садике будут? Никого тут не учили на марийском» (№ 40, М., 1956). В 1980-е гг. в Шапте функционировал детский сад: по словам респондентки — в то время сотрудника ДОУ, «дети в 1983 году все по-русски говорили. Может, они и понимали по-марийски. Но никто, ну вот даже реплики чтобы какие-то выходили по-марийски, не помню!» (№ 7, Ж., 1961). Впрочем, были и единичные случаи «понимания марийского» даже в поселке: в начале 1990-х гг. помощник воспитателя использовала марийский с коллегой в одном из детских садов Кикнура и заметила, что воспитанник «понимает». Источником марийского для сельских и поселковых детей выступала главным образом марийская деревня: «мы выхватывали определенные слова на марийском в деревне» (№ 28, Ж., 1986) (см. сходные данные в других сообществах [Куцаева 2020б: 46—47]).

В-третьих, использование преимущественно русского в семье было обусловлено и социально-профессиональным статусом родителей: в семьях учителей и воспитателей, как и в других изученных нами марийских или чувашских сообществах, распространенной была практика приоритетного употребления русского языка: «чаще на русском с нами, чтобы в школе и по русскому были нормальные оценки» (№ 17, М., 1984) (об ориентации на социальную мобильность через русский язык см. [Беликов, Крысин 2021: 301]).

Наконец, вследствие значительных миграций населения, в том числе марийцев, в послевоенное время [Сепеев 2006: 160—165] и более частных факторов — к примеру, воспитания марийцев-сирот в интернатах или проживания марийцев в населенных пунктах со смешанным марийско-русским населением и доминированием русского языка — увеличилась доля тех, кто не владел в достаточной мере этническим языком. В браке с супругом-марийцем они использовали привычный им русский еще и потому, что попытки перейти на марийский не получали одобрения: «Я как-то имел неосторожность сказать ей: “Ты ни черта не умеешь говорить по-марийски как надо, ты коверкаешь — так что лучше не говори»» (№ 23, М., 1954). «Я иногда говорю: “Ты что-то сказал такое интересное”. Он: “А чего — я же мариец!” — “Но ты слова *так* говоришь. Ты лучше не говори на марийском: ты искажаешь слова!”» (№ 19, Ж., 1957). Об идеологиях, препятствующих речевым практикам новых носителей марийского, см. [Куцаева 2021: 18—24].

Опрошенные 1980-х гг.р. в детстве преимущественно *слышали* марийский от родителей или бабушек и дедушек. При этом поколение родителей продолжало использовать марийский со своими сверстниками и самым старшим поколением — как в семье, так и в сообществе, например, с соседями. Кроме того, марийский нередко использовался ими в качестве тайного языка — «от детей»: «Еще, чтобы немножко детей обмануть, — они же начали садик на русском, — мы начали на марийском, чтобы им скрыть какую-то информацию на марийском» (№ 35, Ж., 1962). В таких условиях детям, которые «слышали по жизни разговоры наши» (№ 35, Ж., 1962), «невольно приходилось перенять» (№ 31, М., 1958). «Бабушка наша с Большого Салтаево частенько в домашнем обиходе разговаривала на марийском с дедушкой, с тетей, чтобы мы, дети, особо не поняли. А мы впитывали, а потом расшифровывали» (№ 17, М., 1984).

Родители в целом разделяли следующее убеждение: «мы же разговаривали — а они это всё хватили, как губки впитывали» (№ 37, М., 1960). При этом основная задача в поколении родителей заключалась во внедрении в семейные языковые практики русского языка с рождения. Об идеологической установке с 1970-х гг. в СССР на достижение всеобщего национально-русского двуязычия см. [Беликов, Крысин 2021: 301—305]. В итоге в поколении 1980-х гг. и чуть младше «марийский понимают, но говорить — не говорят» (№ 8, М., 1958).

3.4. О попытках внедрить преподавание марийского

Клич бросили будить марийский язык.

Пытались мы, но надолго у нас этот язык не прижился.

В 1990-е гг. на фоне «парада суверенитетов», обсуждения и принятия законов о языках в титульных республиках, всеобщей обеспокоенности за судьбу этнического языка и культуры, а также попыток сохранить этническую идентичность (см. [Губогло 1996]) марийцы Кировской области были вовлечены в работу всемарийских съездов [Съезды 2008: 293, 330—331]. «Там все говорили о возрождении народа

мари, о языке говорили — я всё это впитал. А что мы могли конкретно сделать сами? Мы смогли здесь сделать факультатив» (№ 23, М., 1954). Кроме того, поскольку стала очевидной разобщенность Кировских марийцев по районам, было принято решение о создании локальной организации «Марийцы Кировской области», объединившей марийцев из Кикнура, Уржума, Малмыжа и др. В Пижанке был создан центр марийской культуры. Непосредственно в Шапте в 1993 г. на базе Дома культуры был открыт филиал Марийского центра; здесь же были проведены конференция и семинар, посвященные «изучению нашего языка» (№ 23, М., 1954). Чтобы наладить работу факультативов — а они открылись с 1995 г. на базе сельских школ в Шапте и Потняке, — требовалось подготовить учителей и обеспечить их учебно-методической литературой. Несколько местных учителей-марийцев были командированы в Йошкар-Олу на курсы переподготовки. Позже такие курсы проводились и в Яранске. Курсы были организованы следующим образом: «Нас письменности не учили. Нас учили, как знакомить с марийскими словами, выражениями, марийской культурой, историей. Язык мы не изучали» (№ 5, Ж., 1961). Наши респонденты, в прошлом те самые учителя марийского, были уроженцами Кировской области, преимущественно — местными жителями 1950—1960-х гг. р., марийский язык в его локальном варианте служил для них языком общения в семье и в сообществе, но не являлся предметом изучения в школе, и, по их признанию, «вводить только сам язык не смогли бы» (№ 5, Ж., 1961).

Республика Марий Эл, в соответствии с [Закон РМЭ о языках 1995, ст. 3], оказывала марийским диаспорам содействие в обеспечении учебной и методической литературой. Часть учебников, букварей, словарей и справочников привозили местные активисты, часть — будущие учителя марийского. Учитывая различия в местном идиоме [Иванов, Тужаров 1970] и литературном марийском языке в его наиболее распространенной и доминирующей форме — луговомарийской, нетривиальным представляется вопрос: какие именно учебники марийского использовались в ходе работы факультативов. Респонденты затруднились в идентификации букварей как луговомарийских/горномарийских, но отметили интересный факт: «Они для нас выбирали букварь тот, который более для нашего общества подходит» (№ 26, Ж., 1963)¹³. Известно, что на момент внедрения в программу факультатива марийского языка в одну из школ поступило порядка шести новых букварей, остальные книги (пособия и словари) были «конечно, старые» (№ 26, Ж., 1963). По воспоминаниям бывших учеников и их родителей, учебники на дом не выдавались.

На факультатив выделялось 0,5 ч., занятия начинались с первого класса. «Как ознакомительное занятие у нас было: картинки рассматривали, историю немножко рассказывали, слова запоминали, песни, стихи на марийском учили» (№ 5, Ж., 1961). Наряду с изучением марийского (по букварям и раздаточным материалам, «методичка по обучению в садике») учащиеся разучивали марийские танцы, выступали с концертами в Пижанке на национальном празднике «Пеледыш пайрем»¹⁴. «Оценки им не ставила. Посидят, порисуют, поговорят. Учили мы марийские слова как литературный язык. По-русски на уроке разговаривали. Как по-русски им скажу, как по-марийски. Я раньше еще немецкий вела так же вот» (№ 26, Ж., 1963).

Внедрение марийского языка встретило сопротивление в сообществе. Возражения высказывали прежде всего родители русских учащихся: факультатив был обязательным для всех учеников (напомним, что в сельской школе классы были смешанными). Родители-марийцы также считали изучение марийского языка лишней нагрузкой, особенно в контексте добавления в расписание иностранных языков (немецкий со второго класса). Одновременное освоение нескольких алфавитных систем казалось трудным. «Совмещать в начальном классе сразу два языка было сложно, потому что буквы похожи, но с точками сверху, снизу, сбоку» (смеется. — М. К.) (№ 3, М., 1989). К тому же *марийский из учебника* воспринимался и родителями, и учащимися, и даже учителями как чуждый, фактически иностранный язык. Это, безусловно, снижало мотивацию к его изучению и преподаванию. «Детям это трудно, да мы и сами-то не всё понимаем — через словарь только» (№ 3, Ж., 1950). «Я-то сама не умею по-ихнему говорить» (№ 26, Ж., 1963). Поскольку в те годы целое поколение детей уже не говорило по-марийски, родители считали, что преподавание марийского бесперспективно и (проводится) «для галочки». По мнению одного из респондентов, в то время школьника, «преподавали как в Марий Эл, грубо говоря. А у нас раз-

¹³ В школьном музее ныне закрытой Потняковской школы среди нескольких *марийских* книг имеется один экземпляр учебника «Маре букварь» [Дмитриев и др. 1995] для первого класса на северо-западном наречии марийского языка; однако получить подтверждение от респондентов в том, что именно такой учебник использовался на занятиях, нам не удалось.

¹⁴ *Пеледыш пайрем* («Праздник цветов») — летний праздник, зародившийся в советское время в Йошкар-Оле и соединивший черты традиционных марийских праздников *Агавайрема*, *Семыка* и *Сүрема*. Он стал первым национальным праздником нового типа [Марийцы 2018: 278].

говорная речь с ними отличается. Надо было обучать тому, как общаются здесь, чтобы и родители наши тоже понимали» (№ 4, М., 1989). «Нам же, родителям, здесь самим это не прививалось, никому не прививалось — трудно поэтому было» (№ 38, Ж., 1960). Интересно, что и отношение самих учителей к факультативу было неоднозначным. «Мы ведь даже отказывались, потому что этот дополнительный литературный язык нам непонятен даже. Нам — взрослым» (№ 3, Ж., 1950). «Когда спрашивали родители, зачем марийский, я говорила: “Да вот как изучают английский это, развивает память вроде бы”» (№ 26, Ж., 1963). Определенное влияние оказывали и господствовавшие в марийском сообществе идеологии: стойкая ассоциация марийского с деревней и сельским образом жизни (идеология аутентичности), а русского — с городом и городской средой (идеология анонимности). Последняя в целом свойственна большим языкам [Woolard 2008: 303—309]. «“Язык — мы-то не против, но оно как-то не востребовано. Пойдешь в город — там уже этот язык не будет фигурировать”, — некоторые так ведь говорили» (№ 23, М., 1954) (об этом см. также [Куцаева 2023: 66—70]). По мнению активистов, не было и ощутимой государственной поддержки инициативы внедрения марийского. «Может, и власти не были склонны. Не вредили, а так сводилось к тому, что всё потихонечку сводилось на нет. У нас всё время так. Тихонечко всё сходит на нет» (№ 23, М., 1954). Кроме того, чувствовалось неприятие со стороны местного РОНО: «“Мало марийцев”, — сказали, и будто бы провели опрос, что не хотят (родители. — М. К.)» (№ 26, Ж., 1963). Сыграли роль и обстоятельства более частного характера: русскоязычные учителя, которые «потом брали первые классы, не захотели брать марийский язык, но нам свои часы не отдали» (№ 5, Ж., 1961). В связи с изменениями в образовательных программах в 2000-х гг. факультатив был выведен за рамки школьного расписания и продолжить начатое было предложено работникам местного СДК. «Это был не языковой кружок, а кружок народной культуры. Игры, сценки брали, учили отдельные слова» (№ 9, Ж., 1968). Занятия проводились в клубе в течение еще нескольких лет.

Опрошенные и сегодня по-прежнему уверены, что преподавание марийского нецелесообразно в этих сообществах: «Мы по-другому говорим, а марийские, они-то ведь по-другому, наверное, учат» (№ 34, Ж., 1958). Таким образом, инициатива внедрить обучение марийскому в сообществах носителей северо-западного наречия в 1990-х гг. ввиду целого ряда причин не увенчалась успехом.

3.5. Языки коммуникации в сообществе: сферы, функции, практики

С русскими было по-русски, с марийцами по-марийски.

В советское время сельское население Кикнурского района было объединено в несколько колхозов. Центральные усадьбы (конторы) располагались в Шапте, Потняке, Цекееве, Улеше, в их состав входили бригады из деревень. Так, шаптинский колхоз «Победа» включал восемь бригад — по числу деревень в округе, преимущественно с марийским населением. Марийский, следовательно, являлся одним из языков неформального общения в рабочем коллективе: «когда рядовых снаряжал на сенокос, с русскими — на русском, с марийцами — на марийском» (№ 40, М., 1956). В сообществе, впрочем, действовало довольно жесткое правило: «с русскими и при русских — по-русски, с марийцем — на *своем*». «Если в коллективе хоть кто-то один был русский, мы все разговаривали по-русски» (№ 22, Ж., 1972). «Вдвоем, если земляк сидит, всегда по-марийски. Самый близкий язык» (№ 31, М., 1958). Неоднократно приходилось слышать о том, что в сельсовете в те годы переход сотрудников на марийский в неформальном общении с пожилыми марийцами, которые пришли справиться о каких-то делах, не приветствовался русскоязычными сотрудниками. «Замечания потом делали русские: “Сидят там люди, а вы вот по-марийски говорите”» (№ 34, Ж., 1958). Интересно, что такие замечания поступали, по нашим данным, именно от приезжих русских, тогда как старожильческое русское население (см. п. 3.1) воспринимало марийцев и их язык иначе. Приезжие в советское время оказывали определенное влияние на языковые практики марийцев: «Она русская была, приезжая учительница, ей не очень нравился наш марийский язык. Вечно недовольная: “Почему по-марийски говорите? Если в коллективе есть русские, не надо по-марийски разговаривать”» (№ 14, Ж., 1974).

Эти же практики переносились на другие ситуации общения — например, в магазине. «С детства помню: придут женщины в магазин, если есть русские в магазине еще, марийки по-марийски не будут говорить. Чтобы не обидеть русских» (№ 3, Ж., 1950). Одна из респонденток, в прошлом продавец, подтвердила, что обслуживала клиентов-марийцев на марийском, «только если русских нет». Свой выбор она объяснила так: «Знаете, как-то вот все говорят... ну вот цыгане ведь ходили по деревням на своем языке — это как будто вот так — непривычно — так ты говори на русском! А если никого в магазине нет, что я буду по-русски? Я на своем! Все равно марийский язык-то легче, и словарный запас-то больше, так сказать» (№ 33, Ж., 1962). В начале 2000-х гг. на марийском, впрочем, обращались к продавцу только очень пожилые покупатели, ровесницы респондентки использовали русский язык.

Марийский язык, по свидетельству опрошенных, частично употреблялся в фельдшерском пункте в 1980-е гг. в основном с пожилыми пациентами. «Это раньше старушки по-марийски разговаривали: по-русски не умели, не получалось. А в начале 2000-х это уже были совсем другие старушки: они знали русский» (№ 13, Ж., 1962). Рабочий коллектив ФАП был многонациональным, языком общения сотрудников являлся русский. В школе в учительской *общим языком* для русскоязычных и марийских сотрудников выступал русский, аналогичная ситуация складывалась и в работе почтовых отделений. Однако почтальоны-марийцы, взаимодействующие с населением, особенно с пожилым, ранее также широко использовали марийский язык.

Практики *уместного* употребления марийского только со своими и в очень ограниченном кругу сфер получали дополнительную подпитку вследствие языковых идеологий, доминирующих в городской среде. Деревенские жители, выезжая на учебу в соседние города, начинали испытывать стеснение, «стыд говорить на родном языке». Нежелательность и фактический запрет на использование марийского даже между собой транслировалась не только русскоязычным окружением, но и земляками. «Ну вот как неприлично, дескать, в магазин зайдешь, на своем языке говорить. Дескать, это некультурно — и поэтому все на русском» (№ 32, Ж., 1964). По воспоминаниям опрошенных, во второй половине 1970-х гг. в близлежащих городах Кировской области марийцы чувствовали презрение местных городских русских: «По-марийски начнешь говорить — всё, ты уже *черемисин*¹⁵». Возвращаясь по окончании учебы в колхоз, молодые специалисты *привозили из города* прочно усвоенные речевые практики и внедряли их на селе. Таким образом, маргинализация марийского языка и его носителей усиливала ассимиляцию в обществе.

Респонденты 1960—1970-х гг. р. указывали на то, что в их дошкольном и школьном возрасте марийский функционировал в сфере СМИ. В частности, в отдельных населенных пунктах Кикнурского района (Вершаки, Большое Салтаево, Лужанка, Ендур, Митрофаново) осуществлялось вещание на марийском языке из Марийской АССР. В основном это были концерты и спектакли. Самым запоминающимся для респондентов в выборке стал телеспектакль «Салика»¹⁶. Учитывая, что в то время телевизоры были еще не в каждой семье, марийцы собирались в отдельных домах: «лазили на крышу, антенну подводили, чтобы марийский ловить» (№ 30, Ж., 1967), «набивались и смотрели вместе марийский концерт в вечернее время» (№ 12, М., 1961).

Взаимопонимаемость между локальным идиомом и транслируемым из Йошкар-Олы литературным луговомарийским была невысокой. В поколении школьников «кое-что понимали» (№ 30, Ж., 1967), «было не очень понятно, но смысл-то можно было понять» (№ 26, Ж., 1963), «мало что понимали, отдельные слова только» (№ 36, М., 1965). За разъяснениями они обращались к старшим, которые, в представлении опрошенных, «понимали более-менее», но в целом «они, думаете, много знали? “Ой, как хорошо пляшут!” — только говорили» (№ 36, М., 1965). Причина такой низкой степени понимания заключается, по мнению большинства, в том, что «там (в Марий Эл. — М. К.) они ведь чисто марийцы, а здесь — нет» (№ 32, Ж., 1964) (об этом см. также п. 4.3). Просмотр марийских программ заставлял респондентов еще в детстве задуматься о многообразии марийских диалектов и о том, насколько плохо они понимают друг друга. Один из опрошенных привел в качестве примера эпизод, запомнившийся ему с детства: «Я вот даже про Ленина маленько помню кино. “Коч, коч, Владимир Ильич!” — “Огым, огым, Надежда

¹⁵ Здесь же уместно упомянуть бытовавшую в русской среде Кикнурского района частушку:

Черемисы-лопари
надували пузыри.
Пузыри-то лопнули,
черемисы топнули.

Лопарями, как известно, называли саамов, что косвенно указывает на принадлежность марийцев к финно-уграм. Кроме того, интересная деталь, касающаяся *пузырей*: в частушке речь идет о волынке *шувыр*. Наряду с барабаном *тумыр* и гусями *кусле* волынка принадлежит к традиционным музыкальным инструментам марийцев, упоминаемым еще в источниках XVIII в. Волынка *шувыр* часто использовалась в ансамбле с барабаном и являлась неизменным атрибутом пения и плясок на свадьбах, поминках, гуляниях [Марийцы 2018: 350].

Прабабушка одной из участниц опроса (старших когорт), практически не владевшая русским, часто напевала детям именно эту частушку; для респондентки это было первым погружением в русский язык.

¹⁶ Имеется в виду телевизионная постановка по одноименной пьесе марийского драматурга С. Николаева. Театральный спектакль «Салика» стал одной из первых постановок Маргостеатра 1930-х гг. и представлял собой яркое зрелище, насыщенное народными песнями и плясками. Эта музыкальная комедия является марийской классикой [Марийцы 2018: 383].

Константиновна!» И вот до сих пор запомнил! У нас-то “кац, кац”, “агэм, агэм»» (№ 37, М., 1960). Именно поэтому (и не только) любимыми передачами на марийском среди взрослого населения, особенно женщин, были концерты «с плясками и костюмами».

Согласно полученным данным, марийский язык не функционировал в сфере периодики. Опрошен-ные в старших когортах в детстве не получали марийские газеты и журналы. По сообщению одного из участников опроса, с 1980 г. сотрудника почтового отделения в населенном пункте Кикнурского района, местные марийцы никогда не выписывали периодику из Йошкар-Олы (в отличие от, например, башкор-тостанских, татарстанских или уральских марийцев).

Марийский, напротив, относительно широко бытовал в сфере народной культуры. Конкретно марий-ских коллективов, по воспоминаниям участников обследования, в их детстве и юности не было. Будучи детьми и подростками, они учились марийским пляскам, подсматривая за старшими: «Молодежь вста-вала в круг, пели частушки, больше по-марийски пели, конечно. Топали мы сначала что-то, смотрели, учились. А потом где-то за баней, может, идешь один и потопаешь. Думаешь: “Где-то ведь надо учиться. Что же — все пляшут, а ты не умеешь!”» (№ 26, Ж., 1963) (ср. в марийских сообществах Башкортостана издавна и в большом количестве представлены марийские творческие коллективы [Куцаева 2025а: 58]).

Праздники, бытовавшие в марийской среде региона, были преимущественно православными. Как та-ковых национальных марийских праздников в 1960—1980-е гг. уже не было. К примеру, марийская Пасха *Кугецй* совпадала с православной Пасхой. «Мы *Пасха* говорим, *Кугецй*-то называли, когда по-марийски говорили. Но это тот же самый день, когда и Пасха» (№ 3, Ж., 1950) (о традициях, связанных с марийской Пасхой *Кугече* в других марийских сообществах см. [Марийцы 2018: 205—206]). Все марий-ские деревни в исследуемом регионе имели престольные праздники. В советское время храмы в селах были закрыты, в них размещались склады или школьные спортивные залы (как в Потняке, например), поэтому престольные праздники, хотя и утратили религиозное содержание, переросли в День деревни. Раз в год в деревне собирались все жители (даже те, кто уехал в город), посещали кладбище, а затем на-чинались гуляния с гармошкой.

Как отмечают опрошенные, «марийцы отдельно гуляли». Летом молодежные гуляния проводились по выходным, по окончании рабочей недели. Сначала это было воскресенье, потом перешло на субботу. Гуляния шли «по кругу». «С крайней деревни начинается и движается. Сначала цекеевская сторона, по-том переходит на шаптинскую сторону. Это были именно марийские деревни, русские мы обходили. У русских свои гуляния были. Это было заведено давным-давно» (№ 40, М., 1956). Нередко на таких ме-роприятиях происходили знакомства молодых людей. Несколько респондентов встретили будущих су-пругов именно на летних гуляниях. Здесь же исполнялись марийские частушки и пляски под гармошку. Впрочем, уже в те годы исключительно марийского в такой импровизированной программе не было: «было всё в куче: и русские были частушки, и плясовая, и барыня, и пляски наши марийские» (№ 39, Ж., 1952).

Семьи многих опрошенных были *музыкальными*: представители старшего поколения — самоучки, «певуны и плясуны». В основном они владели игрой на гармошке. Были и те, кто умел играть на гуслях и балалайке. Мать одного из респондентов (1913 г. р.) умела играть на гуслях, однако «в народе говори-ли, что ты, мол, играешь, чертей заводишь только. Ей так сказали, и она всё бросила: поломала гусли» (№ 39, Ж., 1952)¹⁷. Среди музыкальных жанров, распространенных в марийской среде в 1960—1980-е гг., были и протяжные, долгие песни — гостевые. «Песни пели, когда встречали. Когда провожали, все пели прощальные песни» (№ 5, Ж., 1961). Частушки исполнялись и на свадьбах. Приблизительно до начала 2000-х гг. в марийском сообществе активно поддерживался обычай проводов в армию: «по деревне хо-дил гармонист, парни с ним, песни поют, в каждый дом заходят. Девушки носовые платки вышивали, дарили призывнику. А призывник ходил и платочками махал потом. И ходили и на марийском, и на рус-ском пели, и плясали по деревне. В наше время всей деревней провожали» (№ 8, М., 1958). Наряду с частушками была распространена и песня советского периода «Рвезе кеен Ленинградыш» («Мальчик едет в Ленинград»). Пожалуй, это единственное зафиксированное в ходе экспедиции крупное музыкаль-ное произведение (в отличие от малых жанров, представленных частушками). Слова песни, так полю-бившейся бабушкам (в выборке указана женщина 1908 г. р.) и матерям наших респондентов, были вос-произведены фрагментарно — иногда только первый куплет, однако общее содержание бережно хра-нится в памяти. Впрочем, идея этого произведения несколько разнится в версиях, предложенных опро-

¹⁷ Гусли у предков марийцев считались сакральным музыкальным инструментом, связанным с религиозными ритуалами: они звучали во время молений в священных рощах; имелись специальные мелодии, которые исполня-лись только в ходе ритуальных церемоний. В настоящее время гусли почти не используются в обрядах и быту, бу-дучи распространены преимущественно как концертный инструмент у горных марийцев [Марийцы 2018: 256].

шенными. «Она грустная совсем. Вот была девчонка. И родители не дали ему жениться. Он уехал в Ленинград и нашел там себе другую, русскую. А потом что-то случилось, что... лучше бы, говорит, он женился на Зое, чем было — русской. Вот смысл песни-то» (№ 24, Ж., 1962). «Мамина двоюродная, мы жили рядышком, эту песню пела. Когда меня брала гусей встречать в поле. Это уже поздно вечером. И она вот эту песню все пела. Она такая плачевная, такая грустная. Что мальчик уехал в Ленинград» (№ 26, Ж., 1963). «Мальчик уехал продвинуться для жизни... Вот грусть-то из-за того, что у них не стало встреч с этой девушкой. Вот он уехал для жизни продвинуться, а девушка-то осталась» (№ 39, Ж., 1952).

Что касается функций марийского, то он широко использовался в качестве средства общения — как в семье, так и в сообществе. Фрагментарно — в квазикоммуникативных целях на факультативе марийского языка в 1990-х гг.

Как тайный язык марийский употреблялся только в быту — «от детей» — в связи с распространением установок, направленных против его передачи детям, начиная с 1980-х гг. В отличие от других марийских сообществ, где марийский служил конспиративным языком среди русскоязычных, марийцы Кикнурского района, издавна проживающие в плотном окружении русских, ни разу не упомянули о таком его использовании.

Кроме того, марийский активно употреблялся в эмоциональной сфере. Например, респонденты, в прошлом трактористы, почти все обращались к трактору на марийском: «С трактором — всегда на своем!» (№ 40, М., 1956). В марийской среде Кикнурского района было принято «материться и ругаться на русском, а хвалить — на своем» (№ 40, М., 1956).

Наконец, марийский использовался в сакральной функции. Несмотря на распространение православия (практически все респонденты в старших когортах были крещены еще в детстве, носили крестики¹⁸, многие из них впоследствии венчались в действующем храме в Карляках), отдельные семьи продолжали следовать марийской традиционной религии: «В Ендуре в 60-х годах две семьи ходили молиться тайком в рошу. Они скрытно ходили. Но мне тетка Пелагея показывала это место, когда взрослым стал. И это место мне во сне много снилось. Там береза и елка. Место было маленьким. Местечковое» (№ 23, М., 1954). Непосредственно в выборке родители и старшее поколение опрошенных все посещали православный храм. Это связывают с тем, что поколение бабушек, которые знали и *умели ходить в рошу*, ушло, и следующее поколение стало ходить в церковь. «У нас же церковь уже сто лет как была. Нас мама перед школой маленьких в церковь водила» (№ 5, Ж., 1961). Марийский использовался также в обрядовой сфере. «*Согонет шужо* — это обязательно. У нас в деревне всегда так говорили. Что-то хорошее, пусть у тебя будет хорошая дорога, пусть у тебя будет в доме достаток, еда, здоровье» (№ 23, М., 1954). О применении марийского в обрядовой сфере ранее см. [Яковлев 1887: 69—74].

4. Языковая ситуация в локальных марийских сообществах на современном этапе

А мы уже руссковатые стали.

Относительно динамики языковой ситуации в Кикнурском районе в начале XXI в. и ее отдельных аспектов мы располагаем статистическими данными за 2010 и 2020 гг.

В таблице 3 приводятся сведения за 2010 г. об общей численности населения в ряде интересующих нас пунктов Кикнурского района, численности марийцев и признании марийского языка родным. С 2002 г. наблюдалась убыль населения в разных по величине населенных пунктах, например: д. Большое Салтаево — 43 чел. (2002) vs. 22 чел. (2010); д. Большой Шудум — 90 чел. (2002) vs. 65 чел. (2010); с. Шапта — 509 чел. (2002) vs. 379 чел. (2010); д. Ендур — 29 чел. (2002) vs. 5 чел. (2010). Убыль населения обусловлена трудным экономическим положением на селе в связи с распадом колхозов в начале 2000-х гг., оттоком трудоспособного населения в города (многие респонденты-мужчины, работники сельского хозяйства, в те годы впервые отправились на вахту), а также общим старением наличного населения.

¹⁸ Из всех обследованных в рамках проекта сообществ в Кикнурском районе наиболее ярко представлена православная традиция. Еще в советское время респонденты почти все носили нательные крестики, невзирая на запреты советской системы и, в частности, администрации школы. «Раньше проверяли ведь в школе. Придут — мы в туалет бежим, крестики снимем. Спрячем» (№ 13, Ж., 1962). «Мама нам повесит крестик. Придешь в школу, а учительница срежет и не отдаст. Я хватала и в карман или в кулак сжимала. А потом лифчики девчонки стали носить и завязывали в лифчик. И не видно, и на шее ничего не висело» (№ 24, Ж., 1962). «Но если приходили врачи осматривать нас, нам говорили (в школе. — М. К.) снять. Куда-то в кармашек ложили, потом одевали снова» (№ 26, Ж., 1963).

Таблица 3. Численность населения, марийцев и родной язык в отдельных населенных пунктах Кикнурского района по данным переписи 2010 г. [Коряков 2024б]

Населенный пункт	Население	Марийцы	Марийский родной язык
пгт Кикнур	4969	1092	306
с. Макарье	182	61	18
д. Панчурга	63	46	28
с. Потняк	270	145	125
д. Пижанчурга	47	45	39
д. Юльял	60	52	47
с. Цекеево	202	124	74
д. Большое Салтаево	22	17	15
д. Малое Салтаево	25	20	22
д. Малая Лыжня	57	40	40
д. Митрофаново	47	44	46
д. Пайбулатово	21	16	16
д. Цекеево	73	65	67
д. Шудумары	10	3	3
с. Улеш	62	28	23
д. Малый Шудум	22	25	25
с. Шапта	379	283	169
д. Большой Шудум	65	58	58
д. Вершаки	17	7	7
д. Ендур	5	8	5
д. Лужанка	89	83	73
д. Тимаево	10	10	5

Марийцы составляют костяк населения в большинстве небольших населенных пунктов. В Потняке, Цекеево, Шапте марийцы представляют более половины населения. В Улеше и Макарье — менее половины. В поселке Кикнур марийцев, судя по результатам переписи 2010 г., насчитывается 22 % от общего числа жителей. Что касается признания марийского языка родным, лидируют небольшие селения. Интересно, что данные переписи содержат также фрагментарные сведения о владении языками, в частности, в Кикнуре, Шапте и Большом Шудуме — населенных пунктах разной величины (поселок, село, деревня соответственно). В Кикнуре 99 чел. заявили о владении марийским как первым языком (96 чел.) или вторым (3 чел.), что составляет 2 % от всего населения поселка. В Шапте на владение марийским указал 21 % населения (79 чел., все — как первый язык). В Большом Шудуме, насчитывающем в 2010 г. 65 чел., из которых 58 чел. — марийцы, всего шесть человек (9 % от общего населения) отметили владение марийским как первым языком [Коряков 2024б]. Из общего ряда показателей в таблице 3 выделяются значения по Малому Шудуму и Ендуре — они заслуживают отдельного комментария. Несоответствия вызваны тем обстоятельством, что к значениям в таблице был применен механизм защиты конфиденциальной информации. Это значит, что все числа были немного изменены (в пределах 5—10) и, например, суммы отдельных национальностей могут не совпадать с общей численностью населения (Ю. Б. Коряков, личное сообщение).

В таблице 4 представлена информация о численности населения, родном языке и языках владения согласно результатам [ВПН 2020]. Для полноты картины в таблицу включены также населенные пункты с традиционно русским населением¹⁹.

¹⁹ Возникающие разночтения между данными о наличном населении и показателями владения языками и использования русского и марийского в Березовке, Макарье и Юльяле (см. соответствующие графы в таблице 4) едва ли объясняются принципом защиты конфиденциальной информации, упомянутым выше. Возможно, это связано с несовершенством механизмов реализации порядка учета населения и сбора сведений (об организации и порядке проведения см. [Методологические пояснения 2020]).

Таблица 4. Сведения о владении языками в некоторых населенных пунктах Кикнурского района по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. [Коряков 2024в]

Населенный пункт	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К
Кикнурский муниципальный округ	6833	6786	1722	919 +2*	753+2*	1115+2*	5015	6817	6812	5653
пгт Кикнур	4151	4110	719	179	89	414	3364	4140	4139	3690
д. Березовка	68	68	3	2	2	2	65	68	68	66
д. Большое Салтаево	12	12	12	11	11	11		12	12	1
д. Большой Шудум	38	38	33	26	26	30	5	38	38	8
д. Вершаки	5	5	4	4	4	4	1	5	5	1
д. Кукнур	15	15	15	15	15	15		15	15	
д. Лужанка	44	44	44	38	38	40		44	44	4
с. Макарье	85	85	30	32	15	22	55	85	85	63
д. Малая Лыжня	33	32	31	27	23	27	1	32	32	6
д. Малое Салтаево	7	7	7	7	7	7		7	7	
д. Малый Шудум	10	10	10	10	10	10		10	10	
д. Марийская Толшева	1	1	1	1	1	1		1	1	
д. Митрофаново	31	31	29	27	26	28	2	31	31	3
д. Оленево	3	3					3	3	3	3
с. Падерино	30	30	1				29	30	30	30
д. Пайбулатово	11	11	8	6+2*	6+2*	5+2*	3	11	11	4
д. Пама	1	1					1	1	1	1
д. Панчурга	31	31	18	15	13	15	13	31	31	16
д. Пижанчурга	22	22	16	16	16	14	5	22	22	7
с. Потняк	161	160	86	86	86	83	73	161	161	76
д. Русская Толшева	1	1					1	1	1	1
д. Тимаево	3	3	3	2	2	2		3	3	1
с. Улеш	24	24	14	14	11	13	9	24	24	10
д. Цекеево	57	57	51	48	43	43	5	56	55	13
с. Цекеево	131	131	85	81	71	73	45	131	131	57
с. Шапта	214	214	166	117	116	124	48	214	213	90
д. Юльял	31	31	27	28	27	14	4	31	31	17

Принятые сокращения: А — население, Б — указавшие национальную принадлежность, В — марийцы, Г — марийский (владение), Д — марийский (использование), Е — марийский (родной), Ж — русские, З — русский (владение), И — русский (использование), К — русский (родной), звездочкой отмечено владение горномарийским

Данные свидетельствуют о продолжающемся сокращении населения за десятилетие, прошедшее со времени переписи 2010 г., например: Большое Салтаево — 22 чел. (2010) vs. 12 чел. (2020); Лужанка — 89 чел. (2010) vs. 44 чел. (2020); Потняк — 270 чел. (2010) vs. 161 чел. (2020); Улеш — 62 чел. (2010) vs. 24 чел. (2020). Деревня Ендур исчезает; фактически прекращают существование и другие деревни с марийским или русским населением: Марийская Толшева (1 чел.), Пама (1 чел.), Русская Толшева (1 чел.), приближаются к исчезновению Тимаево (3 чел.), Падерино (3 чел.), Оленево (3 чел.). Среди респондентов бытует мнение, что «русские ушли, а марийцы-то остались» — т. е. русские, когда-то перебравшиеся в марийскую среду, *не выдержали* суровых испытаний переходного периода и *уехали*, а марийские деревни по-прежнему *живут*. Действительно, среди исчезнувших деревень есть и русские; однако часть русских жителей из таких деревень перебиралась в близлежащие села — Шапту, Цекеево, Потняк, по замечанию одного из опрошенных, «поближе к цивилизации».

О владении марийским языком и использовании его в повседневном общении заявили преимущественно жители небольших населенных пунктов с традиционно марийским населением: Большое Салтаево, Кукнур, Лужанка, Малый Шудум, Тимаево. В селах со смешанным населением ситуация меняется. В Шапте марийцы составляют 77,5 % от всего населения, из 214 человек, проживающих в селе, 117 чел. (54,6 %) владеют марийским и используют его, тогда как признают марийский родным 124 чел. В с. Цекеево, где марийцы составляют 64,8 % от всего населения, о владении марийским заявили 61,8 %

опрошенных (81 чел. из 131), используют его в повседневности 71 чел., а родным признают 73 чел. В поселке Кикнур (наличное население — 4151 чел.) марийцев числится 719 чел. (17,4 % от указавших свою национальную принадлежность). Марийским, судя по данным переписи, владеют 179 чел., используют его в повседневной коммуникации 89 чел., а родным признают 414 чел. О владении горномарийским и признании его родным заявили два человека в д. Пайбулатово [Коряков 2024в].

В нашем социолингвистическом обследовании был также задан вопрос о том, какими языками они владеют, какой язык или какие языки являются для них родными. Подавляющее большинство отметило владение русским и марийским. В отношении марийского представители младших когорт подчеркнули, что «понимают, хотя и не говорят». Пожилые участники отметили, что собеседников на марийском почти не осталось. Практически все опрошенные считают марийский язык родным, исключение составили некоторые молодые участники, для которых родным является фактически первый язык — русский.

Ниже будет подробно рассмотрена текущая ситуация с функционированием марийского в изучаемом этнолокальном сообществе. Внимание уделено конкретным сферам использования марийского и индивидуальным речевым практикам (п. 4.1). Кроме того, исследовано бытование этнического языка в культуре и обрядности (п. 4.2), изучены маркеры этнической идентичности кикнурских марийцев (п. 4.3), определено будущее марийского языка с точки зрения его носителей (п. 4.4).

4.1. Функционирование марийского в сообществе

Не с кем стало на марийском разговаривать.

К настоящему времени сферы использования марийского языка чрезвычайно сузились. Он употребляется в основном в общении респондентов старше 50 лет с ровесниками и более пожилыми людьми. В домашней среде, когда за столом по праздникам собираются представители разных поколений, марийский можно услышать лишь от самых старших. Среднее поколение «понимает, но не отвечает по-марийски». Младшее — не понимает вовсе.

В сообществе можно также эпизодически услышать марийский: «Вот мы с ней-то перекидываемся марийскими фразами-то. Ну бывает желание — хочется перекинуться на марийском» (№ 14, Ж., 1974). При этом некоторые опрошенные подчеркнули, что среди русскоязычного населения до сих пор иногда чувствуется неприятие, когда те слышат марийскую речь, пусть и отдельные *марийские фразы*. Иногда высказывают недовольство. В сельском клубе, где проходит совместная деятельность (плетение маскировочных сетей), *необходимо*, как полагают, использовать русский язык: «она говорит нам, что, если есть в коллективе русские, не надо по-марийски разговаривать». Случается, что осуждение исходит от приезжих русскоязычных советского периода (как показали свидетельства информантов, часто это учителя), тогда как старожильческое русское население в прошлом, кажется, не придавало значения такому обстоятельству и с большей терпимостью относилось к языковым практикам местных марийцев, о чем мы говорили ранее.

Как выяснилось, многие опрошенные в выборке скорее *ждут приглашения* к разговору на марийском от собеседника, редко иницируя коммуникацию самостоятельно. Приветствие *которена* (*котореня*) ‘здравствуйте’ употребляется не так широко, как можно было бы ожидать в сообществе, язык которого находится в миноритарной ситуации и чаще используется в символической или фатической функциях. «Да мы здесь *здравствуйте* говорим. Потому что привычка выработалась. А *которена* — это я так с тетей общалась сороковых годов рождения. В Потняке редко слышала *которена*. А в Пижанчурге поколение моих родителей (1930-х гг. р. — М. К.) — вот они больше *которена* говорили. Здравствуйте — это на марийском» (№ 35, Ж., 1962). «*Которена* — это значит говорить для более... моего круга, близким» (№ 39, Ж., 1952).

В магазине марийский звучит редко. С одной стороны, негласно действуют установки советского периода: там, где присутствуют русские (продавцы или другие покупатели), говорят по-русски. «Всегда мы покупаем по-русски. А вот если погоду обсудить в очереди, можно и по-марийски» (№ 13, Ж., 1962). Кроме того, нерегулярное использование марийского вносит свои коррективы в речевые практики: «На русском обращаюсь к продавцу. Потому что это надо еще думать, правильно ли я сейчас. И вот когда начинаешь на марийском говорить, вечно тебя затыкает — ты там стоишь, мучишь себя, вспоминаешь. Спонтанно не получается. Бытовая речь у меня сносная, но мозг должен думать. А в магазине у нас не самообслуживание, очередь подошла — нужно быстро протараторить — четко и ясно, что тебе нужно» (№ 9, Ж., 1968). Интересно, что никто из опрошенных не пользуется марийским при счете, несмотря на то, что в прошлом, как было сказано выше, многие из них умели считать по-марийски еще до поступления в школу. Деньги местные марийцы *считают* исключительно на русском языке.

В другой ситуации общения — в почтовом обслуживании — марийский также практически не употребляется. Сотрудники почтовых отделений «сортируют почту» на русском, учитывая полиэтнический состав коллектива. Марийцы-почтальоны, которые разносят пенсию по домам, «могут и по-марийски поговорить», но «пенсию всегда считают по-русски».

В Кикнурском районе в настоящее время телевидение на марийском языке не ведется, как это было в советский период. Жители не выписывают периодику и едва ли читают книги на марийском. Одной из культурных инициатив можно считать распространение среди местных жителей журнала «Марий сандалык» («Марийский мир»). Журнал издается в Йошкар-Оле с периодичностью четыре раза в год и содержит статьи на двух языках: марийском и русском. Кикнурские активисты, делегаты марийских съездов, привозят выпуски журнала и распространяют их среди членов сообщества. Респонденты сами признаются, что не очень хорошо понимают содержание — это обусловлено низкой взаимопонимаемостью между локальным идиомом и литературной нормой. Чтение журнала, пожалуй, единственного, функционирующего в сообществе с марийским компонентом, вызывает у них заметные трудности. «Трудновато, конечно, где-то читаю по-марийски, пытаюсь перевести, когда непонятно. Потом абзац, может, прочитаю, смысл чуть-чуть пойму — и ладно» (№ 26, Ж., 1963). «Читать-то интересно, там я вижу людей знакомых. Но читать долго надо мне, потому что прочитал — слово там, предложение — надо опять осмыслить. То есть не то что читаю как русский — то-то-то — как пономарь, а я прочитал и осмыслил, опять прочитаю — осмыслил. Только так и могу читать» (№ 23, М., 1954). «Он мне дал журнал. Так я ничего не поняла! Но он сказал, что надо учиться» (№ 19, Ж., 1957).

Новые технологии прочно вошли в жизнь местных жителей, в том числе пожилых. Они активно пользуются социальными сетями, основной контент — на русском, однако время от времени слушают и песни на марийском. Публикации на марийском языке их мало интересуют, комментарии на нем они не оставляют, что обусловлено отсутствием навыков чтения и письма на этническом языке. Участники опроса преимущественно разделяют следующее убеждение: «А я не знаю, как писать-то. А как по-марийски писать-то? Что-то я не помню, что писали по-марийски. Не встречал. А по-марийски, чего там писать? Свои слова, что ли, писать? А как там накалякаешь?» (№ 44, М., 1960).

Несмотря на распространенное мнение среди пожилых, владеющих этническим языком, что «по-марийски можно на улице поговорить», для молодых членов сообщества услышать марийский на улице — это только «если кто-то поет, то это возможно» (№ 41, М., 2002).

Многие пожилые респонденты сетуют, что ситуаций общения на марийском почти не осталось. С уходом старшего поколения, для которого марийский был привычным, исчезает возможность для практики этнического языка у более молодых. «Представляете, уже вот разговаривать не с кем. Я ни с кем не разговариваю, потому что до этого еще мама была жива, мы с мамой разговаривали. А вот уже практически четыре года без нее. Я говорить-то могу, если со мной кто заговорит... Но у меня уже такая смесь, я по-русски уже мыслю» (№ 22, Ж., 1972). Представители более старших возрастных групп выходят из положения следующим образом: «Пойду вечером коз пастушить, отпущу их с веревки. И с козами разговариваю по-марийски. Они будто слушают, кушают хорошо» (№ 36, М., 1965). Опрошенные в возрасте 31—40 лет, по их словам, используют марийский с родителями и бабушкой. Интересно, что при этом самая пожилая участница опроса (она же приходится бабушкой одному из представителей этой возрастной группы) заявила, что лично ей не с кем разговаривать по-марийски, потому что «никого не осталось».

Марийский, в ситуации прекращения его использования в собственно коммуникативной функции, в настоящее время выполняет некоторые другие задачи. Во-первых, он служит тайным языком: пожилые часто используют марийский «от внуков» летом. «Мы обсуждаем секреты тогда с мужем, чтобы он (внук. — М. К.) не знал. Он же не понимает» (№ 13, Ж., 1962). Попутно отметим, что внуки опрошенных идентифицируют тайный язык старшего поколения в качестве иностранного — в основном английского. «Вот у меня маленький внук. Дочь приехала, и, чтобы непонятно было, я, значит, ей говорю по-марийски. И внук обращается ко мне: “Бабушка, а ты так хорошо английский язык знаешь?” Я говорю: “Да, очень хорошо знаю английский язык.” — “Ты на английском говоришь!”» (№ 7, Ж., 1961). Во-вторых, марийский используется в эмоциональной функции — ругательства, шутки (в выборке шутками *перебрасываются* с довольно близкими людьми — часто с родственником, супругом). Марийские песни, которые когда-то исполнялись старшими, отвечают эмоциональным потребностям респондентов, когда они поют их вслух или про себя в одиночестве: «Я часто вспоминаю маминь марийские песни. Вот когда что-то делаю, марийские частушки и песни маминь всегда вспоминаю» (№ 5, Ж., 1961). «А когда мне грустно — реву, пою. И вроде все частушки марийские вспоминаются маминь» (№ 33, Ж., 1962). Кроме того, на марийском участники старших когорт, случается, видят во сне ушедших родственников (родители, бабушка), на марийском им снится детство. «Бабушка — это уже на марийском, потому что ей не передать мысли же. Тут уж непременно свой марийский» (№ 31, М., 1958). «Где-то на каких-то даже праздниках бываешь на

марийском языке» (№ 26, Ж., 1963). Интересно, что и во сне моделируются ситуации, дублирующие реальность из прошлого: «Ну там с русскими на русском разговариваю во сне, с марийцами — на марийском. И почему-то снится всё в деревне, в которой родился я. И почему-то снятся, вот с кем работал, на тракторах с кем общался. И эти люди, а половина уж умерли, мне снятся на марийском» (№ 40, М., 1956).

Обратим внимание, что в интересующих нас сообществах среди наличного населения почти не осталось семей с детьми. «Резко, знаете, колхоз развалился. Дети заканчивали школу, уезжали учиться и не возвращались. И детей, значит, нет» (№ 3, Ж., 1950). Вследствие *оптимизации образования* были закрыты не только деревенские, но и сельские школы. «По округе-то у нас десять школ позакрывали, это вот в моей памяти» (№ 3, Ж., 1950). В 2011 г. была *оптимизирована* школа в Улеше, в 2017 г. — в с. Цекеево, в 2024 г. — в Потняке. В Шаптинской школе на момент обследования числилось несколько учащихся. «На трехэтажную школу всего пять обучающихся осталось. А раньше было две параллели, а два года — и три параллели! Триста с лишним в свое время учеников» (№ 7, Ж., 1961). «В Шапте-то один ученик живет, и привозят четырех из деревень. В садик один ребенок нынче пойдет всего лишь. Но вроде собираются работать, пусть там всего пять учеников. В школе из четырех учителей трое русских, одна только мариечка» (№ 5, Ж., 1961). Следовательно, в рабочем коллективе при неформальном общении марийский язык не используется.

С прекращением деятельности колхозов и общим угасанием сельского хозяйства в районе марийский ушел из неформального общения в профессиональной сфере. Тем не менее в этой области он продолжает *жить*, но уже за пределами деревни и даже района. Бывшие работники коллективных хозяйств, лишившись заработка на местах, образовали частные строительные бригады и вахтовым методом трудятся в других районах и регионах. В таких бригадах марийский нередко выполняет функцию секретного языка. Молодые респонденты не отстают от старших товарищей: «пытаются как-то на марийском поговорить. Есть, что частично для тайны, но и хочется постоянно нормально общаться» (№ 4, М., 1989). Их собеседниками, хорошо владеющими марийским в коллективе, являются лица старше 55 лет. Примечательно, что именно употребление марийского в секретной функции среди старших побудило молодежь в этих бригадах заметно чаще обращаться к этническому языку — даже вне территории традиционного расселения марийцев. Поскольку члены бригад подолгу находятся вне родных деревень и сел, они, по-видимому, используют марийский чаще, чем их сверстники, не покидающие дом. Более того, в полиэтничном пространстве Москвы, согласно полученным ранее данным, локальное приветствие *которена* служит сигналом для идентификации *своих* — кикнурских, для поддержания своей этнической и культурной идентичности, отличающей их от *других* марийцев (о такой функции языка см. также [Вахтин 2001: 305]).

В Кикнурском районе марийский можно слышать и в самом поселке *по четвергам*, когда устраивается рыночный день. Хотя многие теперь заказывают товары онлайн, «мода ездить по четвергам в Кикнур» у деревенских и сельских жителей сохранилась. «И рейсовый автобус дают чаще всего в этот день» (№ 14, Ж., 1974). «В Кикнур приезжают со всех деревень: Салтаево, Цекеево, Шапта, Панчурга, Макарье» (№ 45, М., 1967). Наконец, поводом к более широкому использованию марийского служит и день деревни. Рассмотрим это на примере Малого Шудума. В этой деревне, где когда-то насчитывалось до 40 домов, сейчас проживают менее десяти человек, практически все — пенсионеры. Асфальтной дороги до нее нет. Малый Шудум постепенно затягивается лесом, почвы весной подтапливаются протекающей неподалеку рекой Шудумкой — сообщение во время паводков прекращается. Однако 12 июля, в престольный праздник (негласно — день деревни), Малый Шудум наполняется людьми, сюда приезжают его уроженцы, многие — с детьми и внуками. С 1990-х гг. возобновлена традиция посещения храма в Улеше, там проводится водосвятный молебен, затем едут на кладбище, а по возвращении собираются на *пятакке*, рядом с площадкой при содействии активистов мероприятия накрыты столы. Потом начинаются танцы и исполнение частушек в сопровождении гармони — уже на марийском. Для некоторых участников это чуть ли не единственная возможность в течение года поговорить или просто спеть по-марийски.

4.2. Бытование марийского в культуре и обрядности в контексте витальности этнического языка

*А обычаи у нас, в принципе, ничем не отличаются от русских.
Сейчас уже это всё как-то сплотилось, всё как единое стало.*

Празднично-обрядовая культура является одним из устойчивых элементов этнических традиций, важным этнокультурным маркером; она способствует формированию и консолидации групповой идентичности, поддержанию единства сообщества, организации социальной жизни и досуга его членов. Однако вследствие идеологических установок советского периода и современных вызовов, связанных с глобализацией, модернизацией, урбанизацией, празднично-обрядовая система народов России подвер-

глась глубоким изменениям. В отдельных случаях компактного проживания групп элементы обрядовых традиций и фольклора сохраняются только на сцене или в рамках мероприятий, организуемых местными культработниками и библиотекарями [Садиков 2025: 231, 238]. В этнолокальных сообществах марийцев Кикнурского района хранительницами нематериального культурного наследия выступают преимущественно сотрудники сельских домов культуры. На базе СДК в Шапте, Потняке, Цекееев наряду с русскими ансамблями функционируют марийские творческие коллективы: «Юловий», «Кече», «Мадена» соответственно. Они объединяют до пяти женщин старше 55 лет²⁰ в каждом из коллективов. В одном из них есть гармонист.

Приоритетным направлением работы марийских коллективов является исполнение частушек, бытовавших ранее в среде местных марийцев: «Считается северо-западный диалект у нас, мы говорим на своем диалекте. Стараемся сохранять свой фольклор, свое устное народное творчество, свою дробушку» (№ 9, Ж., 1968). Сбором полевого материала на протяжении последнего десятилетия занимаются руководители ансамблей, собирая его «от бабушек», «от мамы». Со старинными марийскими частушками исполняются и русские. Кроме того, репертуар формируется из йошкар-олинского пласта современных популярных марийских композиций «из интернета». В некоторых случаях такой репертуар частично адаптируется под местный марийский идиом: «Ранее у нас заведующая — она хорошо знала марийский — переводила, и мы пели на своем» (№ 16, Ж., 1975). В любом случае при изучении нового репертуара члены коллектива переводят тексты и проводят совместное обсуждение: «Суть-то дела переводим. Слова, которые нам непонятны, ихние. Понять, в чем дело. Зачем частушка-то. Ну, поем-то мы ихними словами. Но переводим, чтобы мы знали, о чем поем» (№ 39, Ж., 1952). Сходные практики марийцев Нижегородской области описаны в [Устьянцев 2022: 133].

Локальные коллективы ведут слаженную работу, организуют мероприятия на общих площадках. Так, в 2025 г. в День поселка в Кикнуре, по воспоминаниям респондентов, «было целых две сцены. Одна чисто русская и одна ... марийское подворье. Бесплатно раздавали всякие марийские *изи кагыл*, маленькие пирожки, всякие ватрушечки, квас домашний» (№ 42, Ж., 2007). С 1993 г. в с. Цекееево проводился межрегиональный фестиваль «СЯРЕМ», с 2025 г. он сменил название («РОДЭ ВИЙ») и был перенесен в п. Кикнур. Участники и гости фестиваля — коллективы из Марий Эл, Нижегородской и Кировской областей. Его цель — сохранение марийских традиций, песенного наследия, народного костюма, языка, а также приобщение молодого поколения к изучению исторических, культурных, нравственных традиций марийцев [Куцаева 2025б: 29]. Здесь же стоит отметить, как местная аудитория воспринимает *йошкар-олинские* песни и коллективы из *Марийской* (Республики Марий Эл. — М. К.). «Мне брат-то привозит диски. Я говорю, мне очень интересно слушать, но ничего не понимаю!» (№ 13, Ж., 1962). «Йошкар-олинских меньше понимаем, у них немного не сходится» (№ 6, М., 1952). На концертах зрители «понимают своих», тогда как «из *Марийской* процентов 40 понятно». Отсюда возникает и желание зрителей не столько слушать песни, сколько «смотреть танцы»: «Если вот с концертом из Марий Эл приедут и там, значит, только поют, то “этот концерт, — говорят, — что-то не понравилось”. А если вот они спляшут — то и наши пляшут, хлопают ногами. В общем, мы воспринимаем йошкар-олинских артистов здесь особо — с пляской» (№ 23, М., 1954). Некоторые исполнители из Марий Эл по этой же причине иногда обижаются, когда зрители на концерте «не реагируют».

Кикнурские творческие коллективы поддерживают тесную связь с коллегами из Нижегородской области в том числе по причине взаимопонимаемости: «Мы с тоншаевскими дружим. У нас язык практически идентичен. И нам легко друг друга понимать. Мы приглашаем два-три коллектива на наши праздники. Сами, бывает, туда ездим» (№ 9, Ж., 1968). Таким образом, хотя нижегородские марийцы находятся в ситуации этнического обособления и взаимодействие с марийцами из других регионов затруднено [Устьянцев 2021: 131, 133] — во всяком случае для большинства членов данных этнолокальных сообществ, коммуникация с кировскими марийцами успешно и стабильно поддерживается по «линии культуры».

В отличие от *эрвел марий* — восточных марийцев, проживающих компактно в Башкортостане, Татарстане, Свердловской области и сохраняющих преимущественно традиционные марийские верования и (или) придерживающихся частично двоеверия (православно-языческого синкретизма) (см. результаты в наших исследованиях [Куцаева 2025а: 59; 2025в: 349; 2026: 49—50]), кикнурские марийцы из выборки определяют себя как христиане, посещают храмы и соблюдают православные — в их представлении — традиции. О существовании и расположении культовых мест — священных рощ — помнят некоторые пожилые респонденты. «Говорили *маре комалтыш* — марийское моление, *комалме местä* — моленное место» (№ 23, М., 1954). В советское время одно из таких культовых мест (в те годы оно было известно

²⁰ На сцене кикнурского ДК с *марийской программой* выступает также дуэт бабушки и внучки, что само по себе представляется уникальным для сообщества, тем более что младшей участнице коллектива всего 17 лет.

среди населения как *кереметище* и сохраняет это название до сих пор) было осквернено: там был устроен скотомогильник. Это обстоятельство стало главным препятствием к возрождению молений на марийском в районе. Тем более что марийскими активистами — при поддержке представителей марийской традиционной религии из Марий Эл — с 1990-х гг. выдвигались предложения «вернуть свою религию» (ср. ситуацию с тоншаевскими, описанную в [Устьянцев 2022: 133—134]).

Марийский фрагментарно бытует в обрядовой сфере. Лишь некоторые пожилые информанты указали, что в родительские дни, поминая усопших, они используют марийский язык. «На марийском. *Шужо* говорим (пусть дойдет до вас. — М. К.). Ну и крестим же вот это, прежде чем поесть» (№ 39, Ж., 1952). О праздниках респонденты отметили, что практически все они схожи с русскими. По мнению опрошенных, похоронно-поминальные традиции близки к русским и не похожи на марийские в *Марийской*. «У нас хоронят так же, как у русских. Всё как надо делают. А у них там (в Советском районе РМЭ. — М. К.) вино и блины. Приходят к покойнику с бутылкой, сначала наливают сто грамм, пьют, потом там всех угощают и какой-то еще такой обычай. Потом на кладбище также — и песни поют. А у нас такого нет! У нас всё строго. Всё по приметам делают, что как надо положить в гроб. Ладаном всё делают и потом вот читают. Туда веники ложили раньше из березы. А потом еще эти крестики из рябины — ну, рябину берут и крестом ложат. Издревле так было. И потом вот читают на русском» (№ 34, Ж., 1958). О поминальных обрядах марийцев и, в частности, обычае выстилать дно гроба березовыми ветками, класть покойнику веточки рябины см. [Марийцы 2018: 249].

Религиозный синкретизм проявляется и в обращении к силам природы. В обследовании были выявлены рудиментарные для этой этнолокальной группы и типичные для, например, восточных марийцев практики. Пять человек из выборки обращаются «к природе»: из них два респондента делают это по-русски, два — по-марийски. «Идем в лес — нужно поклониться²¹, вот это разрешение спросить. На русском я говорю: “Хозяева леса, разрешите грибов, ягод собирать”. А вот моя соседка, мариечка, так она по-марийски» (№ 16, Ж., 1975). Еще один респондент использует оба языка, ситуативное распределение следующее: «Ну вот еду, привет, говорю, лесочек, пришел за грибами. Это на русском. А с грибами разговариваю на марийском. И с рыбой тоже: иногда вот ругаю их, что они отцепляются, уплывают» (№ 36, М., 1965).

У активно владеющих языком обращение к Богу совершается на двух языках, часто — *про себя*. «Например, в лесу заблудился: “Помоги мне, Господи, укажи мне дорогу”. Бывает по-марийски, бывает и по-русски» (№ 45, М., 1967).

У слабо владеющих языком марийский «всплывает» при посещении леса. «Просим-то на русском, но говорим про себя, чтобы *мăскӓ* (диал. мар. *медведь*. — М. К.) не вышел. Зайца увидим — не заяц, а *мӧрен* (диал. мар. *заяц*. — М. К.). То есть слова, которые с детства запомнились от бабушки и дедушки в лесу. Вот они всплывают» (№ 17, М., 1984).

4.3. Язык и этническая идентичность кикнурских марийцев

Мы смешанные марийцы — не чистые.

Здесь мы не настоящие марийцы. Они как по-русски понятны — некоторые наши слова.

Вот русские сидят — и нас понимают.

Опрошенные в выборке определяют себя как *руссковатые, наполовину, не настоящие, не чистые, смешанные, не коренные*, которые «да ничем от здешних русских не отличаются» (№ 25, М., 1953). Хотя многие подчеркивали, что их предки истари проживали в этой местности, сам регион они воспринимают как *русский*, а себя — *обрусевшими*. Принципиально важным для респондентов является отличие местного диалекта от стандартного марийского (*йошкар-олинского* в их терминологии). Это касается не только собственно лингвистических различий, о которых мы говорили в вводной части работы, но и статуса локального диалекта: суженные сферы его использования, отсутствие преподавания литературного языка в школе, невладение навыками чтения и письма на марийском, характерная для этнолокального сообщества русско-марийская диглоссия, языковой ландшафт, в котором едва ли представлен марийский, и пр. Самый пожилой респондент в выборке заявил следующее: «Наш язык ни к чему не годится. Ни письменности никакой: у нас вот марийский язык не пишется²². Никак не написать! Наш язык, он

²¹ Некоторые респонденты, хотя и не произносят ни слова, при входе в лес осеняют себя крестным знамением — иначе, как полагают, можно заблудиться.

²² См. замечания, сделанные в [Агранат 2014: 405]: представители этносов, чьи языки не имеют письменности, связывают вероятность сохранения родного языка только с созданием письменности и преподаванием его в школе. Они категорически отрицают возможность существования исключительно устной формы диалекта и устной передачи языка детям и связывают исчезновение языка с отсутствием письменности на нем.

никуда не годится. К кому идти? Не к кому: все русские» (№ 18, Ж., 1938). Кроме того, кикнурские мари́йцы, выезжающие в Йошкар-Олу, замечали, что их идиом с трудом воспринимается другими (*настоящими* в их представлении) мари́йцами, а звучащая речь вызывает недоумение и улыбку. Для мари́йцев из Йошкар-Олы кикнурские кажутся *не вполне* мари́йцами. «Когда наши люди едут в Йошкар-Олу, где литературный мари́йский, ну... вот им говорят, что вы уже не мари́йцы. “Вы еще не русские и уже не мари́йцы. Кто вы такие — вы уже сами не знаете!” То есть ни на мари́йском, но и не русском говорите» [Куцаева 2024: 40]. Как отмечает Г. Ю. Устьянцев в работе о ветлужских мари́йцах, обособленное положение локального мари́йского идиома дополняет «изоляционный» характер их идентичности [Устьянцев 2022: 132]. Это замечание справедливо и в отношении кикнурских мари́йцев.

Один из вопросов социолингвистической анкеты касался в том числе выявления маркеров этнической идентичности. В соотношении языка и этнической идентичности группы, которая на этом языке говорит или которая его утрачивает, заложены дополнительные ресурсы сохранения и возрождения языка. Важное значение имеет не столько то, как группа воспринимается со стороны, сколько ее самовосприятие [Вахтин 2001: 290]. В нашей общей выборке (717 чел. в четырех регионах) лидирующие позиции занимают «рождение» (родители, предки), «язык» (мари́йский), «культура» (традиции, обычаи, песни). Сопоставительный анализ результатов, полученных в этих сообществах, позволил выявить следующее: роль языка при этническом самоопределении ослабевает в группе кировских мари́йцев, к которым принадлежат и кикнурские. Сказывается общая языковая ситуация в регионе, долгое проживание бок о бок с русскоязычным населением, ассимилятивные процессы, охватившие этнолокальное мари́йское сообщество. Этнические традиции, важные для восточных мари́йцев, реже называли среди маркеров идентичности в кировской выборке.

Среди тех, кто назвал мари́йский в качестве маркера идентичности в кикнурской части выборки, помимо традиционных носителей, есть и пассивно владеющие языком (полуносители, новые говорящие). В местном мари́йском сообществе лиц, рожденных в этнически смешанных браках, называют *половинчиками* и *марирусам*.

Небезынтересно, что кикнурские респонденты, в отличие от, например, башкортостанских и татарстанских, проявили большую терпимость в отношении гипотетических «мари́йцев без мари́йского языка». Многие традиционные носители заявили, что знание мари́йского для мари́йца важно, однако не является необходимым условием принадлежности к группе. Они полагают, что мари́йцы, не владеющие этническим языком, остаются мари́йцами «по крови», «по происхождению».

4.4. Будущее мари́йского в сообществе

*Мы последние. Вымрем вот, и ничего не останется — ни мари́йского, ни села.
Здесь будет лес.*

Языковая лояльность респондентов в выборке невысокая. Мари́йский едва ли фигурирует в списке языков, необходимых, по мнению опрошенных, для будущего подрастающему поколению. Они не видят необходимости в преподавании языка в школе. Мари́йский язык, если и нужен, то для того, «чтобы знать свои корни» (№ 5, Ж., 1961), «не забывать свою культуру» (№ 32, Ж., 1964). Эту позицию разделяют и младшие участники опроса: «Желательно, конечно, хоть понимать его, знать основы этого языка и чуть-чуть о народе понимать, что, откуда он взялся» (№ 42, Ж., 2007). Взгляд в будущее, обращенный в прошлое.

Возможность передать язык *городским* внукам, по оценкам информантов, невелика: «только если они заинтересуются» (вспомним, как услышав «тайный» мари́йский от старшего поколения, они принимают его за иностранный — английский). Внучка (2010 г. р.) одного из участников, проживающая в городе, подчеркнула, что не знает мари́йского, потому что «сама никогда не просила». Исчезновение мари́йского языка в своей семье через поколение респонденты воспринимают спокойнее, чем представитель башкортостанской или татарстанской выборок.

Практически все участники старших когорт — и женщины, и мужчины — считают, что мари́йский язык «закончится» с уходом их поколения. «Может, поколение еще продержится — и потом всё» (№ 19, Ж., 1957). «Покуда мы живы, он будет существовать, а потом уже неизвестно. Мое поколение, допустим, вымрет и тут никого не останется. И, значит, не будет тут никакого языка. Никого не будет» (№ 36, М., 1965). «Они ведь приезжают сюда, они никто на мари́йском не говорят здесь. Понимать — понимают, говорить — не говорят» (№ 40, М., 1956).

Опрошенные связывают эти прогнозы с непростой экономической ситуацией на селе. «Само село-то не выживет. Нас всё меньше и меньше. А наши дети не вернутся уже» (№ 5, Ж., 1961). «Здесь же такой угол, тупик. Дороги не сделать — потому что у нас не производство. Колхозы и те — все нарушены. Тут

бесперспективно. Молодежи нет. Здесь же одни возрастные! Мы просто доживаем. Через 50 лет здесь тайга будет» (№ 2, М., 1960).

Полученные результаты контрастируют с данными в этнолокальных сообществах Приуралья. В этих выборках старшие респонденты, случалось, выражали беспокойство относительно будущего марийского в сообществе («соседские ребяташки говорят по-русски»), но были уверены, что в их собственной семье марийский язык во что бы то ни стало сохранится (несмотря на то, что их внуки проживают в городе и марийский в лучшем случае слышат летом, понимают, хотя и не говорят, но «научатся когда-нибудь»). В кикнурской выборке таких расхождений в прогнозах практически нет. Информанты заявили, что со временем марийский исчезнет и в сообществе, и в их семье в последующих поколениях. Тогда как в других сообществах большинство участников опроса сообщали о своей тревоге и страхе за марийский язык и его будущее, в кикнурской части выборки опрошенные со смирением принимают ситуацию. Из тех, кто полагает, что марийский «останется», всего несколько человек. Они считают, что текущая ситуация в какой-то степени «законсервируется» и марийско-русская диглоссия продлится: «Марийский сам сохранится. Останется. Пусть, например, всё будет по-русски, но вот это высказывание домашнее — вот это вот всё останется» (№ 39, Ж., 1952).

С 2025 г. усилиями сотрудников Шаптинского дома культуры регулярно записываются онлайн-уроки марийского. Материалы 14 видеоуроков размещены в социальной сети ВКонтакте. Цель проекта — познакомить широкий круг заинтересованных лиц с некоторыми особенностями северо-западного диалекта марийского, бытующего в Кикнурском районе [Куцаева 2025б: 29]. Однако проект рассчитан прежде всего на *самую близкую* аудиторию — «на своих»: «К сожалению, наши дети почти уже не говорят на родном языке и ощущать себя последними, кто знает родной язык предков, — чувство, мягко говоря, не из приятных» (№ 9, Ж., 1968). В кадре — постоянная ведущая и куклы-зверята, разучивающие новые марийские слова. Круг тем включает следующее: приветствия на марийском, дни недели, время, погода, Новый год, части тела, домашняя утварь, мебель, жилище, домашние животные и др. «Нам важно записать на видео наши слова. Мы старательно записываем на бумагу наши уроки марийского языка, вспоминаем малоупотребляемые слова и пока копим этот материал в папке, а потом... Вдруг у нас получится издать хотя бы брошюру “Лексика марийцев Кикнурского района”? Вот было бы замечательно!» (№ 9, Ж., 1968). Цикл онлайн-уроков пользуется популярностью среди местного марийского населения, а также среди тех, кто проживает за пределами сообщества.

Здесь, помимо сознательных усилий сохранить язык — записи видеоуроков, письменной фиксации, привлечения внимания сообщества, а также создания условий для вспоминания или изучения марийского, — мы, по всей видимости, имеем дело с явлением, названным Н. Б. Вахтиным *регрессивным восстановлением языка*. Это явление свойственно многим сообществам и языкам, примеры и наблюдения приводятся в [Вахтин 2001: 260—261]. С возрастом меняется отношение человека к своей языковой компетенции, изменяются и ожидания со стороны окружающих. В ситуации языкового сдвига существуют некоторые универсальные правила «взаимного ожидания» того, какой язык окажется доминантным для той или иной возрастной группы. Подразумевается, что каждое следующее поколение (Б) говорит на родном языке хуже, чем предыдущее (А). Поколение Б всегда знает, что говорит хуже А. Однако с уходом поколения А представители поколения Б автоматически становятся лучшими знатоками данного языка — не только потому, что лучше их нет, но потому, что они заняли соответствующую социальную нишу и окружающие их представители молодого поколения ждут от них соответствия новой роли [там же: 278]. Выясняется, что языковая компетенция представителей поколения Б, ранее казавшаяся «ущербной» (часто — из-за психологических барьеров) в сравнении с языковыми компетенциями поколения А, вполне достаточна для успешной коммуникации. Кроме того, с возрастом, как это зафиксировано в ряде научных работ (см. обзор в [там же: 280]), наблюдается возврат к родному языку; определенную роль здесь могут играть психофизиологические и нейрофизиологические факторы. Это также может объяснять механизм регрессивного восстановления языка в старшем поколении или как минимум поддерживать этот механизм, хотя основные причины могут лежать в иной плоскости [там же]. Приведем размышления респондента самой младшей когорты в выборке: «Ну, из-за того, что, скорее всего, в Кикнуре останется больше старого поколения, то будут больше говорить на этом языке, потому что это, по сути, их родной язык» (№ 42, Ж., 2007).

5. Заключение

Таким образом, в настоящее время витальность идиома, распространенного в Кикнурском районе Кировской области и принадлежащего к северо-западному наречию марийского языка, вызывает крайнюю обеспокоенность.

Кикнурские мари́йцы называют себя *руссковатыми, обрусевшими*. Это объясняется, с одной стороны, длительным и тесным соседством с русскоязычным населением, ростом межэтнических браков, переходом большинства мари́йцев в православие, перениманием некоторых русских традиций и обычаев; с другой стороны — лингвистическими различиями между локальным мари́йским идиомом и стандартным вариантом мари́йского, а также статусом мари́йского идиoma в регионе. Подавляющее большинство опрошенных связывают низкий статус мари́йского с тем, что «система образования была не продумана для поддержания языка коренного населения, и из-за этого он заглох» (№ 17, М., 1984) (об этом см. также [Агранат 2014: 405]). Все эти обстоятельства в какой-то степени предопределяют изолированность этнолокальных мари́йских сообществ Кикнурского района. Общая неблагоприятная экономическая ситуация на селе, миграции и урбанизация, распространенные в течение нескольких десятилетий установки в отношении мари́йского, приводят к его низкой престижности и крайне слабой, если не отсутствующей, межпоколенческой передаче этнического языка. Опрошенные в старших когортах полагают, что мари́йский язык «закончится» с уходом из жизни их поколения.

Вместе с тем в сообществе реализуются инициативы по сохранению культурного и языкового наследия. В выборке выявлены индивиды, которые, несмотря на обстоятельства их языковых биографий, с возрастом стали чаще использовать мари́йский, в том числе и за пределами региона. Представители молодого и среднего поколений не употребляют мари́йский для повседневного общения, однако этнический язык выполняет в их жизни ряд других функций. Признание важности этих функций и их учет при анализе перспектив сохранения или утраты языка могут пролить свет и на феномен *языкового долгожительства*, иными словами, — «упорного нежелания вымирающих языков вымирать» [Вахтин 2001: 304]. Как отмечается на материале других сообществ, переживающих языковой сдвиг, этот процесс можно повернуть вспять, поскольку «глубоко внутри каждой языковой общности, на уровне отдельной территории, отдельной семьи и даже отдельного человека, всегда сохраняется потенциал для языкового возрождения» [там же: 283]. Хочется верить, что именно такое будущее ждет кикнурских мари́йцев и их язык.

Источники

ВПН 2020 — Всероссийская перепись населения 2020 года. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/> (Т. 5 «Национальный состав и владение языками», Таблица 4 «Владение языками и использование языков населением»).

Губстатотдел 1927 — Перепись населения 1926 года. Вып. II. Список населенных мест Вятской губернии. Яранский уезд. Вятка, 1927.

Закон РМЭ о языках 1995 — Закон Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл». <https://base.garant.ru/20701792/>

Коряков 2024а — Ю. Б. Коряков. База данных «Этно-языковой состав населённых пунктов России. Перепись 2002 года». Онлайн-проект, 2024. <http://www.lingvarium.org/russia/Census2002.shtml>

Коряков 2024б — Ю. Б. Коряков. База данных «Этно-языковой состав населённых пунктов России. Перепись 2010 года». Онлайн-проект, 2024. <http://www.lingvarium.org/russia/Census2010.shtml>

Коряков 2024в — Ю. Б. Коряков. База данных «Этно-языковой состав населённых пунктов России. Перепись 2020/21 года». Онлайн-проект, 2024. <http://www.lingvarium.org/russia/Census2021.shtml>

Методологические пояснения 2020 — Основные методологические и организационные положения всероссийской переписи населения 2020 года. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/omop-vpn-minek-2020.pdf>

Приходы Вятской епархии 1912 — Приходы Вятской епархии 1912. https://rodnaya-vyatka.ru/churches/ve1912/search?id_blog=126&selo=Село%20знаменское%20%28Цекеево%29

Столетие Вятской губернии 1881 — Столетие Вятской губернии. 1780—1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Издание Вятского Губернского Статистического Комитета. Т. II. Вятка: Типография Губернского Правления, 1881. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl02000025010?page=165&rotate=0&theme=white>

Съезды 2008 — Съезды народа мари: документы и материалы. 1917—2004. Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, 2008.

Литература

Агранат 2014 — Т. Б. Агранат. Миноритарные языки и письменность в эпоху глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16—19 сентября 2014 г.). Доклады и сообщения / А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко (ред.). М.: ИЯз РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, 2014. С. 403—409.

Алпатов 2000 — *В. М. Алпатов*. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+: ИВ РАН, 2000.

Беликов, Крысин 2021 — *В. И. Беликов, Л. П. Крысин*. Социолингвистика: Учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021.

Вахтин 2001 — *Н. Б. Вахтин*. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Губогло 1996 — *М. Н. Губогло* (ред.). Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 2. М.: ИЭА РАН, 1996.

Дмитриев и др. 1995 — *С. Д. Дмитриев, В. М. Дмитриева, Г. М. Тужаров*. Марийский букварь. Учебник для первого класса на северо-западном наречии марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1995.

Иванов, Тужаров 1970 — *И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров*. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1970.

Иванов, Тужаров 1971 — *И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров*. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 1971.

Коведяева 1976 — *Е. И. Коведяева*. Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 3—96.

Коведяева 1987 — *Е. И. Коведяева*. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. М.: Наука, 1987.

Козлова 1967 — *К. И. Козлова*. Этногенез и этнические связи марийцев по данным этнографии // Происхождение марийского народа: Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23—25 декабря 1965 г.). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1967. С. 110—119.

Козлова 1978 — *К. И. Козлова*. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во МГУ, 1978.

Куцаева 2020а — *М. В. Куцаева*. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. 2020, 2. С. 124—150.

Куцаева 2020б — *М. В. Куцаева*. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

Куцаева 2021 — *М. В. Куцаева*. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021, 2. С. 5—34.

Куцаева 2022 — *М. В. Куцаева*. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022, 1 (44). С. 116—153.

Куцаева 2023 — *М. В. Куцаева*. На деревню надейся, а сам не плошай: к вопросу о языковых практиках и идеологиях в чувашской и марийской диаспорах Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023, 2 (40). С. 65—78.

Куцаева 2024 — *М. В. Куцаева*. «Еще не русские и уже не марийцы»: об этнической идентичности, языке и культуре кировских марийцев (по результатам обследования в марийской диаспоре московского региона) // Социолингвистика. 2024, 1 (17). С. 25—43.

Куцаева 2025а — *М. В. Куцаева*. Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах Башкортостана (по материалам полевых экспедиций 2024 г.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025, 1 (47). С. 50—63.

Куцаева 2025б — *М. В. Куцаева*. Марийцы и их язык за пределами Республики Марий Эл (по данным социолингвистических экспедиций 2024—2025 годов) // Финно-угроведение. 2025, 4 (72). С. 7—36.

Куцаева 2025в — *М. В. Куцаева*. Функционирование марийского языка в Кукморском районе Татарстана // Ежегодник финно-угорских исследований. 2025, 19 (3). С. 347—356.

Куцаева 2026 — *М. В. Куцаева*. Витальность этнического языка и культуры: по следам экспедиций к уральским марийцам // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2026, 2 (52). С. 49—61.

Марийцы 2018 — *Марийцы*. Историко-этнографические очерки. 3-е изд., доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018.

Народы Поволжья и Приуралья 2000 — *Народы Поволжья и Приуралья*. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000.

Очерки истории Вятской епархии 2007 — *Очерки истории Вятской епархии (1657—2007): 350 лет Вятской епархии* / Под общ. ред. *митр. Вятского и Слободского Хрисанфа*. Вятка: Буквица, 2007.

Попов 1987 — *Н. С. Попов*. Православие в Марийском крае. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1987.

Садиков 2025 — *Р. Р. Садиков*. Календарная празднично-обрядовая культура мордвы-мокши Башкирии (традиции в реалиях современности) // Финно-угорский мир. 2025, 17 (2). С. 229—240.

Сепеев 2006 — *Г. А. Сепеев*. История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006.

Смирнов 1889 — *И. Н. Смирнов*. Черемисы: историко-этнографический очерк. Казань: Типография Императорского университета, 1889.

Устьянцев 2022 — Г. Ю. Устьянцев. Особенности идентичности марийцев Поветлужья: этническое обособление в поликультурном регионе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022, 1. С. 129—138.

Яковлев 1887 — Г. Я. Яковлев. Религиозные обряды черемис. Казань: Православное миссионерское общество, 1887.

Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — N. M. Dauenhauer, R. Dauenhauer. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska // L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 57—98.

Dorian 1998 — N. Dorian. Western language ideologies and small-language prospects // L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered Languages. Language loss and community response*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 3—21.

Kutsaeva 2021 — M. V. Kutsaeva. A Sociolinguistic Survey of an Internal Diaspora: Field Research of a Chuvash Diaspora Group in the Moscow Region // T. B. Agranat, L. R. Dodykhudoeva (eds.). *Strategies for Knowledge Elicitation*. Springer Nature Switzerland AG, 2021. P. 85—99.

Woolard 2008 — K. A. Woolard. Language and identity choice in Catalonia: The interplay of contrasting ideologies of linguistic authority // K. Süselbeck, U. Mühlischlegel, P. Masson (eds.). *Lengua, nación e identidad. La regulación del plurilingüismo en España y América Latina*. Madrid; Frankfurt am Main: Iberoamericana-Vervuert Verlag, 2008. P. 303—324.

References

Agranat 2014 — T. B. Agranat. Minoritarnye yazyki i pis'mennost' v epokhu globalizatsii. In: A. N. Bitkeeva, V. Yu. Mikhalechenko (red.). *Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire. Mezhdunarodnaya konferentsiya* (Moskva, 16—19 sentyabrya 2014 g.). *Doklady i soobshcheniya*. Moskva: Institut iazykoznaniia, Nauchno-issledovatel'skij tsentr po natsional'no-yazykovym otnosheniyam, 2014. S. 403—409. {T. B. Agranat. Minority languages and writing system in the era of globalization. In: A. N. Bitkeeva, V. Yu. Mikhalechenko (eds.). *Language policy and language conflicts in contemporary world: International Conference* (Moscow, September 16—19, 2014). *Reports and Communications*. Moscow: Institut iazykoznaniia, Nauchno-issledovatel'skij tsentr po natsional'no-yazykovym otnosheniyam, 2014. P. 403—409.}

Alpatov 2000 — V. M. Alpatov. 150 yazykov i politika. 1917—2000. *Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i post-sovetskogo prostranstva*. Moskva: Kraft+: Institut vostokovedeniia RAN, 2000. {V. M. Alpatov. 150 languages and politics. 1917—2000. *Sociolinguistic problems of the USSR and post-Soviet territories*. Moscow: Kraft+: Institut vostokovedeniia RAN, 2000.}

Belikov, Krysin 2021 — V. I. Belikov, L. P. Krysin. *Sotsiolingvistika: Uchebnik dlya bakalavriata i magistratury*. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Uright, 2021. {V. I. Belikov, L. P. Krysin. *Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree*. 2nd ed. Moscow: Uright, 2021.}

Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — N. M. Dauenhauer, R. Dauenhauer. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. In: L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 57—98.

Dmitriev i dr. 1995 — S. D. Dmitriev, V. M. Dmitrieva, G. M. Tuzharov. *Marijskij bukvar'. Uchebnik dlya pervogo klassa na severo-zapadnom narechii marijskogo yazyka*. Ioshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. {S. D. Dmitriev, V. M. Dmitrieva, G. M. Tuzharov. *The Mari ABC book. A textbook for the first form in the Northwestern dialect of the Mari language*. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995.}

Dorian 1998 — N. Dorian. Western language ideologies and small-language prospects. In: L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered Languages. Language loss and community response*. Cambridge: Cambridge University press, 1998. P. 3—21.

Guboglo 1996 — M. N. Guboglo (red.). *Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Marij El. T. 2*. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN, 1996. {M. N. Guboglo (ed.). *The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience*. Vol. 2. Moscow: IEA RAN, 1996.}

Gubstatotdel 1927 — *Perepis' naseleniya 1926 goda. Vyp. II. Spisok naselennykh mest Vyatskoj gubernii. Yaranskij uезд*. Vyatka, 1927. {*The 1926 Census. Issue II. List of populated places in the Vyatka province. Yaransk uyezd. Vyatka, 1927.*}

Ivanov, Tuzharov 1970 — I. G. Ivanov, G. M. Tuzharov. *Severo-zapadnoe narechie marijskogo yazyka*. Ioshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. {I. G. Ivanov, G. M. Tuzharov. *The Northwestern dialect of the Mari language*. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970.}

Ivanov, Tuzharov 1971 — I. G. Ivanov, G. M. Tuzharov. *Slovar' severo-zapadnogo narechiya marijskogo yazyka*. Ioshkar-Ola: Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut, 1971. {I. G. Ivanov, G. M. Tuzharov. *Dictionary of The Northwestern dialect of the Mari language*. Yoshkar-Ola: Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut, 1971.}

Koryakov 2024a — Yu. B. Koryakov. Baza dannykh "Etno-yazykovoj sostav naselyonnykh punktov Rossii. Perepis' 2002". Onlajn-proekt, 2024. {Yu. B. Koryakov. Database "Ethno-linguistic composition of Russia's settlements. 2002 Census". Online project, 2024.}. <http://www.lingvarium.org/russia/Census2002.shtml>

Koryakov 2024b — Yu. B. Koryakov. Baza dannykh “Etno-yazykovoj sostav naselyonnykh punktov Rossii. Perepis' 2010”. Onlajn-proekt, 2024. {Yu. B. Koryakov. Database “Ethno-linguistic composition of Russia’s settlements. 2010 Census”. Online project, 2024.} <http://www.lingvarium.org/russia/Census2010.shtml>

Koryakov 2024v — Yu. B. Koryakov. Baza dannykh “Etno-yazykovoj sostav naselyonnykh punktov Rossii. Perepis' 2020/21”. Onlajn-proekt, 2024. {Yu. B. Koryakov. Database “Ethno-linguistic composition of Russia’s settlements. 2020/21 Census”. Online project, 2024.} <http://www.lingvarium.org/russia/Census2021.shtml>

Kovedyaeva 1976 — E. I. Kovedyaeva. Mariiskii yazyk. In: Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya. Mariiskii, perm-skii i ugorskii yazyki. Moskva: Nauka, 1976. S. 3—96. {E. I. Kovedyaeva. Mari language. In: Basics of Finno-Ugric linguistics. Mari, Perm and Ugric languages. Moscow: Nauka, 1976. P. 3—96.}

Kovedyaeva 1987 — E. I. Kovedyaeva. Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam. Moskva: Nauka, 1987. {E. I. Kovedyaeva. Areal studies on eastern Finno-Ugric languages. Moscow: Nauka, 1987.}

Kozlova 1967 — K. I. Kozlova. Etnogenez i etnicheskie svyazi marijtssev po dannym etnografii. In: Proiskhozhdenie marijskogo naroda. Materialy nauchnoj sessii, provedennoj Marijskim nauchno-issledovatel'skim institutom yazyka, literatury i istorii (23—25 dekabrya 1965 g.). Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. S. 110—119. {K. I. Kozlova. Ethnogenesis and Ethnic Relations of the Mari According to Ethnography. In: The Origin of the Mari People. Materials of the Scientific Session held by the Mari Research Institute of Language, Literature, and History (December 23—25, 1965). Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. P. 110—119.}

Kozlova 1978 — K. I. Kozlova. Ocherki etnicheskoi istorii marijskogo naroda. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1978. {K. I. Kozlova. Outlines of Mari people’s ethnic history. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1978.}

Kutsaeva 2020a — M. V. Kutsaeva. Mariitsy Moskvyy: etnicheskaya identichnost' i yazykovaya loyal'nost' v usloviyakh vnutrennei diaspory. In: Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal. 2020, 2. S. 124—150. {M. V. Kutsaeva. Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty. In: Rodnoi Yazyk. Linguistic Journal. 2020, 2. P. 124—150.}

Kutsaeva 2020b — M. V. Kutsaeva. Funktsionirovanie etnicheskogo yazyka v chuvashskoi diasfore moskovskogo regiona. Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2020. {M. V. Kutsaeva. Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of Moscow region. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020.}

Kutsaeva 2021 — M. V. Kutsaeva. A Sociolinguistic Survey of an Internal Diaspora: Field Research of a Chuvash Diaspora Group in the Moscow Region. In: T. B. Agranat, L. R. Dodykhudoeva (eds.). Strategies for Knowledge Elicitation. Springer Nature Switzerland AG, 2021. P. 85—99.

Kutsaeva 2021 — M. V. Kutsaeva. Novye nositeli marijskogo kak faktor vital'nosti etnicheskogo yazyka v diasfore. In: Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal. 2021, 2. S. 5—34. {M. V. Kutsaeva. New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality. In: Rodnoi Yazyk. Linguistic Journal. 2021, 2. P. 5—34.}

Kutsaeva 2022 — M. V. Kutsaeva. Yazykovye biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev rajonov rasprostraneniya lugovogo marijskogo yazyka v Respublike Marij El). In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2022, 1 (44). S. 116—153. {M. V. Kutsaeva. Language biographies of the Maris of the Moscow region — the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the republic of Mari El. In: Ural-Altaic Studies. 2022, 1 (44). P. 116—153.}

Kutsaeva 2023 — M. V. Kutsaeva. Na derevnju nadejsja, a sam ne ploshaj: k voprosu o yazykovykh praktikah i ideologijah v chuvashskoj i marijskoj diasporah Moskovskogo regiona. In: Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2023, 2 (40). S. 65—78. {M. V. Kutsaeva. The village helps those who help themselves: on the question of language practices and ideologies in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region. In: Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research. 2023, 2 (40). P. 65—78.}

Kutsaeva 2024 — M. V. Kutsaeva. “Eshche ne russkie i uzhe ne marijtsy”: ob etnicheskoi identichnosti, yazyke i kul'ture kirovskikh marijtssev (po rezul'tatam obsledovaniya v marijskoj diasfore moskovskogo regiona). In: Sotsiolingvistika. 2024, 1 (17). S. 25 — 43. {M. V. Kutsaeva. “Not yet Russians and no longer Maris”: Ethnic identity, language and culture of the Kirov Maris (Based on the results of a survey in the Moscow region Mari diaspora). In: Sociolinguistics. 2024, 1 (17). P. 25—43.}

Kutsaeva 2025a — M. V. Kutsaeva. Funktsionirovanie marijskikh idiomov v starykh diasporakh Bashkortostana (po materialam polevykh ekspeditsij 2024 g.). In: Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2025, 1 (47). S. 50—63. {M. V. Kutsaeva. The function of Mari idioms in the old diaspora of Bashkortostan (based on the field linguistic data from the year 2024). In: Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research. 2025, 1 (47). P. 50—63.}

Kutsaeva 2025b — M. V. Kutsaeva. Marijtsy i ikh yazyk za predelami Respubliki Marij El (po dannym sotsiolingvisticheskikh ekspeditsij 2024—2025 godov). In: Finno-ugrovedenie. 2025, 4 (72). S. 7—36. {M. V. Kutsaeva. Mari people and their language beyond the Republic of Mari El (data from 2024—2025 sociolinguistic expeditions). In: Finno-Ugric Studies. 2025, 4 (72). P. 7—36.}

Kutsaeva 2025v — M. V. Kutsaeva. Funktsionirovanie marijskogo yazyka v Kukmorskom rajone Tatarstana. In: Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij. 2025, 19 (3). S. 347—356. {M. V. Kutsaeva. Functioning of Mari language in the Kukmor district of Tatarstan. In: Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2025, 19 (3). P. 347—356.}

Kutsaeva 2026 — M. V. Kutsaeva. Vital'nost' etnicheskogo yazyka i kul'tury: po sledam ekspeditsij k ural'skim marijtsam. In: Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2026, 2(52) S. 49—61. {M. V. Kutsaeva. Ethnic language and culture vitality: a sociolinguistic survey in the Ural Mari communities. In: Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research. 2026, 2 (52). P. 49—61.}

Mariitsy 2018 — Mariitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki. 3-e izd., dop. Ioshkar-Ola: MarINNYaLI, 2018. {Maris. Historical-ethnographic outlines. Yoshkar-Ola: MarINNYaLI, 2018.}

Metodologicheskie poyasneniya 2020 — Osnovnye metodologicheskie i organizatsionnye polozheniya vsrossijskoj perepisi naseleniya 2020 goda. {Main Methodological and Organizational Provisions of the 2020 All-Russian Population Census.} <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/omop-vpn-minek-2020.pdf>

Narody Povolzh'ya i Priural'ya 2000 — Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Komi-zyryane. Komi-permyaki. Mariitsy. Mordva. Udmurty. Moskva: Nauka, 2000. {Peoples of the Volga and the Urals region. Komi-Zyryans. Komi-Permians. Maris. Mordovians. Udmurts. Moscow: Nauka, 2000.}

Prikhody Vyatskoj eparkhii 1912 — Prikhody Vyatskoj eparkhii, 1912. {Parishes of the Vyatka Diocese, 1912}. https://rodnaya-vyatka.ru/churches/ve1912/search?id_blag=126&selo=Село%20Знаменское%20%28Цекеево%29

Ocherki istorii Vyatskoj eparkhii 2007 — Ocherki istorii Vyatskoj eparkhii (1657—2007): 350 let Vyatskoj eparkhii / Mitr. Vyatskij i Slobodskij Khrisanf (red.). Vyatka: Bukvitsa, 2007. {Historical outlines of Vyatka Diocese (1657—2007) / Mitr. Vyatskij i Slobodskij Khrisanf (ed.). Vyatka: Bukvitsa, 2007.}

Popov 1987 — N. S. Popov. Pravoslavie v Marijskom krae. Ioshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. {N. S. Popov. Orthodoxy in the Mari Region. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987.}

Sadikov 2025 — R. R. Sadikov. Kalendarnaya prazdnichno-obryadovaya kul'tura mordvy-mokshi Bashkirii (traditsii v realiyakh sovremennosti). In: Finno-ugorskij mir. 2025, 17 (2). S. 229—240. {R. R. Sadikov. The Calendar Festive and Ritual Culture of the Mordva-Moksha in Bashkortostan: Traditions in the Context of Contemporary Realities. In: Finno-Ugric World. 2025, 17 (2). P. 229—240.}

Sepeev 2006 — G. A. Sepeev. Istoriya rasseleniya mariitsev. Ioshkar-Ola: MarNIYaLI, 2006. {G. A. Sepeyev. History of Maris' settlement. Yoshkar-Ola: MarNIYaLI, 2006.}

Smirnov 1889 — I. N. Smirnov. Cheremisy: istoriko-etnograficheskij ocherk. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1889. {I. N. Smirnov. Cheremiss: historical-ethnographic outlines. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1889.}

Stoletie Vyatskoj gubernii 1881 — Stoletie Vyatskoj gubernii. 1780—1880. Sbornik materialov k istorii Vyatskogo kraja. Izdanie Vyatskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta. T. II. Vyatka: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1881. {The centenary of the Vyatka Province. 1780—1880. Collection of materials on the history of the Vyatka region. Edition of the Vyatka Provincial Statistical Committee. Vol. II. Vyatka: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1881.} <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl02000025010?page=165&rotate=0&theme=white>

S'ezdy 2008 — S'ezdy naroda mari: dokumenty i materialy. 1917—2004. Ioshkar-Ola: Tsentr-muzej im. Valentina Kolumba, 2008. {Congresses of Mari people: documents and materials. 1917—2004. Yoshkar-Ola: Tsentr-muzej im. Valentina Kolumba, 2008.}

Ustyantsev 2022 — H. Yu. Ustyantsev. Osobennosti identichnosti mariitsev Povetluzh'ya: etnicheskoe obosoblenie v polikul'turnom regione. In: Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij. 2022, 1. S. 129—138. {H. Yu. Ustyantsev. Features of the Vetluga Mari's identity: ethnic isolation in a multicultural region. In: Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2022, 1. P. 129—138.}

Vakhtin 2001 — N. B. Vakhtin. Yazyki narodov Severa v XX veke. Ocherki yazykovogo sdviga. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2001. {N. B. Vakhtin. Languages of the peoples of the north in the XX c. Essays on language shift. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2001.}

VPN 2020 — Vserossiyskaya perepis naseleniya 2020 goda. (Tom 5 "Natsionalnyy sostav i vladeniye yazykami", Tablitsa 4 "Vladeniye yazykami i ispolzovaniye yazykov naseleniyem"). {All-Russian population census 2020. (Vol. 5 "National composition and language proficiency", Table 4 "Language proficiency and language use by the population").} <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/>

Woolard 2008 — K. A. Woolard. Language and identity choice in Catalonia: The interplay of contrasting ideologies of linguistic authority. In: K. Süselbeck, U. Mühlshlegel, P. Masson (eds.). Lengua, nación e identidad. La regulación del plurilingüismo en España y América Latina. Madrid; Frankfurt am Main: Iberoamericana-Vervuert Verlag, 2008. P. 303—324.

Yakovlev 1887 — G. Ya. Yakovlev. Religioznye obryady cheremis. Kazan': Pravoslavnoe missionerskoe obshchestvo, 1887. {G. Ya. Yakovlev. Cheremiss religious rites. Kazan: Pravoslavnoe missionerskoe obshchestvo, 1887.}

Zakon RME o yazykakh 1995 — Zakon Respubliki Marii El "O yazykakh v Respublike Marii El". {Law of the Republic of Mari El "On the languages in the Republic of Mari El".} <https://base.garant.ru/20701792/>

Современные дифтонги в первых книгах XVIII—XX вв. на якутском языке

Легусина Ульяна Николаевна,

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); ulegusina@mail.ru

В статье рассматривается становление системы современных дифтонгов якутского языка на материале первых письменных памятников конца XVIII — начала XX вв. Цель исследования — установить время появления и последовательность распространения дифтонгов *иэ*, *үө*, *уо*, *ыа* в якутском языке. Источниковую базу составили словарь П. С. Палласа (1787—1789), «Краткий катехизис» (1844), «Канон и часы святыя Пасхи» (1883), «Букварь для якутов» (1897) и «Апостольские чтения» (1902). В работе анализируется графическая передача словоформ, соответствующих современным литературным формам с дифтонгами. Установлено, что в конце XVIII в. и в середине XIX в. преобладают однографемные соответствия, тогда как двухграфемные написания встречаются эпизодически и прежде всего для передачи огубленных дифтонгов *үө* и *уо*. В памятнике 1883 г. двухграфемные написания более частотны, а к концу XIX в. становятся доминирующими уже для всех рассматриваемых дифтонгов. В начале XX в. однографемные соответствия сохраняются лишь как исключения. Делается вывод о постепенном формировании современной системы якутских дифтонгов в течение XIX в., при этом наиболее раннюю дифтонгизацию обнаруживают *үө* и *уо*, в то время как *иэ* и *ыа* оформляются позднее. Результаты исследования уточняют хронологию фонетических изменений в якутском языке и имеют значение для обсуждения происхождения якутских дифтонгов.

Ключевые слова: памятники письменности, якутский язык, графема, дифтонг, монофтонг

MODERN DIPHTHONGS IN THE FIRST BOOKS OF THE XVIII AND XIX CENTURIES IN THE YAKUT LANGUAGE

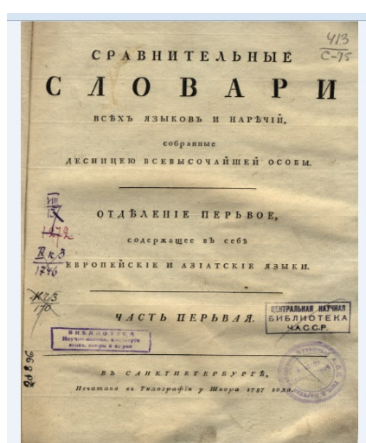
Ulyana N. Legusina,

Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow); ulegusina@mail.ru

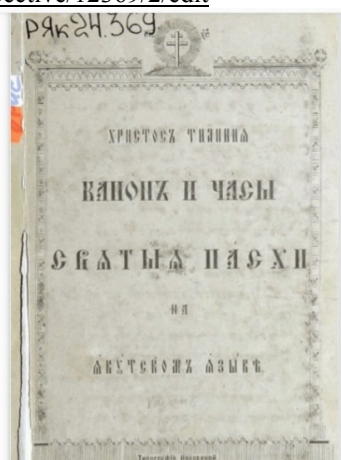
The article examines the formation of the system of modern diphthongs in the Yakut language based on early written sources from the late 18th to the early 20th century. The aim of the study is to determine the time of emergence and the sequence of the spread of the diphthongs *ie*, *üö*, *uo*, *ia* in Yakut. The source base includes P. S. Pallas's dictionary (1787—1789), A Brief Catechism (1844), The Canon and Hours of Holy Easter (1883), A Primer for Yakuts (1897), and Apostolic Readings (1902). The study analyzes the graphic representation of word forms corresponding to modern literary forms with diphthongs. It is established that in the late 18th century and the mid-19th century, single-grapheme correspondences predominated, while two-grapheme spellings occurred sporadically and primarily represented the rounded diphthongs *üö* and *uo*. In the 1883 texts, two-grapheme reflexes become more frequent, and by the end of the 19th century they begin to predominate for all the diphthongs under consideration. By the early 20th century, single-grapheme correspondences remain only as exceptions. The study concludes that the modern system of Yakut diphthongs developed gradually over the course of the 19th century. The earliest diphthongization is observed for *üö* and *uo*, while *ie* and *ia* were formed later. The results refine the chronology of phonetic changes in Yakut and contribute to the discussion of the origin of Yakut diphthongs.

Keywords: written record, Yakut language, grapheme, diphthong, monophthong

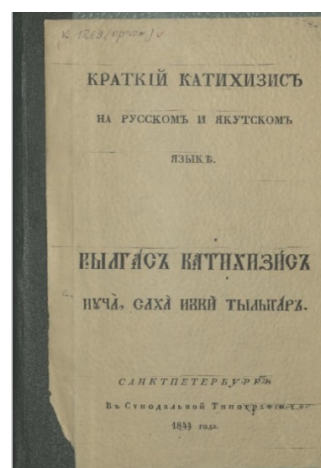
Одной из актуальных тем в современной тюркологии остается вопрос о времени возникновения системы дифтонгов, являющейся отличительной чертой якутского языка. Известно, что дифтонги *иэ*, *уо*, *уө* образовались в якутском из пратюркских долгих гласных среднего подъема **ē*, **ō*, **ō̄*, а впоследствии в результате стяжения возник дифтонг *иэ*, парный по ряду к дифтонгу *иө* [Дыбо 2015], например: ПТю **bōr* > якут. *буор* ‘земля, почва’, ПТю **jōl* > якут. *суол* ‘дорога’, ПТю **gōk* > якут. *күөх* ‘зеленый’, ПТю **gēc(-e)* > якут. *киэһэ* ‘вечер’, ПТю **jāg* > якут. *сыа* ‘жир’, ПТю **tāg* > якут. *тыа* ‘лес’. Исследователь якутского языка Марк Стаховский в работе «Хронология некоторых фонетических изменений в якутском языке на материале монгольских заимствований XVIII века» показал, что дифтонгизация в якутском еще не засвидетельствована в 1-й пол. XVIII в.; при этом он исходил из материалов экспедиции Г. Ф. Миллера в 1739 г. Автор приходит к выводу, что в 1-й пол. XVIII в. в центральной части якутского ареала преобладали монофтонги, а дифтонги были распространены только в некоторых пограничных регионах, и именно это центрально-якутское монофтонгическое произношение зафиксировал Миллер [Stachowski 1993]. В настоящей статье мы планируем показать, как и когда появились дифтонги в якутском языке на материале словаря П. С. Палласа, созданного в конце XVIII в., а также конкордансов трех книг XIX в. и одной книги начала XX в.

Словарь П. С. Палласа был издан в 1787—1789 гг. [Паллас 1787; 1789]. Сам Паллас не был в Якутии, но материал по якутскому языку был собран, предположительно, его помощником К. Г. Мерком. В словарь включено более 300 якутских форм (статья № 106); см. также электронную версию: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/12369/1/perspective/12369/2/edit>

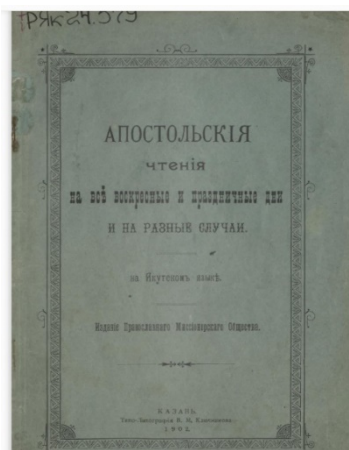
«Канон и часы святыя Пасхи» изданы в типографии Коковиной в Казани в 1883 г. [Канон и часы святыя Пасхи на якутском языке 1883]. Конкорданс книги доступен онлайн: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11788/1/perspective/11788/2/view>

«Краткий катехизис» на русском и якутском языках был издан в Петербурге в 1844 г. [Краткий катехизис на русском и якутском языке 1844]. Автором данного перевода является Михаил Ощепков. Конкорданс книги доступен онлайн: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11787/1/perspective/11787/2/view>

«Букварь для якутов» издан в 1897 г. в Казани в типографии Императорского университета [Букварь для якутов 1897]. Конкорданс книги доступен онлайн: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11789/1/perspective/11789/2/view>

«Апостольские чтения на все воскресные и праздничные дни и на разные случаи» были изданы в 1902 г. в типографии В. М. Ключникова в Казани [Апостольские чтения 1902]. Конкорданс книги доступен онлайн: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11786/1/perspective/11786/2/view>

Оцифрованные копии книг доступны онлайн в Национальной библиотеке им. А. С. Пушкина г. Якутска.

В современном якутском языке, кроме 16 гласных (кратких и долгих), имеются четыре дифтонга: *иэ, уо, уө, ыа*. Начиная с работ Е. Д. Поливанова [Поливанов 1927] принято считать, что первичные якутские дифтонги восходят к пратюркским долгим, соответствуя при этом туркменской первичной долготе [Щербак 1970; Stachowski 1993]. Первым, кто описал дифтонги в якутском языке, был О. Н. Бетлингк [Бетлингк 1989]. Реконструкция пратюркских гласных, включающая три восходящих дифтонга (**ia*, **io*, **iö*), была предложена в работе О. А. Мудрака [Мудрак 1993], а вслед за ним А. В. Дыбо [Дыбо 2007: 49—50]¹. Вопросу статуса дифтонгов в якутском языке посвящены также труды Л. С. Харитонов [Харитонов 1947], П. П. Барашкова [Барашков 1953], Е. И. Убрятовой [Убрятова 1945], Н. Д. Дьячковского [Дьячковский 1971], Н. Н. Широбоковой [Широбокова 2018], П. А. Слепцова [Слепцов 1986], С. А. Иванова [Иванов 2021] и др.

Ниже приводится полный материал из пяти источников употребления тех слов, в которых в современном литературном языке представлены дифтонги. Указывается только одна из словоформ с той или иной рефлексацией; в онлайн-конкордансах можно посмотреть их полную выборку. Вначале дается запись слова в том виде, в котором она отражена в источниках, далее идет современная литературная форма, затем — перевод на русский язык.

Современный дифтонг *иэ*

[Паллас 1787]

е:

1. *едесь* — лит. *иэдэс* ‘щеки’
2. *желынаръ* — лит. *дыэлэнэр* ‘обретает дом’
3. *кейя* — лит. *киэнэ* ‘широта его’²
4. *же* — лит. *дыэ* ‘дом’
5. *теяръ* — лит. *тиэйэр* ‘возить’
6. *керь* — лит. *киэр* ‘прочь’
7. *жекетебиль* — лит. *дыэ кэтэбилэ* ‘охрана’
8. *керь* — лит. *киэр* ‘прочь’

[Краткий катехизис 1844]

ю:

1. *бары кистъха?* — лит. *бары киһиэхэ?* ‘для всякого человека?’
2. *Тылъ бъраръ* — лит. *Тыл биэрэр* ‘Давать ответ’
3. *югъръ Кингъха?* — лит. *үгэр Киниэхэ* ‘молится Ему?’

¹ Дифтонги, которые восстанавливают для пратюркского состояния О. А. Мудрак и А. В. Дыбо, опираясь на данные болгарской группы, не связаны с якутскими дифтонгами.

² Единичный случай отображения интервокального *н* как *й*.

4. *сътáръ* (кисини') *Тагарага* '' — лит. *сиэтэр киһини Тангараҕа* 'ведет к Богу'
5. *Хайдáкъ* *йорангъха* 'сөбүй' — лит. *Хайдах үөрэниэххэ сөбүй* 'Как научиться?'
6. *Хайдáкъ* *йорангъха* 'себуй югѣха?' — лит. *Хайдах үөрэниэххэ сөбүй үнүөххэ?* 'Как научиться молиться?'
7. *Хайдáкъ* *йорангъха* 'сѣбтáхъ)? — лит. *Хайдах үөрэниэххэ сөптөөх* 'Как научиться?'
8. *Кингъа* 'тююктанáрь' — лит. *Киниэхэ түмүктэнэр* 'В нем заключается'
9. *Бастыгъ* *Бѣртъ* *Ыра́сь* *Юсь* *гънинь* — лит. *Бастын бэрт ыраас үс киэнин* 'Пресвятая Троицы'
10. *Иккисъ* *Ыра́сь* *Юсь* *гънинь* — лит. *Иккис Ыраас Үс киэнин* 'Второе Лицо Святыя Троицы'
11. *тáгъ* *болáнь* *Кингъа* — лит. *тэн буолан Киниэхэ* 'будучи равен Ему'
12. *Исѣсъ* *Христосъ* *амѣ* *кѣлѣгá* — лит. *Иисус Христос эмиэ кэлиэбэ* 'Иисус Христос паки придет'
13. *Кингъа* *тѣтѣллэ́рь* *йорáхъ* — лит. *Киниэхэ тутулар үөрэх* 'В нем содержится учение'
14. *Бѣртъ* *ыра́сь* *Юсь* *гънá* — лит. *Бэрт ыраас үс киэнэ* 'Пресвятая Троицы'
15. *бѣртѣрь* *ологѣ* - лит. *биэрэр олобу* 'дает жизнь'
16. *Апостольскай* *Тагара́* *джгъти́нь* — лит. *Апостольскай Танара дьиэтин* 'Апостольскую Церковь'
17. *Тагара́* *джгътá* — лит. *Танара дьиэтэ* 'Христианская Церковь'
18. *áнь* *дá* *дойдѣ* *бютѣгюгáрь* *дѣрь* — лит. *аан да дойду бүтүөбүгэр диэри* 'и до скончания мира продолжаться'
19. *устѣнáнь* *исѣхъ* — лит. *устунан иһиэх* 'продолжаться'
20. *сѣргънгъкá* *даганы́* — лит. *сэрэниэххэ даҕаны* 'и беречься'
21. *Тагара́* *джгътиттáнь*. — лит. *Танара дьиэтиттэн* 'Православной Церкви'
22. *Кингъа* *тѣтѣллэ́рь* — лит. *Киниэхэ тутулар* 'В нем содержится'
23. *сюрахтангъкá* — лит. *сүрэхтэниэххэ* 'верующему'
24. *Агá* *гънигáрь* — лит. *Аҕа киэнигэр* 'Отца'
25. *Ўбá* *дá* *гънигáрь* — лит. *Уол да киэнигэр* 'и Сына'
26. *Ыра́сь* *дá* *Тынъ* *гънигáрь* — лит. *Ыраас да Тыын киэнигэр* 'и Святого Духа'
27. *бѣлѣ* — лит. *бэлиэ* 'печать'
28. *кѣлѣгá* *халланнарта́нь* — лит. *кэлиэбэ халлааннартан* 'придет с небес'

Суммарно когнаты слов с *иэ* в литературном языке в [Краткий катехизис 1844] зафиксированы 27 раз, во всех случаях в соответствии с лит. *иэ* употребляется *ъ*.

[Канон и часы святыя Пасхи 1883]

е:

1. «юѣрюнь» да дѣни, иле *истъехпить* — лит. «үөрүн» да *диэни*, илэ *истиэхпит* «Радуйтесь!» ясно услышим'
2. 10 *день* — лит. *диэн* 'называться'
3. 4 *бисена* — лит. *биһиэнэ* 'наш'
4. 5 *бисеха* — лит. *биһиэхэ* 'нам'
5. 1 *эме да* — лит. *эмиэ да* 'и опять'
6. 12 *Эеха* — лит. *Эйиэхэ* 'Тебе'
7. 3 *Эена* — лит. *аатын Эйиэнэ* 'имя Твое'
8. *мүра керета* — лит. *мира кэриэтэ* 'вместо мира'
9. *тетейбиттара* — лит. *тиэтэйбиттэрэ* 'спешили'
10. *эеннера* — лит. *эйиэннэрэ* 'твой'
11. *кергань* — лит. *киэргэн* 'нарядись'
12. *бераччи* — лит. *биэрээччи* 'дающий'
13. *дже* — лит. *дьиэ* 'чертог'
14. *кильбеегинъ* — лит. *килбэйиэбин* 'просветимся'
15. *эенинь* — лит. *эйиэнин* 'твой'
16. *бераччи* — лит. *биэрээччи* 'дающий'
17. *джетигаръ* — лит. *дьиэтигэр* 'в доме'
18. *джетиннагаръ* — лит. *дьиэлэринээбэр* 'чем домов'
19. *генинь* — лит. *киэнин* 'его'
20. *гена* — лит. *киэнэ* 'его'
21. *тыны-берань* — лит. *тыыны биэрэн* 'жизнь даровав'

ѣ:

1. *кильбеегинъ, джѣнноръ!* — лит. *килбэйиэбин, дьѣннор!* 'просияем, люди!'

2. *халлāнга тирёрда бисигини* — лит. *халаанга тириэртэ биһигини* ‘к небесам нас перевел’
3. «*юёрюнь*» да *дёни*, иле *истъехпить* — лит. «*үөрүн*» да *диэни*, илэ *истиэхпит* ‘«Радуйтесь!» ясно услышим’
4. *т᠔᠔* да *бёрбать тāстань* — лит. *тугу да биэрбэт таастан* ‘не из камня бесплодного’
5. *сēнāргā бёрилларинь исинь* — лит. *сиэнэргэ бэриллэрин иһин* ‘как предлагаемый в снедь’
6. *бёрь* — лит. *биэр* ‘дай’
7. *тынъ-бёрарь* — лит. *тыын биэрэр* ‘дающий жизнь’
8. *этёгинь* — лит. *этиэбин* ‘скажем’
9. *тыны бёрань* — лит. *тыыны биэрэн* ‘жизнь дав’
10. *бёрарь* — лит. *биэрэр* ‘дает’
11. *бёрбить* — лит. *биэрбит* ‘давший’
12. *дёри* — лит. *диэри* ‘до’
13. *дѣттāнь* — лит. *дыэттэн* ‘из чертога’
14. *тиксёгинь* — лит. *тискиэбин* ‘приобщимся’
15. 2 *кёрь* — лит. *киэр* ‘прочь’
16. *капсѣхтара* — лит. *кэпсиэхтэрэ* ‘расскажут’
17. *билиѣхпитинь* — лит. *билиэхпитин* ‘узнаем’

йе:

1. *Бысаччымъ мiеня* — лит. *Быһааччым миэнэ* ‘Спаситель мой’
2. *кiесаламмать кюнь* — лит. *киэхэлэммэт күн* ‘безвечерний день’

э:

1. *кэрь-ылыллыбытъ тāсы* — лит. *киэр ылыллыбыт тааһы* ‘камень отваленный’

а:

1. *баринъ* — лит. *биэрин* ‘воздайте’

[Букварь для якутов 1897]

йе:

1. *Kisiēxä kăpsieḥ оннук туох да суох* — лит. *Kuһиэхэ кэпсиэх оннук туох да суох* ‘Нет ничего такого, о чем можно было рассказать человеку’
2. *diēn* — лит. *диэн* ‘называться’
3. *Икки тиербāстāх, икки усуктāх, ортотугар кiннāх* — лит. *Икки тиэрбэстээх, икки уһуктаах, ортотугар кииннээх* ‘У него два кольца, два конца, по середине пупок’
4. *siēri gyнар* — лит. *сиэри гынар* ‘хочет съесть’
5. *Ан дiегāр тугу гынагын?* — лит. *Эн дыибэр тугу гынабын?* ‘Что ты делаешь дома?’
6. *biērāllār* — лит. *биэрэллэр* ‘дают’
7. *biēs харыс сарыннāх* — лит. *биэс харыс сарыннаах* ‘пять пядей в плечах’
8. *ȳn тиербāсiн сага харахтāх* — лит. *ȳн тиэрбэһин саба харахтаах* ‘глаза, как кольца уздечки’
9. *siēlbit sirā* — лит. *сиэлбит сирэ* ‘там, где пробежал рысцой’
10. *ДЖiетā уота буоллагына* — лит. *Дьиэтэ-уота буоллабына* ‘а дом очаг его’
11. *ДЖiетин тула* — лит. *Дьиэтин тула* ‘вокруг дома’
12. *siērkālā tālgāсālāх* — лит. *сиэркилэ тэлгэхэлээх* ‘имеющий зеркальный двор’
13. *кильбāгир тиергāннāх* — лит. *килбэбир тиэргэннээх* ‘имеющий блестящий двор’
14. *сибинiес титiктāх* — лит. *сибиниэс титииктээх* ‘имеющий свинцовый хлев’
15. 2 *diēkki* — лит. *илин диэки* ‘в сторону’
16. *siētisān туралларын курдук* — лит. *сиэттиһэн туралларын курдук* ‘как будто стоят, взявзшись за руки’
17. *киергāнār таҥастарын* — лит. *киэргэнэр таҥастарын* ‘нарядные одежды’
18. *дiерāнкāйдāн* — лит. *дырэнкэйдээн* ‘бег с подскоком на одной ноге’
19. *siēgān буоджулāх* — лит. *сиэгэн буолбудаах* ‘с шапкой из росомахи’
20. *biēs пут батыялāх* — лит. *биэс пуут батыйалаах* ‘имеющий пятипудовую пальму’
21. *siēlilāх siēr аттāх* — лит. *сиэлиллээх сиэр аттаах* ‘имеющий рыжего рысака’
22. *сāттā булас siēllāх* — лит. *сэттэ былас сиэллээх* ‘имеющий гриву в семь сажений’
23. *diēri* — лит. *диэри* ‘до’
24. *хār дiетāгār үрдүктүк тiсār* — лит. *хаар дьиэтээбэр үрдүктүк түһэр* ‘снег падает выше крыши’

25. *сылгы диэхтэн сылгыттан атын; ынах диэхтэн ынахтан атын; мөсөөк диэхтэн мөсөөктөн атын* — лит. *сылгы диэххин сылгыттан атын; ынах диэххин ынахтан атын; мөһөөх диэххин мөһөөхтөн атын* ‘скажешь лошадь, а другой, скажешь корова, а другой, скажешь куль, а другой’
26. *киесэңҥи асыр аспытын* — лит. *киэһээнҥи аһыыр аспытын* ‘нашу вечернюю еду’
27. *жэитэҕэр* — лит. *дьиэтээбэр* ‘чем дом’
28. *бэрт тиеталинэн* — лит. *бэрт тиэтэлинэн* ‘в спешке’
29. *амие аяммытыгар турбунпут* — лит. *эмие айаммытыгар турбунпут* ‘снова отправились в путь’
30. *сурах ара диен итэҕэйбэт буол* — лит. *сүрэх эрэ диэн итэбэйбэт буол* ‘Не верь только сердцу’
31. *кисיעхэ бүтүн аһ дойду* — лит. *киһиэхэ бүтүн аан дойду* ‘для чело́вка — ‘целый мир’
32. *кистיעн суога* — лит. *кистиэн суоҕа* ‘не утаишь’
33. *сиенэр тустэҕар* — лит. *сиэнэр туустааҕар* ‘чем обычная соль’
34. *тиейтэ ыараханлык турарыттан* — лит. *тиэйиитэ ыараханлык турарыттан* ‘из-за сложности транспортировки’
35. *амие үөскүүр* — лит. *эмие үөскүүр* ‘снова образуется’
36. *хамнамна туран биерэр* — лит. *хамнаабакка туран биэрэр* ‘останавливается неподвижно’
37. *сиетэн ыдьэҕэллэр* — лит. *сиэтэн илдьэллэр* ‘уводят’
38. *ийэҥ кэриес тылын* — лит. *ийэҥ кэриэс тылын* ‘завета матери твоей’
39. *жадаярың кэлиэ, уоруах курдук кысалгаң кэлиэ* — лит. *дьадайарың кэлиэ, уоруйах курдук кыһалҕаң кэлиэ* ‘придет бедность твоя, и как вор, нужда твоя’
40. *Үрүң көмүс кэриетэ* — лит. *Үрүҥ көмүс кэриэтэ* ‘Вместо серебра’
41. *бай кисיעхэ* — лит. *баай киһиэхэ* ‘человеку’
42. *киниттэн кьер бар* — лит. *киниттэн кьер бар* ‘иди прочь от него’
43. *жэититтэн* — лит. *дьиэтиттэн* ‘от дома’
44. *бэриллэ асיעхэ* — лит. *бэриллэ эһиэхэ* ‘дано вам будет’
45. *асыллы асיעхэ* — лит. *аһыллыа эһиэхэ* ‘отворится вам’
46. *күриен кэриетэ* — лит. *кириэн кэриэтэ* ‘чем войти’
47. *тэбиен кыл* — лит. *тэбиэн кыыл* ‘верблю́д’
48. *кулут буоллун асיעхэ* — лит. *кулут буоллун эһиэхэ* ‘пусть будет слугой вам’
49. *киниэхэ тэҥнэх* — лит. *киниэхэ тэҥнэх* ‘подобная ей’
50. *диеччи Миехэ* — лит. *диэччи Миэхэ* ‘говорящий мне’
51. *күриэ суога* — лит. *кириэ суоҕа* ‘не войдет’
52. *ол күриегэ* — лит. *ол кириэбэ* ‘тот войдет’
53. *Кэлиң Миехэ* — лит. *Кэлиҥ Миэхэ* ‘Придите ко Мне’
54. *этэбин асיעхэ* — лит. *этэбин эһиэхэ* ‘Я говорю вас’
55. *күни биерэр* — лит. *күни биэрэр* ‘он дает’
56. *онтон асיעхэ* — лит. *онтон эһиэхэ* ‘а вам’
57. *Агаҕыт асיעнэ* — лит. *Аҕаҕыт эһиэнэ* ‘Отец Ваш’
58. *биерэргиттэн сэрэниң* — лит. *биэрэргиттэн сэрэниң* ‘остерегайтесь давать’
59. *хайҕатыннар диен* — лит. *хайҕаатыннар диэн* ‘чтобы прославляли’
60. *этэбин асיעхэ* — лит. *этэбин эһиэхэ* ‘вам говорю’
61. *бу курдук биерэр буол* — лит. *бу курдук биэрэр буол* ‘давай так’
62. *илэ айыҕа биерегэ* — лит. *илэ айыҕа биэриэбэ* ‘воздаст тебе явно’
63. *жэигэр күрэн* — лит. *дьиэбэр киирэн* ‘войди в дом’
64. *исиллэхпит дй саныллар* — лит. *иһиллэхпит дии саныллар* ‘думают, что будут услышаны’
65. *Курдик этэбин асיעхэ* — лит. *Кырдык этэбин эһиэхэ* ‘Истинно говорю вам’
66. *(жэиэ) аннынан* — лит. *(дьиэ) аннынан* ‘под домом’
67. *үөн, жэбин да сибэйтэр* — лит. *үөн, дьэбин да сибэйтэр* ‘ни моль, ни ржа не истребляют’
68. *Святой да Тың* — лит. *Сибэтиэй да Тыын* ‘и Святой Дух’
69. *Джонҕо биербит* — лит. *Дьонҕо биэрбит* ‘данная людям’
70. *Агаҕыт бисיעнэ* — лит. *Аҕаҕыт биһиэнэ* ‘Отче наш’
71. *бисיעхэ бүгүн* — лит. *биһиэхэ бүгүн* ‘нам сегодня’
72. *байабит иестэхтэрбитигэр* — лит. *бэйэбит иэстээхтэрбитигэр* ‘должникам нашим’
73. *бисיעхэ бисиги иестэрбитин* — лит. *биһиэхэ биһиги иэстэрбитин* ‘нам долги наши’
74. *икки үөрэҕэ суогу биерэллэр* — лит. *икки үөрэбэ суоҕу биэрэллэр* ‘двух необразованных и то не берут’
75. *жэигэр күрэн* — лит. *дьиэбэр киирэн* ‘войди в дом’

ē:

1. 2 *āiēxā bieriegā* — лит. *эйиэхэ биэриэбэ* ‘воздаст тебе’
2. 1 *Слава Айēха* — лит. *Слава эйиэхэ* ‘слава тебе’
3. 1 *атың Айēнā святēйдәннин* — лит. *аатың Эйиэнэ сибэтиэйдәннин* ‘да святится имя твое’
4. *Айēннāрā буолаллар āбāт* — лит. *Эйиэннэрэ буолаллар эбээт* ‘Ибо твое есть’
5. 2 *илā айēхā bieriegā* — лит. *илэ эйиэхэ биэриэбэ* ‘воздаст тебе явное’

[Апостольские чтения 1902]

iā:

1. *бāлiāлāрiнāн* — лит. *бэлиэлэринэн* ‘знамениями’
2. *бiāрāн баран* — лит. *биэрэн баран* ‘дав’
3. 5 *дiāрi* — лит. *диэри* ‘до’
4. *āiīāxā* — лит. *эйиэхэ* ‘тебе’
5. *бiāрiллiāx* — лит. *биэриллиэх* ‘обещанного’
6. *сүрāхтāнiāххит* — лит. *сүрэхтэниэххит* ‘будете крещеными’
7. *āciḡi бiлiāххитiн сатаммат* — лит. *эһиги билиэххитин сатаммат* ‘не ваше дело знать’
8. *мiāxā* — лит. *миэхэ* ‘мне’
9. *халлāн дiāккi* — лит. *халлаан диэки* ‘на небо’
10. *āmiā* — лит. *эмиэ* ‘тоже’
11. *кāлiāḡā* — лит. *кэлиэбэ* ‘придет’
12. *дiāн* — лит. *диэн* ‘называемой’
13. *(сiтiāx) кāрiчнāḡā* — лит. *(ситиэх) кэриннээбэ* ‘Надлежало исполниться’
14. *бiсiāxā кытарыллыбыта* — лит. *биһиэхэ кытарыллыбыта* ‘был сопричислен к нам’
15. *бiāсуон хонук* — лит. *биэс уон хонук* ‘Пятидесятницы’
16. *мiāлāрiн бүтүннү* — лит. *дьыэлэрин бүтүннүү* ‘весь дом’
17. *Святой Тын кiнiлāргā āтiāхтāрiн бiāрбiтiнāн атын* — лит. *Сибэтиэй Тыын кинилэргэ этиэхтэрин биэрбитинэн атын* ‘И исполнились все апостолы Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать’
18. *iāдāйбiтā* — лит. *издэйбитэ* ‘пришел в смятение’
19. *уолаттаргыт кыргыттаргыт āсiāннāрā* — лит. *уолаттаргыт кыргыттаргыт эһиэннэрэ* ‘сыны ваши и дочери ваши’
20. *оголоргут āсiāннāрā* — лит. *оболоргут эһиэннэрэ* ‘юноши ваши’
21. *бāлiāлāрi* — лит. *бэлиэлэри* ‘знамения’
22. *бāлiāлāрiнāн* — лит. *бэлиэлэринэн* ‘знамениями’
23. *āсiāxā* — лит. *эһиэхэ* ‘вам’
24. *бiāрiллiбiт* — лит. *биэриллибит* ‘преданного’
25. *крiāскā тоңосолōн* — лит. *кириэскэ тобоһолоон* ‘пригвоздили’
26. *сүрāḡiм мiāнā* — лит. *сүрэҕим миэнэ* ‘сердце мое’
27. *Атiм-хāным мiāнā* — лит. *Этим-хааным миэнэ* ‘плоть моя’
28. *сытыйары кōрүбiḡār тiрiārдiāң āбāт* — лит. *сытыйары көрүөбэр тириэрдигэн эбээт* ‘и не дашь увидеть тления’
29. *мiāxā бiлiннāрдiң* — лит. *миэхэ билиннэрдин* ‘Ты дал мне познать’
30. *бiсiāxā субукүңнā дiāрi бāрын тусун āсiāxā быса āтiāхпiн кōңуллāннiн* — лит. *биһиэхэ субу күнгэ диэри баарын туһунан эһиэхэ быһа этиэхпин көнүллэннин* ‘у нас до сего дня да будет позволено с дерзновением сказать вам’
31. *кiнiāxā Христōсу бiāрiāx* — лит. *киниэхэ Христуоһу биэриэх* ‘ему воздвигнуть Христа’
32. *тогон бiāрдā* — лит. *тобон биэрдэ* ‘излил’
33. *Святой Тын бiāрāрiн ылаххыт* — лит. *Сибэтиэй Тыын биэрэрин ылаххыт* ‘и получите дар Святого Духа’
34. *кāскiл āсiāнā* — лит. *кэскил эһиэнэ* ‘будущее ваше’
35. *олор кiāннāрā буолар* — лит. *олор киэннэрэ буолар* ‘будет их’
36. *хлiāбы* — лит. *килиэби* ‘хлеба’
37. *бāлiāлār* — лит. *бэлиэлэр* ‘знамений’
38. *Таңара мiāтiḡār* — лит. *Таңара дьэтигэр* ‘в храм’
39. *кысыл дiāн āттāх Таңара мiātiн āныгар* — лит. *кыһыл диэн ааттаах Таңара дьэтин ааныгар* ‘при дверях храма, называемых Красными’
40. *Таңара мiātiḡār кiрāччiлāртāн* — лит. *Таңара дьэтигэр киирээччилэртэн* ‘у входящих в храм’

41. *Таңара ҕиэтин ааныгар* — лит. *Таңара дьэтин ааныгар* ‘перед входом в храм’
42. «*бисиги дйакки көр*» *дйән кинйхэ аһпйтэ* — лит. «*биһиги диэки көр*» *диэн киниэхэ эһпитэ* ‘сказал: «Взгляни на нас»’
43. *Петр апостол кинйхэ аһпйтэ: үрүң кысыл да көмүс миэхэ суох; туох миэхэ баарын аййахэ биэрэбин* — лит. *Петр апостол киниэхэ эһпитэ: үрүб кыһыл да көмүс миэхэ суох; туох миэхэ баарын эйиэхэ биэрэбин* ‘Петр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе’
44. *Таңара ҕиэтигэр кйрбитэ* — лит. *Таңара дьэтигэр киирбитэ* ‘вошел с ними в храм’

а:

1. *Кинилэр тустарыгар сйрбай³ кйбиспиттйригэр, сйрбай Матвейга тйспйүтэ* — лит. *Кинилэр тустарыгар сэрэбиэй кэбиспиттэригэр, сэрэбиэй Матфейга тйспйүтэ* ‘И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию’

й:

1. *Кинилэр тустарыгар сйрбай кйбиспиттйригэр, сйрбай Матвейга тйспйүтэ* — лит. *Кинилэр тустарыгар сэрэбиэй кэбиспиттэригэр, сэрэбиэй Матфейга тйспйүтэ* ‘И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию’

Современный дифтонг үө

Словарь Палласа

э:

1. *кэзь* — лит. *күөх* ‘зеленый’

ю:

1. *йүгү* — лит. *үөгү* ‘крик’
2. *кйүхэ* — лит. *күөх* ‘зелень’
3. *кйүмяи* — лит. *күөмэй* ‘горло’
4. *йүтү* — лит. *үтүө* ‘хороший’
5. *йохсярь* — лит. *үөхсэр* ‘браниться’, *йоря* — лит. *үөрэр* ‘радоваться’

йу:

1. *йунь* — лит. *үөн* ‘червь’

Во всех случаях, за исключением *кэзь* — лит. *күөх* ‘зеленый’, которое встречается как дублетная форма, современный дифтонг передается у П. С. Палласа графемой *ю*, в первом варианте — двумя графемами *йу*, вероятно, обозначавшими тот же звук [ju].

[Краткий катехизис 1844]

ё:

1. *Хайдакь йорангьхка’ себюй югёхка?* — лит. *Хайдах үөрэниэххэ сөбүй үнүөххэ* ‘Как научиться молиться?’
2. *Онордвга’ икки’ сюсёхка’* — лит. *Уон ордуга икки сүһүөххэ* ‘На двенадцать членов’
3. *Хайдакь агыллэрь бастыгь Итэгаарь холбоммвтвнь сюсёга’?* — лит. *Хайдах аабыллар бастыг Итэбэйэр холбоммутунь сүһүөбэ?* ‘Как читается первый член Символа веры?’
4. *б8 сюсёхка’* — лит. *бу сүһүөххэ* ‘в сем члене’
5. *анг да дойдв бютёгюгарь дъри* — лит. *аан да дойду бүтүөбүгэр диэри* ‘до скончания мира’
6. *ютёлэхь ологв ылэгынн иннигарь* — лит. *үтүөлэх олобу ылыабын иннигэр* ‘и получить благодатную жизнь’
7. *Исвсь Христосъ, тёрдонвсь кюнюгарь Бгэтл тиллибитинь кънна* — лит. *Иисус Христос, түөрт уонус күнүгэр Бэйэтэ тиллибитин кэннэ* ‘Иисус Христос в сороковой день после своего воскресения’

йо:

1. *Ханныкь йорангьхэ* — лит. *Ханнык үөрэх* ‘Какое учение?’
2. *Хайдакь йорангьхка’ себюй* — лит. *Хайдах үөрэниэххэ сөбүй* ‘Как научиться?’
3. *итэгаарь йорага’* — лит. *итэбэйэр үөрэбэ* ‘учение веры’
4. *йоскаппитл Кинини* — лит. *үөскэппитэ Кинини* ‘зачала Его’

³ Здесь, по всей видимости, опечатка.

5. Ханнѣкъ *итагаарь йорага т8т8ллэръ б8 сюсѣхкѣ?* — лит. *Ханнык итэбэйэр үөрэбэ тутулар бу сүһүөххэ* ‘Какое учение веры содержится в сем члене?’

Видно, что в диалекте авторов этой книги современный дифтонг звучал как [jo]: в семи словоформах он записывался одной графемой *ѣ* после согласных, а в пяти — двумя графемами *йо* в анлауте.

[Канон и часы святыя Пасхи 1883]

ѣ:

1. *Христосѣ кѣрѣхнютъ «юѣрюнъ» да дѣни* — лит. *Христоһу көрүөхнүт «үөрүн» да диэни* ‘увидим Христа, и говорящего: «Радуйтесь!»’
2. *юѣ бары (кисиларь) тѣстарыгарь* — лит. *үтүө бары киһилэр тустарыгар* ‘за всех добрых людей’
3. *юѣга ырастырь Пасхага* — лит. *үтүөбэ ыраастыыр Пасхаҕа* ‘в очистительную Пасху’
4. *ѣлѣгарь бѣриммитъ* — лит. *өлүөбэр бэриммит* ‘добровольно заклался’
5. *юѣ уотъ кѣна кѣрдѣкъ* — лит. *үтүө уот күнэ курдук* ‘как прекрасное солнце правды’
6. *Юѣ кисини* — лит. *Үтүө киһини* ‘добрых людей’
7. *кѣрѣюнъ* — лит. *көрүөбүн* ‘узрим’
8. *юѣ кѣрюгнахъ* — лит. *үтүө көрүгнэх* ‘в красоте’
9. *юѣ сыттахъ муралары-кытта* — лит. *үтүө сыттаах муралары кытта* ‘с благовонными мастями’
10. *юѣню кѣрѣннютъ* — лит. *үтүөнү көрөнгүт* ‘увидев благое’
11. *юѣюнъ* — лит. *үнүөбүн* ‘поклонимся’
12. *юѣюнъ* — лит. *үнүөбүн* ‘помолимся’
13. *кѣрюлѣюнъ юѣрѣюнъ* — лит. *көрүлүөбүн үөрүөбүн* ‘возрадуемся и возвеселимся’
14. *юѣлахъ кисини* — лит. *үтүөлэх киһини* ‘добрых людей’
15. *юѣрюлахъ юѣ билларини* — лит. *үөрүүлэх үтүө биллэрини* ‘радость благовестия’
16. *кѣрюлѣюнъ юѣрѣюнъ да сити кѣнна* — лит. *көрүлүөбүн үөрүөбүн да сити күнгэ* ‘возрадуемся и возвеселимся в этот день’

ѣ:

1. *Аи Тангараны кѣрсѣтюкъ санырь мѣдрасъ жсахталларъ* — лит. *Айыы Тангараны көрсүөтүк саныыр муударас дьахталлар* ‘Богомудрые жены’
2. *эигитланъ тѣрѣбютъ* — лит. *эйигиттэн төрөөбүт* ‘рожденного тобою’

юѣ:

1. *Христосѣ кѣрѣхнютъ «юѣрюнъ» да дѣни* — лит. *Христоһу көрүөхнүт «үөрүн» да диэни* ‘увидим Христа, и говорящего: «Радуйтесь!»’
2. *сиръ да юѣрдюнъ* — лит. *сир да үөрдүн* ‘земля же да радуется’
3. *бартъ юѣрютюгарь экирѣбитѣ* — лит. *бэрт үөрүүтүгэр экирѣбитэ* ‘скакал, играя’
4. *тангарананъ юѣрарь болуогвнъ* — лит. *тангаранан үөрэр буолуобун* ‘возрадуемся боговдохновенно’
5. *юѣрюлахъ атахтарынанъ* — лит. *үөрүүлэх атахтарынан* ‘радостными стопами’
6. *юѣрюлахтикъ да празниктырь Ангеллары кытта* — лит. *үөрүүлэхтик да бырааһынньыктыыр Ангеллары кытта* ‘отпразднуем вместе с торжествующими Небесными полками’
7. *юѣтюкъ да слѣвигынылыбытъ* — лит. *үтүөтүк да слави гынылыбыт* ‘благословен’
8. *юѣра-юѣра юнпюттара* — лит. *үөрэ-үөрэ үнкпүттэрэ* ‘поклонились с радостию’
9. *юѣраначчиларгарь* — лит. *үөрэнээччилэргэр* ‘ученикам твоим’
10. *юѣранъ да тѣранъ тойлабытъ* — лит. *үөрэн да туран туойабыт* ‘и в восторге воспевает’
11. *Аи Танара юѣрютюгарь* — лит. *Айыы Танара үөрүүтүгэр* ‘божественного веселия’
12. *юѣрарь да боль Сѣонъ* — лит. *үөрэр да буол Сион* ‘и веселись, Сион’
13. *юѣрарь-боль* — лит. *үөрэр буол* ‘радуйся’
14. *бисиги итагааччиларъ юѣрабитъ* — лит. *биһиги итэбэйээччилэр үөрэбит* ‘мы верные радуемся’
15. *Ангель Благодѣтнайга юѣгюлѣтѣ: юѣрарь боль ыбысь ырасъ Кысь Хотвнъ, эме да этабинъ* — *юѣрарь боль день* — лит. *Ангел Благодатнайга үөгүлээтэ: үөрэр буол ыбыс-ыраас Кыыс Хотун, эмиз да этэбин* — *үөрэр буол диэн* ‘Ангел возглашал Благодатной: «Радуйся, чистая Дева!» и снова скажу: «Радуйся!»’
16. *жсахталларга юѣгюлабитѣ* — лит. *дьахталларга үөгүлээбитэ* ‘воскликнул женщинам’
17. *юѣрарь боль* — лит. *үөрэр буол* ‘Радуйся’
18. *юѣрюлахъ юѣ билларини* — лит. *үөрүүлэх үтүө биллэрини* ‘радость благовестия’
19. *кѣрюла юѣрарь-да боль* — лит. *көрүлээ үөрэр да буол* ‘радуйся, ликуй’
20. *юѣра-юѣра кѣрюлатиннаръ* — лит. *үөрэ-үөрэ көрүлээтиннэр* ‘да возвеселятся’

21. *Кини юёраначчиларигарь* — лит. *Кини үөрэнээччилэригэр* ‘ученикам Его’
22. *көрүлөҕүөҥ юёрёҕүөҥ да сити күүнҥа* — лит. *көрүлүөбүҥ үөрүөбүҥ да сити күнҥэ* ‘возрадуемся и возвеселимся в этот день’
23. *Пасха юёрютюҕарь бирь-бирьбитинь к8ст8соҕдҥ* — лит. *Пасха үөрүүтүгэр биир-биирбитин куустуһуобун* ‘Радостно обнимем друг друга’
24. *юёрюнҥа толордо* — лит. *үөрүүнэн толордо* ‘исполнил радостью’
25. *мираны ыльҕа-сылдьааччы ҕахталларга юёрарь буолдҥ* — лит. *мираны ылдьэ сылдьааччы дьахталларга үөрэр буолун* ‘женам-мироносицам радуйтесь’
26. *юёрю бариллибита* — лит. *үөрүү бэриллибитэ* ‘дана радость’
27. *юёрҥа көрүлэтиннар* — лит. *үөрэн көрүлээтиннэр* ‘а праведники да возвеселятся’
28. *көрүлөҕүөҥ юёрёҕүөҥ* — лит. *көрүлүөбүҥ үөрүөбүҥ* ‘возрадуемся и возвеселимся’
29. *юёрҥа-юёрҥа сангарыҥ* — лит. *үөрэ-үөрэ сангарыҥ* ‘возгласите радостно’
30. *юёрҥа-юёрҥа юёҕүлүөр болдҥ* — лит. *үөрэ-үөрэ үөҕүлүүр буолун* ‘воскликните радуясь’
31. *юёрҥа-көрүлэтиннар* — лит. *үөрэн көрүлээтиннэр* ‘а праведники да возвеселятся’
32. *юёрарь даганы* — лит. *үөрэр даҕаны* ‘и радуется’
33. *Юёрарь боль Ыбыс ырась Кыс Хотвҥ, юёрарь боль, юёрарь боль барть Алгыстах* — лит. *Үөрэр буол Ыбыс-ыраас Кыс Хотун, үөрэр буол, үөрэр буол бэрт Алгыстаах* ‘радуясь Пречистая Дева Владычица, радуйся благословенная, радуйся прославленная’
34. *Б8 юёрарь келла-бать кресынан* — лит. *Бу үөрэр кэллэ эбээт кириэһинэн* ‘Ведь сегодня через крест пришла радость’
35. *Юёрарь-боль* — лит. *Үөрэр буол* ‘Радуйся’

Из примеров видно, что в звучании современного дифтонга уже отчетливо появились две огубленные гласные, и это произношение стало преобладать.

[Букварь для якутов 1897]

үө:

1. *догоругар үөҕүлүр*. — лит. *доҕоругар үөҕүлүүр* ‘кричит другу’
2. *Юөрҥ* — лит. *Үөрэн* ‘Учись’
3. *үөрэхтэх киһи ордук дү, үөрэҕэ суох киһи ордук дү?* — лит. *үөрэхтээх киһи ордук дуу, үөрэҕэ суох киһи ордук дуу* ‘Как по-твоему мнению, лучше образованный человек или необразованный?’
4. *Бир үөрэхтэх оннугар икки үөрэҕэ суогу бiererлэр* — лит. *Биир үөрэхтээх оннугар икки үөрэҕэ суогу биэрэллэр* ‘Вместо одного образованного дают двух необразованных’
5. *Юөрэх* — сырдык, *үөрэх суога* — хараҥа — лит. *Үөрэх* — сырдык, *үөрэх суоҕа* — хараҥа ‘ученье — свет, а неученье — тьма’
6. *үөскээн үөдүйэн* — лит. *үөскээн-үөдүйэн* ‘родился и вырос’
7. *түөрт харыс туоралар* — лит. *түөрт харыс туоралаах* ‘имеющий четыре пяди в поперечнике’
8. *сүөмүйдүр сөмүйдүлэр* — лит. *сүөмэйдүр сөмүйдүлэр* ‘имеющий перебирающий указательный палец’
9. *үннүт үөтэ үөҕүлү хаалар, үктүөбүт сирэ көнүрүтэ барар* — лит. *үннүт үөтэ үөҕүлүү хаалар, үктээбит сирэ көнүрүтэ барар* ‘иву, которую он толкнул, остается вопя позади, земля, где он ступает, обрушивается’
10. *үрүмэтийбэт үт күөллэр, сөтүөлүр сүрүктэх өрүстэх, уһуга суох күөх далай баягаллар* — лит. *үрүмэтийбэт үт күөллэр, сөтүөлүүр сүрүктэх өрүстэх, уһуга суох күөх далай байгалаах* ‘имеющий пенистое молочное озеро, проточную реку для плавания, бескрайнее синее глубокое море’
11. *күөх* — лит. *күөх* ‘зеленый’
12. *түөрт уон түннүктэх, түөрт муннуктар* — лит. *түөрт уон түннүктэх, түөрт муннуктаах* ‘с сорока ослепительными окнами, с сорока блестящими углами’
13. *көрүлүр күрүөлэр* — лит. *көрүлүүр күрүөлэр* ‘угодьё для забав’
14. *сүөсү хайр* — лит. *сүөһү хаайар* ‘для загона скота’
15. *күөх унар* — лит. *күөх унаар* ‘синяя дымка’
16. *күөх бөрө сангыахтар* — лит. *күөх бөрө сабынньахтаах* ‘имеющий голубую волчью доху’
17. *Аҕисҥ киһи көрүөҕэр туох да үтүөтэ аҕальгата суох дойдуга* — лит. *Эдьигээн киһи көрүөбэр туох да үтүөтэ эгэлгэтэ суох дойдуга* ‘Жиганск — это край, где на первый взгляд нет ничего хорошего’
18. *дөлүсүөн* — лит. *дөлүһүн* ‘шиповник’
19. *үөрүйэҕэ суох киһи* — лит. *үөрүйэҕэ суох киһи* ‘с непривычки человек’

20. *үтүө балык* — лит. *үтүө балык* ‘хорошей рыбы’
21. *Бу үтүө балык* — лит. *Бу үтүө балык* ‘это хорошая рыба’
22. *Үөрэх байдагар ордук* — лит. *Үөрэх баайдааҥар ордук* ‘Учение лучше богатства’
23. *күөс* — лит. *күөс* ‘обед’
24. *халлаан өнүн курдук күөх* — лит. *халлаан өнүн курдук күөх* ‘синяя, как цвет неба’
25. *кысыныгар әміе үөскүр* — лит. *кыһыныгар әмиэ үөскүүр* ‘а зимой снова образуется’
26. *хары күрдүөхпүтүгэр дieri* — лит. *хаары күрдүөхпүтүгэр диэри* ‘пока мы рыли глубокий снег’
27. *абасы көрүөхтэрий үөрәги* — лит. *абааһы көрүөхтэрэй үөрэҕи* ‘ненавидеть учение’
28. *Үөрәги ыңыраар буоллаххына* — лит. *Үөрэҕи ыңгыраар буоллаххына* ‘если будешь призывать знание’
29. *Таңара кутталын өйдүөң* — лит. *Танара кутталын өйдүөң* ‘уразумеешь страх Господень’
30. *Агыяхтык утуя түсүөң, агыяхтык утуктү түсүөң, агыяхтык, илигин түөскэр уран баран, сыта түсүөң* — лит. *Аҕыйахтык утуйа түһүөң, аҕыйахтык утуктуу түһүөң, аҕыйахтык, илиигин түөскэр ууран баран, сыта түһүөң* ‘Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь’
31. *ылын мин үөрәхпин* — лит. *ылын мин үөрэхпин* ‘примите учение мое’
32. *үөрэх ыраас кысыл көмүстәгәр ордук* — лит. *үөрэх ыраас кыһыл көмүстээбэр* ордук ‘знание лучше, чем чистое золото’
33. *үөрәги таптыр* — лит. *үөрэҕи таптыыр* ‘любить учение’
34. *Үтүөнү кусаганынан төлөччү* — лит. *Үтүөнү куһаҕанынан төлөөччү* ‘Кто на добро платит злом’
35. *Сүрэххин ур үөрәххә, кулгәххын дагай көрсүө тылларга* — лит. *Сүрэххин уур үөрэххэ, кулгааххын даҕай көрсүө тылларга* ‘Приложи сердце свое к учению, и уши свои к умным словам’
36. *Таңара үөрәгә* — лит. *Танара үөрэҕэ* ‘Без Божьего учения’
37. *үтүө тылы әтиң* — лит. *үтүө тылы этин* ‘благословляйте’
38. *үтүөләргә* — лит. *үтүөлэргэ* ‘добрыми’
39. *үтүөнү санасар буоллаххытына* — лит. *үтүөнү санаһар буоллаххытына* ‘если вы приветствуете’
40. *Ол буоллагына, хайдах халлааннагы Агагыт әсиенә толору үтүөләх, сол курдук әсиги толору үтүөләх буолуң* — лит. *Ол буоллаҕына, хайдах халлааннааҕы Аҕаҕыт эһиэнэ толору үтүөлээх, сол курдук эһиги толору үтүөлээх буолун* ‘Итак, будьте совершенны, как совершен Отец Ваш Небесный’
41. *үңүөхтәрин таптыллар* — лит. *үңүөхтэрин таптыыллар* ‘они любят молиться’
42. *көстүөхтәрин исин* — лит. *көстүөхтэрин иһин* ‘чтобы показаться людям’
43. *көстүмүөң исин* — лит. *көстүмүөн иһин* ‘чтобы явиться не перед людьми’
44. *көстүөң исин* — лит. *көстүөң* ‘чтобы явиться’
45. *онно үөн* — лит. *онно үөн* ‘где моль’
46. *бары үтүөнү тутайчы* — лит. *бары үтүөнү тутааччы* ‘содержащий все доброе’
47. *үтүөләх буолаңнын* — лит. *үтүөлээх буолангын* ‘делая добро’
48. *үтүөрт* — лит. *үтүөрт* ‘исцели’

[Апостольские чтения 1902]

үө:

1. *түөрдуон хонук туххары* — лит. *түөрдуон хонук тухары* ‘в продолжение сорока дней’
2. *туохха бастыңыттан үөрәппитин тусун* — лит. *туохха бастыңыттан үөрэппитин туһунан* ‘чему учил от начала’
3. *әсиги күсүрүөххүт* — лит. *эһиги күүһүрүөххүт* ‘вы примете силу’
4. *үөрәнәччиләр ортолоругар* — лит. *үөрэнээччилэр ортолоругар* ‘посреди учеников’
5. *көрү көрүөхтәрі* — лит. *көрү көрүөхтэрэ* ‘будут видеть видения’
6. *сир үрдүгәр көрдөрүөм; ханы, уоту буруо да буруолурун көрдөрүөм* — лит. *сир үрдүгэр көрдөрүөм; хааны, уоту буруо да буруолурун көрдөрүөм* ‘покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма’
7. *Сонтон сүрәгim миәнә үөрбүтә, тылым көрүләбитә.* — лит. *Сонтон сүрәҕим миэнэ үөрбүтэ, тылым көрүлээбитэ* ‘Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой’
8. *көрүөгәр* — лит. *көрүөбэр* ‘увидеть’
9. *үөрәринән мигин толоруоң* — лит. *үөрэринэн миигин толоруон* ‘Ты исполнишь меня радостью’
10. *Киниләр апостоллар үбрәтәлләрин сунту істән* — лит. *Кинилэр апостоллар үөрэтәллэрин сунту истән* ‘И они постоянно пребывали в учении Апостолов’
11. *төрүөгүттән доголоң* — лит. *төрүөбүттән доболоң* ‘хромой от рождения’

Современный дифтонг *yo*

[Паллас 1787]

о:

1. *олóго* — лит. *уол обо* ‘мальчик’
2. *угохъ* — лит. *унуох* ‘кость’
3. *олжаста* — лит. *уолдьаста* ‘указывает на то, что наступила пора совершить какое-то действие’
4. *боръ* — лит. *буор* ‘земля, почва’
5. *той* — лит. *туой* ‘глина’
6. *оть* — лит. *уот* ‘огонь’
7. *мосъ* — лит. *муос* ‘рог’
8. *хорсунъ* — лит. *куорсун* ‘перо’
9. *орьяхъ* — лит. *уоруйах* ‘вор’
10. *моста* — лит. *муоста* ‘пол’
11. *сонъ* — лит. *суон* ‘толстый’
12. *сохъ* — лит. *суох* ‘нет’

ю:

1. *утуюхъ* — лит. *утуйуох* ‘будем спать’

во:

1. *воть* — лит. *уот* ‘огонь’

уу:

1. *уу* — лит. *уол* ‘сын’

[Краткий катехизис 1844]

о:

1. *Саналарынанъ, багаралларынанъ, солларынанъ* — лит. *Санааларынан, баҕаларынан, суолларынан* ‘Мыслями, желаниями, делами’
2. *солларынанъ* — лит. *суолларынан* ‘делами’
3. *огорохка* — лит. *онгоруохха* ‘поступать’
4. *онордвга’ икки’ сюсѣхка* — лит. *уон ордуга икки сүһүөххэ* ‘на двенадцать членов’
5. *биръ уджорвнъ хотв боланъ* — лит. *биир удьуорун хоту буолан* ‘будучи один по существу’
6. *бѣръ уджордагы Агатынъ кытта* — лит. *биир удьуордаагы Аҕатын кытта* ‘единородного, от Отца рожденного’
7. *кининанъ да барыта болбвта* — лит. *кининэн да барыта буолбута* ‘им же вся бывшего’
8. *биръ уджордахъ* — лит. *биир удьуордаах* ‘единое существо’
9. *ыллѣ Бѣэтигѣрь киси уджорвнъ* — лит. *ылла бэйэтигэр киһи удьуорун* ‘принял на себя естество человеческое’
10. *киси боллѣ* — лит. *киһи буолла* ‘сделался человеком’
11. *ураимнѣ Тагарананъ болохкѣ* — лит. *уурайбакка Танаранан буолуохха* ‘не преставай быть Богом’
12. *Кинѣ Бѣэтинъ иннигѣрь болбатъ олѣ твсвгѣрь, Кинѣ тохкѣ даганы бврвѣ сохъ бютюннѣ да аитѣ сохъ* — лит. *Кини Бэйэтин иннигэр буолбат ол туһугар, Кини туохха даҕаны буруйа суох бүтүннүү да айыыта суох* ‘Он не за Себя, Он ни в чем не повинен и совершенно безгрешен’
13. *тѣрдонвсѣ кюнѣгѣрь* — лит. *түөрт уонус күнүгэр* ‘в сороковой день’
14. *тѣгъ боланъ* — лит. *тэн буолан* ‘будучи равен’
15. *усвкѣ бологѣ сохъ* — лит. *уһук буолуоҕа суох* ‘не будет конца’
16. *онохѣ барыларѣ тиллѣхтарѣ* — лит. *ханныктар онуоха барыларѣ тиллиэхтэрэ* ‘для того все воскреснут’
17. *Агабытъ болѣрь* — лит. *Агабыт буолар* ‘Священство’
18. *Тохкѣ тврѣрь Сюрахтанѣрь?* — лит. *Туохха турар Сүрэхтэнэр* ‘В чем состоит Крещение?’
19. *Онохѣ (тврѣрь)* — лит. *Онуоха (турар)* ‘В том’
20. *свюллогвнъ иннигѣрь* — лит. *сууйулуобун иннигэр* ‘чтобы омыться’
21. *Тохкѣ тврѣрь* — лит. *Туохха турар* ‘В чем состоит’
22. *Тохкѣ тврѣрь Кыттысѣрь?* — лит. *Туохха турар Кыттыһар?* ‘В чем состоит Причащение?’
23. *кыттыгѣсынѣ болѣрь* — лит. *кыттыһаҕынан буолар* ‘становится причастным’
24. *Тохкѣ тврѣрь Билинѣрь?* — лит. *Туохха турар Билинэр?* ‘В чем состоит Покаяние?’
25. *Тохкѣ тврѣрь Агабытъ боларѣ?* — лит. *Туохха турар Аҕабыт буолара?* ‘В чем состоит Священство?’

26. *Їсѹсъ ХристѡсѢнѧнъ* — лит. *Ииус Христуоһунан* 'Иисусом Христом'
27. *Тѡхъ тѢсѢгаръ* — лит. *Туох туһугар* 'Почему'
28. *Тѡхъ тѢсанъ ыларъ* — лит. *Туох туһаны ылар* 'Какую пользу получает'
29. *ХристѡсѢ кытта* — лит. *Христуоһу кытта* 'с Христом'
30. *Кини Бѣэтинъ иннигѡръ болбѡтъ ѡль тѢсѢгаръ, Кини тохкѡ даганъ бѢрѢл сѡхъ бютюннѡ да аитѡ сѡхъ* — лит. *Кини Бэйэтин иннигэр буолбат ол туһугар, Кини туохха даҕаны буруйа суох бүтүннүү да айыыта суох* 'Он не за Себя, Он ни в чем не повинен и совершенно безгрешен'
31. *усѢкъ бологѡ сѡхъ* — лит. *уһук буолуоҕа суох* 'не будет конца'

ѹо:

1. *Ўѡнъ Тагара' кѣскилинѧнъ* — лит. *Уон Танара кэскилинэн* 'Посредством десяти заповедей'
2. *Тагара ѲѡлѢнъ* — лит. *Танара Уолун* 'Сына Божьего'
3. *Тагара Ѳѡлѡ* — лит. *Танара Уола* 'Сын Божий'
4. *Тагара Ѳѡлѡ, атынъ да Тагара Ѳѡлѡ, Кини кѢрдѢкъ, сѡхъ* — лит. *Танара Уола, атын да Танара Уола, Кини курдук, суох* 'Иисус Христос есть один только Сын Божий, и нет другого Сына Божьего такого, как Он'
5. *Тагара Ѳѡлѡ* — лит. *Танара Уола* 'Сын Божий'
6. *Тагара ѲѡлѢнъ* — лит. *Танара Уолун* 'о Сыне Божьем'
7. *ѲѡлѢ да кытта* — лит. *Уолу да кытта* 'и Сыном'
8. *Тагара Ѳѡлѡ тѹсѧнъ кѣллѡ халланнартѧнъ,*
9. *Ѳѡль да* — лит. *Уол да* 'и Сына'

[Канон и часы святыи Пасхи 1883]

о:

1. *тыннахъ боларъ ѡлѡхко* — лит. *тыыннаах буолар олоххо* 'к жизни'
2. *барамматъ кѣрюлюрь боланъ* — лит. *бараммат кѣрүлүүр буолан* 'веселье вечное'
3. *толорѢ кѡстахъ боланъ* — лит. *толору күүстээх буолан* 'как всемогущий'
4. *пасхабытъ бисена болла* — лит. *пасхабыт биһиэнэ буолла* 'наша Пасха стала'
5. *тохъ да быртахка сыстыбатѡгынъ исинъ* — лит. *туох да быртахха сыстыбатаҕын иһин* 'как непричастный нечистоты'
6. *ютѣ уотъ кѡна кѢрдѢкъ боланъ груобтанъ сардангырда бисеха* — лит. *үтүө уот күнэ курдук буолан хоруоптан сардангырда биһиэхэ* 'и опять из гроба воссиял нам, как прекрасное солнце правды'
7. *Танара святой дѢно боламмытъ* — лит. *Танара святой дьоно буоламмыт* 'мы же, святой народ Божий'
8. *Аи Танара боларынъ исинъ* — лит. *Айыы Танара буоларын иһин ты* 'Бог, любящий добрых людей'
9. *ХристосѢ* — лит. *Христуоһу* 'Христа'
10. *тыннахъ боларынѧнъ* — лит. *тыыннаах буоларынѧн* 'жизнью'
11. *юѣранъ да тѢранъ тойлбытъ* — лит. *үѣрэн да туран туойабыт* 'и в восторге воспеваем'
12. *биллараччитѡ боланъ* — лит. *биллэрээччитэ буолан* 'предвозвестница'
13. *сырдыкъ ѣттахъ-хѧннахъ боланъ* — лит. *сырдык эттээх-ханныах буолан* 'свет во плоти'
14. *боллѢнъ* — лит. *буоллун* 'пусть будет'
15. *юсь да Ипостасѡтахъ болагынъ* — лит. *үс да Ипостасѡтаах буолаҕын* 'Существо в трех лицах'
16. *юѣраръ да боль Сѡнъ* — лит. *үѣрэр да буол Сион* 'и веселись, Сион'
17. *юѣраръ-боль* — лит. *үѣрэр буол* 'радуйся'
18. *баръ болохъ болбѢтѢнъ* — лит. *баар буолуох буолбутун* 'обещался быть'
19. *кыттысаръ болохпѢтѢнъ* — лит. *кыттыһар буолуохпутун* 'нас приобщаться'
20. *юѣраръ боль* — лит. *үѣрэр буол* 'Радуйся'
21. *ѣльбюттари да тѢрортѡта* — лит. *ѣлбүттэри да туруортаата* 'и мертвых поставил'
22. *ѣльбюттари да тѢрортѡбытъ* — лит. *ѣлбүттэри да туруортаабыт* 'и мертвых поставивший'
23. *адъ иситѧнъ тѢрортѧнъ* — лит. *ад иһиттэн туруортаан* 'освободив из ада'
24. *юѣраръ боль* — лит. *үѣрэр буол* 'Радуйся'
25. *Адамы сытыарытѧнъ тѢрордѢнъ* — лит. *Адамы сытыйарыттан туруордун* 'Адама поставил из тления'
26. *холлѢбатъ Пѡсха боланъ, анъ дойдѢ абранѡра боланъ* — лит. *холлубат Пасха буолан, аан дойду абыранара буолан* 'Пасха нетления, мира спасение'
27. *сѣбъ боларъ* — лит. *сөп буолар* 'надлежащую'
28. *ѣльбюттартѧнъ да тиллибитъ болангынъ* — лит. *ѣлбүттэртэн да тиллибит буолангын* 'и воскресший из мертвых'

29. *тилиннарбитъ болангынъ* — лит. *тилиннэрбит буолангын* ‘воскресший’
30. *ёрютюнь боларъ Кыстанъ* — лит. *өрүүтүн буолар Кыыстан* ‘непорочной Девы’
31. *б8ро* — лит. *буруо* ‘дым’
32. *юёраръ-да болъ* — лит. *үөрэр да буол* ‘радуйся’
33. *к8ст8сogднъ* — лит. *куустуһуобун* ‘обнимем’
34. *баръ болаччыны* — лит. *баар буолааччы* ‘пребывающего’
35. *джиктитикъ кильбееръ болб8тъ Энъ груобднъ* — лит. *дыктитик килбэйэр буолбут Эн хоруобун* ‘прекраснейшим стал гроб Твой’
36. *юёраръ-болъ* — лит. *үөрэр буол* ‘радуйся’
37. *энь алгаммытъ болагынъ* — лит. *эн алҕаммыт буолаҕын* ‘благословенна ты’
38. *Б8ро сютаринъ к8рд8къ, боска да уоттанъ ираринъ к8рд8къ* — лит. *Буруо сүтэрин курдук, буоска да уоттан ирэрин курдук* ‘Как исчезает дым, как воск тает от огня’
39. *эелахъ боланъ т8раммытъ* — лит. *эйэлээх буолан тураммыт* ‘будем мирными’
40. *юёрл-юёрл юёгюлюрь болднъ* — лит. *үөрэ-үөрэ үөгүлүүр буолун* ‘воскликните Господу Богу радуясь’
41. *асынылахъ болъ* — лит. *аһыныылаах буол* ‘будь милосерден’
42. *асынылахъ болъ* — лит. *аһыныылаах буол* ‘будь милосерден’
43. *биларъ болл8ннарь* — лит. *билэр буоллуннар* ‘будут знать’
44. *Б8ро сютаринъ к8рд8къ боска да уотъ сыраиттанъ ираринъ к8рд8къ* — лит. *Буруо сүтэрин курдук, буоска да уот сирэйиттэн ирэрин курдук* ‘как дым исчезает, как воск от лица огня тает’

б̄:

1. *алгэгынъ Христбс8* — лит. *алҕаҕын Христуоһу* ‘благословим Христа’
2. *к8ст8сogднъ* — лит. *куустуһуобун* ‘обнимем’
3. *киси 8джорднъ* — лит. *киһи удьуорун* ‘род человеческий’

уо:

1. *Ага, Уоль, Святой да Тынь* — лит. *Аҕа, Уол, Святой да Тыын* ‘Отец, Сын, и Святой Дух’
2. *груобтанъ тахсыбытъ* — лит. *хоруоптан тахсыбыт* ‘пролившийся из гроба’
3. *сырдыгынанъ туолб8ттара* — лит. *сырдыганаан туолбуттара* ‘все исполнилось света’
4. *Агага, Уолга Святой да Тынгна* — лит. *Аҕаҕа, Уолга Святой да Тыынна* ‘Отцу, Сыну, и Святому Духу’
5. *ютё уотъ к8нл к8рд8къ боланъ груобтанъ сардангырда бисеха* — лит. *үтүө уот күнэ курдук буолан хоруоптан сардангырда биһиэхэ* ‘и опять из гроба воссиял нам, как прекрасное солнце правды’
6. *Ага, Уоль, Святой да Тынь* — лит. *Аҕа, Уол, Святой да Тыын* ‘Отец, Сын, и Святой Дух’
7. *сарб̄лигина т8руогднъ* — лит. *саарыы илигинэ туруобун* ‘Восстанем в глубокое утро’
8. *камл* — *суохъ* — лит. *кэмэ суох* ‘безмерное’
9. *груобтанъ тахсанъ-эрерь* — лит. *хоруоптан тахсан эрэр* ‘выходящему из гроба’
10. *Ага, Уоль, Святой да Тынь* — лит. *Аҕа, Уол, Святой да Тыын* ‘Отец, Сын, и Святой Дух’
11. *груобъ иситтанъ* — лит. *хоруоп иһиттэн* ‘из гроба’
12. *груобтанъ* — лит. *хоруоптан* ‘из гроба’
13. *груобтанъ да тиллангнинъ киси да 8джуорднъ тёрдюнь-Адāмы белгинъ-кытта тилиннардинъ* — лит. *хоруоптан да тиллэнггин киһи да удьуорун төрдүн-Адамы бэйэҕин-кытта тилиннэрдин* ‘восстав из гроба, ты воскресил вместе и родоначальника Адама’
14. *Агага, Уолга Святой да Тынгна Аҕаҕа* — лит. *Уолга Святой да Тыынна* ‘Отцу, Сыну, и Святому Духу’
15. *уоль оговор8* — лит. *уол оҕолору* ‘отроков’
16. *груобъ иситтанъ сырдаабыта* — лит. *хоруоп иһиттэн сырдаабыта* ‘воссиял из гроба’
17. *Ага, Уоль, Святой да Тынь* — лит. *Аҕа, Уол, Святой да Тыын* ‘Отец, Сын, и Святой Дух’
18. *сымыата суохъ* — лит. *сымыйата суох* ‘неложно’
19. *груобтанъ тилибитъ* — лит. *хоруоптан тилибит* ‘воскресшего из гроба’
20. *груобтанъ тилибити* — лит. *хоруоптан тилибити* ‘воскресшего из гроба’
21. *энь Уолднъ* — лит. *эн Уолун* ‘Твой Сын’
22. *груобтанъ тилиннл* — лит. *хоруоптан тилиннэ* ‘воскрес из гроба’
23. *груобка* — лит. *хоруопка* ‘к гробу’
24. *Уолднъ эенл* — лит. *Уолун эйиэнэ* ‘Твой Сын’
25. *груобъ иситтанъ* — лит. *хоруоп иһиттэн* ‘из гроба’

26. *груобтанъ* — лит. *хоруонтан* ‘из гроба’
27. *туолбытъ* — лит. *туойабыт* ‘воспеваем’
28. *эигинъ туоѣхпѣтѣнъ* — лит. *эйигин туойуохпѣт* ‘воспевать тебя’
29. *туолбытъ* — лит. *туойабыт* ‘воспеваем’
30. *груобтанъ тиллибитинъ* — лит. *хоруонтан тиллибит* ‘воскрес из гроба’
31. *туохъ да быртага суохъ Пасха* — лит. *туох да быртаѣа суох Пасха* ‘Пасха непорочная’
32. *груобъ иситѣанъ* — лит. *хоруон иһиттэн* ‘из гроба’
33. *груобѣнъ иннигарь* — лит. *хоруобун иннигэр* ‘к гробу’
34. *сытыара суогѣнъ тѣсѣнъ* — лит. *сытыйара суобун туһунан* ‘нетленного’
35. *груобтанъ* — лит. *хоруонтан* ‘из гроба’
36. *Слѣва Агага, Уолга Свѣтой да Тынгна* — лит. *Слава Аѣаѣа, Уолга, Сибѣтизѣй да Тыынгна* ‘Слава Отцу, Сыну, и Святому Духу’
37. *груобтаръ да истаригарь* — лит. *хоруонтар да истэригэр* ‘в гробах’
38. *аита суохъ* — лит. *айыыта суох* ‘безгрешному’
39. *туолбытъ* — лит. *туойабыт* ‘поем’
40. *груобтанъ* — лит. *хоруонтан* ‘от гроба’
41. *груобтагы танастары* — лит. *хоруонтааѣы танастары* ‘погребальные одежды’
42. *Аи Танара Уола* — лит. *Айыы Танара Уола* ‘Сын Бога’
43. *груобъ да исигарь* — лит. *хоруон да иһигэр* ‘в гроб’
44. *юѣрарь буолѣнъ* — лит. *үөрэр буолун* ‘радуйтесь’
45. *груобъ исигарь* — лит. *хоруон иһигэр* ‘во гробе’
46. *баръ буолангынъ* — лит. *баар буолангын* ‘был ты’
47. *тенѣ-суохъ* — лит. *тэнѣ суох* ‘чем’
48. *Ага, Уоль, Свѣтой да Тынгъ* — лит. *Аѣа, Уол, Свѣтой да Тыын* ‘Отец, Сын, и Святой Дух’
49. *Слѣва Агага, Уолга Свѣтой да Тынгна* — лит. *Слава Аѣаѣа, Уолга, Сибѣтизѣй да Тыынгна* ‘Слава Отцу, Сыну, и Святому Духу’
50. *груобатрѣ да истаригарь* — лит. *хоруонтар да истэригэр* ‘в гробах’
51. *энь суолларынъ* — лит. *эн суолларын* ‘дела твои’
52. *юнаръ буоллѣнъ Эѣа, ыллырѣ да буоллѣнъ Эѣа, Энь ѣккынъ ыллырѣ буоллѣнъ* — лит. *үнэр буоллун Эйиѣѣ, ыллыыр да буолун Эйиѣѣ, Эн ааккын ыллыыр буоллун* ‘Вся земля молится Тебе, да поет Тебе, имя Твое воспекает’
53. *Аи Танара Уола* — лит. *Айыы Танара Уола* ‘Сын Господа Бога’
54. *Энь сылѣдѣаръ суолѣнъ* — лит. *Эн сылѣѣар суолгун* ‘твои дороги’
55. *груобтаръ да истаригарь* — лит. *хоруонтар да истэригэр* ‘в гробах’
56. *таптырѣ буоланъ* — лит. *таптыыр буолан* ‘любящий’

[Букварь для якутов 1897]

уо:

1. *туох тыл-ѣс бѣрый гуоракка?* — лит. *туох тыл-ѣс баарый куоракка?* ‘какие слухи есть в городе?’
2. *туох да суох* — лит. *туох да суох* ‘нет ничего’
3. *икки ѳѣрѣѣ суогу* — лит. *икки үөрѣѣ суоѣу* ‘двух необразованных’
4. *ѳѣрѣѣ суох кисѣ* — лит. *үөрѣѣ суох киһи* ‘необразованный человек’
5. *ѳѣрѣѣ суогу* — лит. *үөрѣѣ суоѣу* ‘необразованного’
6. *ѳѣрѣѣ суога* — лит. *үөрѣѣ суоѣа* ‘неуčenje’
7. *туохтѣѣгар даѣаны куччугуй, туохтѣѣгар даѣаны кѣстѣѣх* — лит. *туохтааѣар даѣаны куччугуй, туохтааѣар даѣаны куустѣѣх* ‘меньше всего, но сильнее всего’
8. *бысѣѣта тутѣѣта буолаѣына, уон ыллар харыс усталѣѣх, тѣѣѣрт харыс туоралѣѣх* — лит. *быһыыта-тутуута буолаѣына, уон ыллар харыс усталаах, тѣѣѣрт харыс туоралаах* ‘а вид его длиною в десять пядей, шириною в четыре пяди’
9. *суон тѣѣт* — лит. *суон тиит* ‘толстое дерево’
10. *орто уостѣѣх* — лит. *орто уостаах* ‘имеющий средние губы’
11. *кѣѣѣсѣ буолаѣына* — лит. *кууһѣ буолаѣына* ‘а сила его’
12. *ѣппитѣ ѣтинъ буолар, кѣрбѣѣтѣ ѣаѣылган буолар* — лит. *ѣппитѣ ѣтинъ буолар, кѣрбѣѣтѣ ѣаѣылхан буолар* ‘то, что сказал, становится грозой, то, что увидел, становится молнией’
13. *усѣѣга суох* — лит. *уһуга суох* ‘бескрайнее’
14. *Дѣѣѣѣтѣ уота буолаѣына* — лит. *Дѣѣѣѣтѣ уота буолаѣына* ‘а дом его’
15. *тѣѣѣрт уон тѣѣѣннѣѣѣтѣѣх* — лит. *тѣѣѣрт уон тѣѣѣннѣѣѣтѣѣх* ‘имеющий сорок окон’

16. *ат туруорар алтан ампа́рдāх* — лит. *ат туруорар алтан ампаардаах* ‘имеющий медный загон для лошадей’
17. *ахсы́та суох* — лит. *ахсаана суох* ‘несметное’
18. *а́дāр уол* — лит. *эдэр уол* ‘молодой человек’
19. *танаса́-саба буоллагына* — лит. *танаһа-саба буоллабына* ‘а одежда его’
20. *сiegāн буоджула́х буобура ба́ргāсāлāх* — лит. *сиэгэн буодьулаах буобура бэргэһэлээх* ‘имеющий шапку из росوماхи и бобра’
21. *кōмүстāх билāлāх усүордāх āтāрбāстāх* — лит. *көмүстээх билэлээх оһуордаах этэрбэстээх* ‘с торбосами с золотой оторочкой’
22. *хара сасы́л суорганнāх* — лит. *хара саһыл суорбаннаах* ‘имеющий черное лисье одеяло’
23. *туттар са́бā буоллагына* — лит. *туттар сэбэ буоллабына* ‘а орудия труда его’
24. *муос са́лāх* — лит. *муос саалаах* ‘имеющий ружье из рога’
25. *Суотту́ уса́* — лит. *Суотту ууһа* ‘Соттинский мастер’
26. *Кōлōтō буоллагына* — лит. *Көлөтө буоллабына* ‘а транспорт его’
27. *джоруолу́р чуогур аттāх* — лит. *дьоруолуур чуобур аттаах* ‘имеющий чубарого иноходца’
28. *туох да үтүөтā āгāльгāтā суох дойду* — лит. *туох да үтүөтэ эгэлгэтэ суох дойду* ‘край, где на первый взгляд нет ничего хорошего’
29. *уончата* — лит. *уончата* ‘около десяти’
30. *уңуохтāх отон* — лит. *унуохтаах отон* ‘ягоды с косточками’
31. *сир буолан баран туох āмит үчүгāйā суох буолбат* — лит. *сир буолан баран туох эмит үчүгэйэ суох буолбат* ‘тем не менее и здесь не без хорошего’
32. *үөрүйāгā суох ки́си* — лит. *үөрүйэбэ суох киһи* ‘человек с непривычки’
33. *түс суогу́ттан* — лит. *туус суобуттан* ‘из-за отсутствия соли’
34. *āтāр буол* — лит. *этэр буол* ‘говори’
35. *үөрāгā суох* — лит. *үөрэбэ суох* ‘без образования’
36. *ким ба́р буолуогай* — лит. *ким баар буолуой* ‘кто будет’
37. *муостāх* — лит. *муостаах* ‘рогатый’
38. *туохтāгар да урут* — лит. *туохтааһар да урут* ‘первым делом’
39. *уоту оттōт* — лит. *уоту оттоот* ‘разожгли огонь’
40. *саптыбыт суорганнарбытын* — лит. *саптыбыт суорбаннарбытын* ‘одеяла, которыми мы укрылись’
41. *итāгāйбāt буол* — лит. *итэбэйбэт буол* ‘не верь’
42. *кистieң суога* — лит. *кистиэн суоҕа* ‘не утаишь’
43. *кыэлтата суох* — лит. *кыалтата суох* ‘неподъемный’
44. *туохтāгар даганы ордук* — лит. *туохтааһар даһаны ордук* ‘лучше всего’
45. *холлогос туос сага* — лит. *холлобос туос саҕа* ‘как большая берестяная бочка’
46. *туос уллуна́хтāх, сум нуохай бухаты́р* — лит. *туос уллунахтаах, сум нуобай бухатыыр* ‘богатырь с берестяной подошвой, с плавной походкой’
47. *туохтāгар да урут* — лит. *туохтааһар да урут* ‘прежде, чем’
48. *суон мастары* — лит. *суон мастары* ‘толстые палки’
49. *оттуох масы* — лит. *оттуох маһы* ‘дрова на лучины’
50. *альчаччы туруорбуттара* — лит. *алчаччы туруорбуттара* ‘широко их расставили’
51. *тōгүрүччү туруортāн баран* — лит. *төгүрүччү туруортаан баран* ‘поставив по кругу’
52. *буруо āрā* — лит. *буруо эрэ* ‘только дым’
53. *сырдык буоларын кытта* — лит. *сырдык буоларын кытта* ‘с рассветом’
54. *уонтан тахса булас* — лит. *уонтан тахса былас* ‘больше десяти сажений’
55. *таба муосугар* — лит. *таба муоһугар* ‘на рога оленя’
56. *бурдук буолар* — лит. *бурдук буолар* ‘становится мукой’
57. *сүрāгā суох ки́си* — лит. *сүрэбэ суох киһи* ‘ленивый человек’
58. *буолаххына* — лит. *буолаххына* ‘если будешь’
59. *булуоң* — лит. *буолуон* ‘будешь’
60. *кыэян оңоруох буолаххына* — лит. *кыайан оһоруох буолаххына* ‘если можешь делать’
61. *уоруях курдук* — лит. *уоруйах курдук* ‘как вор’
62. *кирджик суол* — лит. *кырдьык суол* ‘праведная дорога’
63. *ойдōх буолуо* — лит. *өйдөөх буолуо* ‘будет мудр’
64. *акāры буолуо* — лит. *акаары буолуо* ‘будет глупцом’
65. *истибāt буолаххына* — лит. *истибэт буолаххына* ‘если не слышишь’

66. арагыэ суога — лит. арабыа суоҕа ‘не отойдет’
67. акāры уора — лит. акаары уора ‘гнев глупца’
68. туох да албын суох — лит. туох да албын суох ‘нет лжи’
69. булуоххут — лит. булуоххут ‘найдете’
70. ким āсигиттāн бастың буолуогун багарар буоллагына, (ол) кулут буоллун āсiexā — лит. ким эһигиттэн бастың буолуобун багарар буоллабына, (ол) кулут буоллун эһиэхэ ‘Кто из вас хочет быть первым, тот пусть будет слугой вам’
71. таңара үөрāгā суох — лит. таңара үөрэбэ суох ‘без Божьего учения’
72. тыйннāх буолуо суога — лит. тыыннаах буолуо суоҕа ‘не будет жить’
73. оңотторуоххутун багарагыт — лит. онотторуоххутун баҕарабыт ‘Как хотите, чтобы с вами поступали’
74. кйрiе суога — лит. кириэ суоҕа ‘не войдет’
75. мин буоллахпына — лит. мин буоллахпына ‘а я’
76. үңār буолуң — лит. үнэр буолун ‘молитесь’
77. халлāннāгы агагыт уолаттара буолуоххут — лит. халлааннаабы аҕабыт уолаттара буолуоххут ‘сынами Отца вашего Небесного’
78. кусаган да суоллāхтарга — лит. куһаҕан да суоллаахтарга ‘неправедным’
79. āсиги таптāччылары таптыйр буоллаххытына, онтон āсiexā туох тōлькō буолуогай — лит. эһиги таптааччылары таптыйр буоллаххытына, онтон эһиэхэ туох төлкө буолуобай ‘если вы будете любить любящих вас, какая вам награда’
80. ити курдук оңорботтор дуо — лит. ити курдук онгорботтор дуо ‘не то же ли делают’
81. догор āрā догоргутугар үтүөнү санасар буоллаххытына, туох үтүө ордугу оңордугут? — лит. доҕор эрэ доҕоргутугар үтүөнү санаһар буоллаххытына, туох үтүө онордугут? ‘И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете?’
82. (Сүрāгā да суох) омуктар итини оңорботтор дуо? — лит. (Сүрэбэ да суох) омуктар итини онгорботтор дуо ‘Не так же ли поступают ленивые народы?’
83. ол буоллагына — лит. ол буоллабына ‘итак’
84. толору үтүөлāх буолуң — лит. толору үтүөлээх буолун ‘будьте совершенны’
85. ылыэххыт суога — лит. ылаххыт суоҕа ‘не будет вам’
86. биерār буол — лит. биэрэр буол ‘давай’
87. ким да билбāтинāн буоллун — лит. ким да билбэтинэн буоллун ‘пусть будет втайне’
88. албыттар курдук буолума — лит. албыттар курдук буолума ‘не будь как лицемеры’
89. суоллар да арахсыларыгар — лит. суоллар да арахсыыларыгар ‘и на углах улиц’
90. агагар кистāн үңār буол — лит. аҕаҕар кистээн үнэр буол ‘молись Отцу тайно’
91. (сурāгā суох) омуктар — лит. (сүрэбэ суох) омуктар ‘ленивые народы’
92. кинилārгā тылы буолумаң — лит. кинилэргэ дылы буолуман ‘не уподобляйтесь им’
93. туохха кысанаргытын — лит. туохха кыһанаргытын ‘в чем вы имеете нужду’
94. айбыларын хāллара буоллаххытына — лит. айыыларын хаалларар буоллаххытына ‘Если вы будете прощать людям согрешения их’
95. санārгāбат буолуң — лит. санаарҕаабат буолун ‘не будьте унылы’
96. уорухтар да (джiе) аннынан хасаннар уораллар — лит. уоруйахтар да (дьиэ) аннынан хаһаннар уораллар ‘воры подкапывают под домом и крадут’
97. онно уорухтар даганы, (джiе) аннынан хасаннар, уорбаттар — лит. онно уоруйахтар даҕаны, (дьиэ) аннынан хаһаннар, уорбаттар ‘где воры не подкапывают под домом и не крадут’
98. бār буолуога — лит. баар буолуоҕа ‘будет’
99. харагың көнō буоллагына, бүтүн āтиң сырдык буолуога — лит. харабың көнө буоллабына, бүтүн эһиң сырдык буолуоҕа ‘если око твое будет прямым, то все тело твое будет светло’
100. харагың албын харах буоллагына бүтүн āтиң хара буолуога — лит. харабың албын харах буоллабына бүтүн эһиң хара буолуоҕа ‘если око твое будет лживым, то и тело будет черным’
101. иннā гынан бāйāң искār бār сырдыгың хараңа буоллагына, хайдах хараңа буолуой? — лит. иннэ гынан бэйэң искэр баар сырдыгың хараҥа буоллабына, хайдах хараҥа буолуой ‘итак, если свет, который в тебе тьма, то какова же тьма?’
102. Уол — лит. Уол ‘Сын’
103. бār буолāччы — лит. баар буолааччы ‘сущий’
104. үтүөлāх буоланңын бысā — лит. үтүөлээх буолангын быыһаа ‘спаси, делая добро’
105. Уолга — лит. Уолга ‘Сыну’
106. ыяга суох суолларбытын — лит. ыйааҕа суох суолларбытын ‘нечестивые пути наши’

107. *халлāн үрдүгär курдук буоллун* — лит. *халлаан үрдүгэр курдук буоллун* ‘да будет, как на небе’
 108. *Äйөннärä буолаллар* — лит. *Äйиэннэрэ буолаллар* ‘твое есть’

ō:

1. *ōмүл* — лит. *омүл* ‘омуль’

ē:

1. *Тугу ысыэң, ону хомуёң* — лит. *тугу ыһыан, ону хомуйуон* ‘что посеешь, то и пожнешь’

[Апостольские чтения 1902]

уо:

1. *онорбут суолларын* — лит. *онгорбут суолларын* ‘деяний’
2. *түөрдуон хонук туххары* — лит. *түөрдуон хонук тухары* ‘в продолжение сорока дней’
3. *туохха бастыңыттан үөрäппитин тусун* — лит. *туохха бастыңыттан үөрэппитин туһунан* ‘чему учил от начала’
4. *äsiġi (буолаххытына)* — лит. *эһиги (буолаххытына)* ‘а вы’
5. *туруорāры гынагын дуо?* — лит. *туруораары гынабын дуо?* ‘восстанавливаешь?’
6. *miäxä туюсу буолуоххут* — лит. *миэхэ туюһу буолуоххут* ‘будете мне свидетелями’
7. *Иисус Христосу тутан ылбыттарга siŋit буолбут Иуда тусун Святой Тын Таңара суругар Давид уосунан äpitiä (siŋiäx) käriŋnäġä* — лит. *Иисус Христуоһу тутан ылбыттарга сирдьит буолбут Иуда туһунан Святой Тыын Танара суругар Давид уоһунан эппитэ (ситиэх) кэрингнээбэ* ‘Надлежало исполниться тому, что в Писании предрек Дух Святой устами Давида об Иуде, бывшем вожде тех, которые взяли Иисуса’
8. *ол буолагына* — лит. *ол буолабына* ‘итак’
9. *туосу буолуогар сөптөх* — лит. *туоһу буолуоҕар сөптөөх* ‘был свидетелем’
10. *туруорбуттара* — лит. *туруорбуттара* ‘поставили’
11. *уонордуга bir* — лит. *уон ордуга биир* ‘одинадцать’
12. *biäsuon хонук туоларыгар* — лит. *биэс уон хонук туоларыгар* ‘при наступлении дня Пятидесятницы’
13. *сүрэхтэх буолан* — лит. *сүрэхтээх буолан* ‘единодушно’
14. *тыас буола түсän* — лит. *тыас буола түһэн* ‘сделался шум’
15. *уокка тылы* — лит. *уокка дылы* ‘как бы огненные’
16. *Святой Тынынан туолан* — лит. *Сибэтиэй Тынынан туолан* ‘исполнились Духа Святого’
17. *käpsätär буоллулар* — лит. *кэпсэтэр буоллулар* ‘начали говорить’
18. *тыас буолбутугар* — лит. *тыас буолбутугар* ‘сделался шум’
19. *Галилея диэн siŋ kiŋilärä буолбаттар дуо* — лит. *Галилея диэн сир киһилэрэ буолбаттар дуо* ‘сии говорящие не все ли Галилеяне?’
20. *гуораттан* — лит. *куораттан* ‘из города’
21. *улахан суолларын тусун* — лит. *улахан суолларын тусун* ‘о великих делах’
22. *уонордуга bir апостоллары* — лит. *уон ордуга биир апостоллары* ‘одинадцать апостолов’
23. *kiŋilär itiriŋ буолбаттар* — лит. *киһилэр итирик буолбаттар* ‘они не пьяны’
24. *тыммыттан тогуом* — лит. *тыыммыттан тобуом* ‘излию от Духа Моего’
25. *уолаттаргыт* — лит. *уолаттаргыт* ‘сыны ваши’
26. *буолуохтара* — лит. *буолуохтара* ‘будут’
27. *уол оголоргут* — лит. *уол оҕолоргут* ‘юноши ваши’
28. *öйдөтүннärär буолуохтара* — лит. *өйдөөтүннэр буолуохтара* ‘вразумляемы будут’
29. *Тыммыттан тогуом* — лит. *Тыыммыттан тобуом* ‘излию от Духа Моего’
30. *пророктүр буолуохтара* — лит. *пророктуур буолуохтара* ‘будут пророчествовать’
31. *Ċikti да суоллары* — лит. *Дыкти да суоллары* ‘чудеса’
32. *xāны, уоту буруо да буруолурун көрдөрүөм* — лит. *хааны, уоту буруо да буруолурун көрдөрүүм* ‘кровь и огонь и курение дыма’
33. *kūn уота хараңа ый да хāн буолан хāлыахтара* — лит. *kūn уота хараңа ый да хаан буолан хаалыахтара* ‘Солнце превратится во тьму, и луна — в кровь’
34. *бу барыта буолуо* — лит. *бу барыта буолуо* ‘и будет все’
35. *ċikti суолларынан* — лит. *дыкти суолларынан* ‘чудесами’
36. *Таңараттан туюсуланан äsiäxä* — лит. *Танараттан туюсуланан эһиэхэ* ‘засвидетельствованного вам от Бога’
37. *ыйāга суох суоллāх* — лит. *ыйааҕа суох суоллаах* ‘беззаконных’
38. *ол да буоллар* — лит. *ол да буоллар* ‘но’

39. *Христосу тутуогар түктәритин исин* — лит. *Христуоһу тутуобар түктэритин иһин* ‘невозможно было удержать Его’
40. *Христосу тилиннәрбитә* — лит. *Христуоһу тилиннәрбитә* ‘воскресил Его’
41. *мин хамсабат буолуом иннигәр* — лит. *мин хамсаабат буолуом иннигэр* ‘дабы я не поколебался’
42. *халларыаң суога-абаһ* — лит. *хаалларыаң суоҕа эбээт* ‘ибо Ты не оставишь’
43. *тыннәх буолар суолу* — лит. *тыыннаах буолар суолу* ‘путь к жизни’
44. *мигін толоруоң* — лит. *миигин толоруоң* ‘исполнишь меня’
45. *гроба* — лит. *хоруоба* ‘гроба его’
46. *пророк буолан* — лит. *пророк буолан* ‘будучи же пророком’
47. *Христосу биәриәх буолбутун, Кини да престолун үрдүгәр олордуюх буолбутун билән* — лит. *Христуоһу биэриэх буолбутун, Кини да престолун үрдүгэр олордуюх буолбутун билән* ‘Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его’
48. *туосу буолабыт* — лит. *туоһу буолабыт* ‘мы свидетели’
49. *онон буоллагына* — лит. *онон буоллаҕына* ‘итак’
50. *халлән үрдүгәр ытыарыллыбыт буолан* — лит. *халлаан үрдүгэр ытыарыллыбыт буолан* ‘был вознесен’
51. *Ытыах буолбут* — лит. *ытыах буолбут* ‘посланное’
52. *үруохпар диәри* — лит. *ууруохпар диэри* ‘доколе положу’
53. *ол буоллагына* — лит. *ол буоллаҕына* ‘итак’
54. *ытыллыах буоларыгар биәриллбит кәскил* — лит. *ытыллыах буоларыгар бэриллибит кэскил* ‘обетование’
55. *буолар* — лит. *буолар* ‘быть’
56. *Христока итәгәйәччиләргә* — лит. *Христуоска итэҕэйәччилэргэ* ‘к верующим’
57. *үикти-суоллар* — лит. *дьикти суоллар* ‘чудеса’
58. *миәхә суох* — лит. *миэхэ суох* ‘у меня нет’
59. *туох миәхә баарын* — лит. *туох миэхэ баарын* ‘что есть у меня’
60. *туруорда* — лит. *туруорда* ‘поднял’

у:

1. *Агаттан биәриллӓх булбуту* — лит. *Аҕаттан биэриллӓх буолбуту* ‘обещанного от Отца’

о:

1. *Христосу биәриәх буолбутун* — лит. *Христуоһу биэриэх буолбутун* ‘воздвигнуть Христа’
2. *Христосунан да оңорбутуң* — лит. *Христуоһунан да оңорбутун* ‘сделал и Христом’

Современный дифтонг ыа

Словарь Палласа

э: элчарь — лит. *ыалдьар* ‘болеть’

тә: тәль — лит. *тыал* ‘ветер’, *тә* — лит. *тыа* ‘лес’

е: кеярь — лит. *кыайар* ‘победить’

[Краткий катехизис 1844]

э:

1. *хайдакь ч8гасэхка, сёбюй Тагарага?* — лит. *хайдах чугаһахха сөбүй Тангараҕа?* ‘Как можно приблизиться к Богу?’
2. *абрэгынь иннигәр* — лит. *абырыаҕын иннигэр* ‘чтобы спасти’
3. *бысэгынь т8с8гәр бисигини* — лит. *быыһаҕын туһугар биһигини* ‘чтобы избавить нас’
4. *ытыктэхкә кинини* — лит. *ытыктыахха кинини* ‘почитать его’
5. *аиләр халэхтарын иннигәр* — лит. *айыылар хаалыахтарын иннигэр* ‘во оставление грехов’
6. *ютәләхь олог8 ылэгынь иннигәр* — лит. *үтүөлээх олоҕу ылыаҕын иннигэр* ‘и получить благодатную жизнь’
7. *кини да исигәр кыттыгэсынән боләр бюппәть олохкә* — лит. *кини да иһигэр кыттыһаҕынан буолар бүппэт олоххо* ‘в нем становится причастным жизни вечной’

ы:

1. *югюсь ырахән да эрайдәри* — лит. *үгүс ыарахан да эрәйдәри көрөн* ‘претерпев многие тяжкие страдания’

а:

1. *мүрүһүн аҕынахтыыр* — лит. *миранан аҕынахтанар* ‘миропомазание’
2. *мүрүһүн аҕынахтыыр* — лит. *миранан аҕынахтыыр* ‘миропомазание’
3. *сүрэхтэммит (киси) аҕынахтанар Ыраас Мүрүһүн* — лит. *сүрэхтэммит (киһи) аҕынахтанар Ыраас Миранан* ‘крещенный помазуется Святым Миром’

[Канон и часы святыя Пасхи 1883]

э:

1. *исань-барэҕын саҥа ытахта* — лит. *иһэн барыабын саҥа утахта* ‘будем пить питье новое’
2. *ырэны агалыэҕын* — лит. *ырыаны аҕалыабын* ‘принесем песнь’
3. *тосва тахсэҕын* — лит. *тоһуа тахсыабын* ‘приблизимся к выходящему’
4. *праздниктэҕын* — лит. *бырааһынныктыабын* ‘отпразднуем’
5. *энь кеннигиттань барэхтарын тетейбиттар* — лит. *эн кэннигиттэн барыахтарын тиэтэйбиттэрэ* ‘вслед за тобою спешили’
6. *манэха* — лит. *маныаха* ‘сего’
7. *алгэҕын Христос* — лит. *алгыабын Христуоһу* ‘благословим Христа’
8. *эҕинь-да алгэхпыт* — лит. *эйигин да алгыахпыт* ‘Тебя будем благословлять’
9. *юа баранэҕарь-дэри* — лит. *үйэ бараныаһар дэри* ‘до кончины века’
10. *Эҕинь туоһпүтүн славя да гынэхпыт* — лит. *Эйигин туойуохпун, слави да гынахпыт* ‘воспевать Тебя и славить’
11. *халларэҕын* — лит. *хаалларыабын* ‘оставим’
12. *ыллэҕын* — лит. *ыллыабын* ‘воспоём’

э:

1. *эха Танарага ырэ сёбь боларь* — лит. *эйэхэ Танараҕа ырыа сөп буолар* ‘воспеваем тебе, Господу’
2. *ань дойдунь абрэнь тдсвгарь* — лит. *аан дойдуну абырыан туһугар* ‘чтобы спасти мир’

ы:

1. *кыҕаччы да кырдькы тилиннинь* — лит. *кыайааччы да курдук тилиннин* ‘и воскрес, как Победитель’

ыэ:

1. *кыэарь ырэтын ылааччылары* — лит. *кыайар ырыатын ылааччылары* ‘песнь победную поющих’
2. *ырастыэҕын биларь-билиларбитинь* — лит. *ыраастыабын билэр-билэрбитин* ‘очистим чувства’
3. *кыэарь ырэтын ыллы-ыллыбыт* — лит. *кыайар ырыатын ыллы-ыллыбыт* ‘воспевая песнь победную’
4. *ырэны агалыэҕын* — лит. *ырыаны аҕалыабын* ‘принесем песнь’
5. *адь да кыиһыбытын тдсвттань* — лит. *ад да кыайылыбытын туһуттан* ‘и ад пленен’
6. *ёлёрю ёлёрюнань кыэань* — лит. *өлөрү өлөрүнэн кыайан* ‘смертью смерть победив’
7. *ёлёрюнань ёлёрю кыэйда* — лит. *өлөрү өлөрүнэн кыайан* ‘смертью смерть победив’
8. *ёлёрю ёлёрюнань кыэйбыт* — лит. *өлөрү өлөрүнэн кыайыт* ‘смертью смерть победивший’

ыэ:

1. *ёлёрю кыэйбыт* — лит. *өлөрү кыайыт* ‘смерть победивший’
2. *бюгюнь кыэйда* — лит. *бүгүн кыайда* ‘сегодня пленил’
3. *ёлёрю кыэйбыт* — лит. *өлөрү кыайыт* ‘победивший смерть’

[Букварь для якутов 1897]

ыэ:

1. *кыэйбаппын* — лит. *кыайбаппын* ‘не могу осилить’
2. *тахсыэхпун асэ биппат* — лит. *тахсыахпун эһэ ыппат* ‘хочу выйти, да медведь не пускает’
3. *ити канны тугу гыныэмый* — лит. *ити кэннэ тугу гыныамый* ‘ну а что мне делать после этого’
4. *тугу гыныэмый да?* — лит. *тугу гыныамый да?* ‘Как что делать?’
5. *сыэ сыһылаах* — лит. *сыа сыһылаах* ‘мягкая равнина’
6. *барылыр бар тыһылаах, кыһылыр хара тыһылаах* — лит. *барылыр бар тыһылаах, кыһылыр хара тыһылаах* ‘имеющий шумный лес, имеющий черный лес для охоты’
7. *ырга түбүлэах* — лит. *ырга түбүлээх* ‘тальниковая чаща’
8. *кыэрагас икки хая ыккардыгар турар* — лит. *кыараҕас икки хайа ыккардыгар турар* ‘между двумя узкими горами’

9. *бырылāх көппōххō батыллыэң* — лит. *бырыылаах көптөххө батыллыан* ‘погрязнешь в болотистом мхе’
10. *кисини охторор тыэл үрär* — лит. *киһини охторор тыал үрär* ‘дуют ветра, сбивающие человека с ног’
11. *үөрүйäгä суох киси тōсōгō утуя сытыэх кāмин булбат* — лит. *үөрүйэбэ суох киһи төһөбө утуйа сытыах кэмин булбат* ‘с непривычки человек не может уснуть’
12. *кыэлтата суох* — лит. *кыалтата суох* ‘неподъемный’
13. *тiейтā ыэраханнык турарыттан* — лит. *тиэйиитэ ыараханлык турарыттан* ‘из-за сложности транспортировки’
14. *бу кыэлтата суох тūs* — лит. *бу кыалтата суох туус* ‘эта тяжеловесная соль’
15. *тугу ысыэң, ону хомуэң* — лит. *тугу ыһыан, ону хомуйуон* ‘что посеешь, то и пожнешь’
16. *барыта āсыэга, соготох кирджик хāлыэга* — лит. *барыта ааһыаба, соботох кырдьык хаалыаба* ‘все пройдет, останется только правда’
17. *сассыэрда* — лит. *сарсыарда* ‘утром’
18. *түрбүт быэларын* — лит. *түүрбүт быаларын* ‘смотанную веревку’
19. *быэ баран äриллā түсär* — лит. *быа баран эриллэ түһär* ‘веревка обматывается’
20. *таба быэны билāт* — лит. *таба быаны билээт* ‘олень, почувствовав веревку’
21. *атын быэны* — лит. *атын быаны* ‘другую веревку’
22. *кыэян оңоруох буоллаххына* — лит. *кыайан оңоруох буоллаххына* ‘если можешь сделать’
23. *кусаган арагыэ суога* — лит. *куһабан арабыа суоба* ‘не отойдет зло’
24. *тāс ыэрахан* — лит. *таас ыарахан* ‘тяжел камень’
25. *ордук ыэрахан* — лит. *ордук ыарахан* ‘тяжелее’
26. *āсыллыэ āсiэхä* — лит. *аһыллыа эһиэхэ* ‘отворят вам’
27. *күрāн тыхсыэга* — лит. *кирэн тахсыаба* ‘пройдет’
28. *таптā ыэлгын* — лит. *таптаа ыалгын* ‘возлюби соседа’
29. *мин āсигини сыннатыэм* — лит. *мин эһигини сынньатыам* ‘Я успокою вас’
30. *ылыэххыт суога* — лит. *ылыаххыт суоба* ‘не будет вам’
31. *хāлларыэга* — лит. *хаалларыаба* ‘оставит’
32. *баскын āбыныэхтā* - лит. *баскын абыныахтаа* ‘помажь голову твою’
33. *бисиги ыэльджардабытын* — лит. *биһиги ыарыларбытын* ‘наши раны’

[Апостольские чтения 1902]

ыа:

1. *кiнi маныаха кiнiлärгä äппitā* — лит. *кини маныаха кинилэргэ эппитэ* ‘Он же сказал им’
2. *бāйäтiн сiрiгär барыан тусугар* — лит. *бэйэтин сиригэр барыан туһугар* ‘чтобы идти в свое место’
3. *бāйäтiн сiрiгär барыан тусугар* — лит. *бэйэтин сиригэр барыан туһугар* ‘которого Ты избрал’
4. *ылыагар* — лит. *ылыабар* ‘чтобы принять’
5. *äмискäччi халлāн үрдүттāн, күстāх тыал үрärин курдук, күгүнās тыас буола түсāн баран* — лит. *эмискэччи халлаан үрдүттэн, күүстээх тыал үрэрин курдук, күүгүнэс тыас буола түһэн баран* ‘И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра’
6. *субу күгүнās тыас буолбутугар* — лит. *субу күүгүнэс тыас буолбутугар* ‘Когда сделался этот шум’
7. *хāлыахтара* — лит. *хаалыахтара* ‘останутся’
8. *бйсаныага* — лит. *быыһаныаба* ‘спасется’
9. *сыннāныага* — лит. *сынньаныаба* ‘упокоится’
10. *хāлларыаң суога* — лит. *хаалларыан суоба* ‘ты не оставишь’
11. *халлāн үрдүгär ытыарыллыбыт буолан* — лит. *халлаан үрдүгэр ытыарыллыбыт буолан* ‘Он, быв вознесен’
12. *ытыах буолбут кэскилин* — лит. *ытыах буолбут кэскилин* ‘обетование’
13. *айыгыт хāлларыллыагын тусугар* — лит. *айыгыт хаалларыллыабын туһугар* ‘для прощения грехов ваших’
14. *Святой Тын бiärärин ылыаххыт* — лит. *Сибэтиэй Тыын биэрэрин ылыаххыт* ‘получите дар Святого Духа’
15. *ытыллыах буоларыгар бiärilлiбiт кäскil* — лит. *ытыллыах буоларыгар бэриллибит кэскил* ‘обетование’
16. *ылыам dīān äрāнāн* — лит. *ылыам диэн эрэнэн* ‘надеясь получить’

В таблице 1 сведена статистика соответствий современных литературных якутских дифтонгов в словоформах из первых книг. Строка для каждого дифтонга разделена на две строчки: в первой приведены соответствия, состоящие из одной графемы, во второй — из двух.

Таблица 1. Рефлексы современных якутских дифтонгов в памятниках

Лит. якут.	[Паллас 1787]	[Краткий катехизис 1844]	[Канон и часы святыя Пасхи 1883]	[Букварь для якутов 1897]	[Апостольские чтения 1902]
<i>иэ</i>	<i>e</i> (8)	<i>ӕ</i> (28)	<i>e</i> (21), <i>ē</i> (17), <i>э</i> (1), <i>а</i> (1) <i>ie</i> (2)	<i>ē</i> (5) <i>ie</i> (75)	<i>a</i> (1) <i>ä</i> (1) <i>iä</i> (44)
<i>үө</i>	<i>э</i> (1), <i>ю</i> (5) <i>iy</i> (1)	<i>ë</i> (7) <i>йо</i> (5)	<i>ë</i> (16), <i>ē</i> (1) <i>йө</i> (34)	<i>ÿö</i> (48)	<i>ÿö</i> (11)
<i>уо</i>	<i>о</i> (11), <i>ю</i> (1) <i>во</i> (1), <i>уу</i> (1)	<i>о</i> (31) <i>йо</i> (9)	<i>о</i> (44), <i>ō</i> (3) <i>уо</i> (57)	<i>ō</i> (1), <i>ē</i> (1) <i>уо</i> (108)	<i>ō</i> (2), <i>у</i> (1) <i>уо</i> (60)
<i>ыа</i>	<i>э</i> (1), <i>ӕ</i> (2), <i>e</i> (1)	<i>э</i> (7), <i>ы</i> (1), <i>а</i> (3)	<i>ē</i> (12), <i>э</i> (2), <i>ы</i> (1) <i>йэ</i> (9), <i>ыэ</i> (3)	<i>ыэ</i> (33)	<i>ыа</i> (16)

Из таблицы видно, что в словаре П. С. Палласа записи соответствий современным дифтонгам, состоящие из двух графем, встречались один раз для лит. якут. *үө* и дважды для лит. якут. *уо*. Между тем в приложении к словарю «Explicatio litterarum Alphabeti Rossici» автор приводит принципы транскрипции гласных, в частности *ю* читать как *jo*, *йю* — как *йи*, *йю* — как *йи*, для буквы *ӕ* предусмотрено чтение *je*.

В «Кратком катехизисе» 1844 г. запись, состоящая из двух графем, встречается только для тех же двух дифтонгов: для лит. якут. *үө* — 5 раз, *уо* — 9 раз, что меньше, чем количество записей в виде одной графемы. Случаев написания *ӕ* в соответствии с современным якутским *э* зафиксировано 14 раз, причем большинство из них — когда в соседнем слове дифтонг, что может быть обусловлено сужением безударного гласного и уподоблением соседнему гласному [Дьячковский 1971]. Дело в том, что в кириллических транскрипциях XIX в. принято было для ряда языков использовать *ӕ* именно для записи дифтонгоидов *ie*, *ije*. Так, например, устроены маньчжурские транскрипции в словаре И. И. Захарова [Захаров 1875]. Возможно, и автор катехизиса использовал этот принцип.

В 1883 г. двухграфемные записи для лит. якут. *үө*, *уо* встречаются уже чаще, чем состоящие из одной графемы, и впервые появляются соответствия для современных дифтонгов *иэ*, *ыа*, но они еще редки по сравнению с однографемными записями.

В 1897 г. наблюдается четкая тенденция — дифтонгоидные (двухграфемные) соответствия для всех современных дифтонгов начинают преобладать.

В 1902 г. эта тенденция фактически не меняется: соответствия, состоящие из одной графемы, уже встречаются как исключения. Вероятно, первые книги дают возможность установить последовательность перехода к дифтонгам разных пратюркских долгих гласных.

Итак, анализ рассмотренных источников на якутском языке позволяет выдвинуть гипотезу о последовательности становления дифтонгического произношения для рефлексов пратюркских долгих гласных среднего подъема в языке.

Источники и литература

Апостольские чтения 1902 — Апостольские чтения на все воскресные и праздничные дни и на разные случаи на якутском языке. Казань, 1902.

Барашков 1953 — П. П. Барашков. Звуковой состав якутского языка. Якутск, 1953.

Бетлингк 1851 — О. Н. Бетлингк. О языке якутов. Новосибирск, 1989.

Букварь для якутов 1897 — Букварь для якутов. Казань, 1897.

Дыбо 2007 — А. В. Дыбо. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период. М., 2007.

Дыбо 2015 — А. В. Дыбо. О «первичных» долготах в тюркских языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015, 13 (1). С. 5—20.

Дьячковский 1971 — Н. Д. Дьячковский. Звуковой строй якутского языка. Ч. 1: Вокализм. Якутск, 1971.

Захаров 1875 — И. И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.

Иванов 2021 — С. А. Иванов. Образование диалектной системы якутского языка. Новосибирск, 2021.

Канон и часы святыя Пасхи 1883 — Христос Тиаинна. Канон и часы святыя Пасхи на якутском языке. Казань, 1883.

Краткий катехизис 1844 — Краткий катехизис на русском и якутском языке = Кылгас катихизис нуча, саха икки тылыгар. СПб., 1844.

Мудрак 1993 — О. А. Мудрак. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993.

Паллас 1787 — П. С. Паллас. Сравнительные словари всех языков и наречий. Ч. 1. СПб., 1787.

Паллас 1789 — П. С. Паллас. Сравнительные словари всех языков и наречий. Ч. 2. СПб., 1789.

Поливанов 1927 — Е. Д. Поливанов. К вопросу о долгих гласных в обще-тюреском праязыке // Доклады Академии наук СССР. 1927, 3. С. 151—153.

Слепцов 1986 — П. А. Слепцов. Якутский литературный язык: истоки, становление норм. Новосибирск, 1986.

Убрятова 1945 — Е. И. Убрятова. Очерк истории изучения якутского языка. Якутск, 1945.

Харитонов 1947 — Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Ч. 1: Фонетика и морфология = Саха билигинни тыла. 1 чааһа: Фонетика уонна морфология. Якутск, 1947.

Широбокова 2018 — Н. Н. Широбокова. Языковые контакты в истории якутского языка // Сибирский филологический журнал. 2018, 4. С. 122—128.

Щербак 1970 — А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Stachowski 1993 — M. Stachowski. Geschichte des jakutischen Vokalismus. Kraków, 1993.

References

Apostol'skie chteniya 1902 — Apostol'skie chteniya na vse voskresnye i prazdnichnye dni i na raznye sluchai na yakutskom yazyke. Kazan', 1902. {Apostolic Readings for All Sundays, Holidays and Various Occasions in the Yakut Language. Kazan, 1902.}

Barashkov 1953 — P. P. Barashkov. Zvukovoy sostav yakutskogo yazyka. Yakutsk, 1953. {P. P. Barashkov. The Sound System of the Yakut Language. Yakutsk, 1953.}

Betlingk 1851 — O. N. Betlingk. O yazyke yakutov. Novosibirsk, 1989. {O. N. Betlingk. About the Language of the Yakuts. Novosibirsk, 1989.}

Bukvar' dlya yakutov 1897 — Bukvar' dlya yakutov. Kazan', 1897. {Primer for the Yakuts. Kazan, 1897.}

D'yachkovskiy 1971 — N. D. D'yachkovskiy. Zvukovoy stroy yakutskogo yazyka. Chast' 1: Vokalizm. Yakutsk, 1971. {N. D. D'yachkovskiy. The Sound Structure of the Yakut Language. Part 1: Vocalism. Yakutsk, 1971.}

Dybo 2007 — A. V. Dybo. Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov. Leksicheskiy fond: pratyurkskiy period. Moskva, 2007. {A. V. Dybo. Linguistic Contacts of Early Turks. Lexical Stock: Proto-Turkic Period. Moscow, 2007.}

Dybo 2015 — A. V. Dybo. O "pervichnykh" dolgotakh v tyurkskikh yazykakh. In: Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2015, 13 (1). S. 5—20. {A. V. Dybo. On "primary" Long Vowels in the Turkic Languages. In: NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2015, 13 (1). P. 5—20.}

Ivanov 2021 — S. A. Ivanov. Obrazovanie dialektnoi sistemy yakutskogo yazyka. Novosibirsk, 2021. {S. A. Ivanov. Formation of the dialect system of the Yakut language. Novosibirsk, 2021.}

Kanon i chasy svyatye Paskhi 1883 — Khristos Tiainna. Kanon i chasy svyatye Paskhi na yakutskom yazyke. Kazan', 1883. {Canon and Holy Hours of Easter in the Yakut Language. Kazan, 1883.}

Kharitonov 1947 — L. N. Kharitonov. Sovremennyy yakutskiy yazyk. Chast' 1: Fonetika i morfologiya = Sakha bilingi tyala. 1 chaaha: Fonetika uonna morfologiya. Yakutsk, 1947. {L. N. Kharitonov. Modern Yakut language. Phonetics and morphology. Yakutsk, 1947.}

Kratkiy katekhizis 1844 — Kratkiy katekhizis na russkom i yakutskom yazyke. Sankt-Peterburg, 1844. {Short Catechism in Russian and Yakut. Saint Petersburg, 1844.}

Mudrak 1993 — O. A. Mudrak. Istoricheskie sootvetstviya chuvashskikh i tyurkskikh glasnykh: opyt rekonstruktsii i interpretatsii. Moskva, 1993. {O. A. Mudrak. Historical Correspondences of Chuvash and Turkic Vowels: An Attempt of Reconstruction and Interpretation. Moscow, 1993.}

Pallas 1787 — P. S. Pallas. Sravnitel'nye slovari vseh yazykov i narechiy. Ch. 1. Sankt-Peterburg, 1787. {P. S. Pallas. Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects. Part 1. Saint Petersburg, 1787.}

Pallas 1789 — P. S. Pallas. Sravnitel'nye slovari vseh yazykov i narechiy. Ch. 2. Sankt-Peterburg, 1789. {P. S. Pallas. Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects. Part 2. Saint Petersburg, 1789.}

Polivanov 1927 — E. D. Polivanov. K voprosu o dolgikh glasnykh v obshche-turetskom prayazyke. In: Doklady Akademii nauk SSSR. 1927, 3. S. 151—153. {E. D. Polivanov. On the Question of Long Vowels in the Common-Turkic Proto-Language. In: Reports of the Academy of Sciences of the USSR. 1927, 3. P. 151—153.}

Shcherbak 1970 — A. M. Shcherbak. Sravnitel'naya fonetika tyurkskikh yazykov. Leningrad, 1970. {A. M. Shcherbak. Comparative Phonetics of the Turkic Languages. Leningrad, 1970.}

Shirobokova 2018 — N. N. Shirobokova. Yazykovye kontakty v istorii yakutskogo yazyka. In: Sibirskiy filologicheskij zhurnal. 2018, 4. S. 122—128. {N. N. Shirobokova. Language Contacts in the History of the Yakut Language. In: Siberian Journal of Philology. 2018, 4. P. 122—128.}

Sleptsov 1986 — P. A. Sleptsov. Yakutskiy literaturnyy yazyk: istoki, stanovlenie norm. Novosibirsk, 1986. {P. A. Sleptsov. The Yakut Literary Language: Origins and Formation of Norms. Novosibirsk, 1986.}

Stachowski 1993 — M. Stachowski. Geschichte des jakutischen Vokalismus. Kraków, 1993.

Ubryatova 1945 — E. I. Ubryatova. Ocherk istorii izucheniya yakutskogo yazyka. Yakutsk, 1945. {E. I. Ubryatova. An Outline of the History of the Study of the Yakut Language. Yakutsk, 1945.}

Zaharov 1875 — I. I. Zaharov. Polnyj man'chzhursko-russkij slovar'. Sankt-Peterburg, 1875. {I. I. Zaharov. The complete Tungusic-Manchurian Dictionary. Saint Petersburg, 1875.}

Kildin Saami negation is not where you would expect it

Vsevolod A. Potseluev, HSE University (Moscow);
potseluev.va@yandex.com

In recent years, the researchers working on Uralic languages within Minimalism seem to have built a consensus on how to define the position of negation in any language with a negative verb. The main and usually the only argument is based on the work [Mitchell 2006]. The argument is as follows: if the negative verb expresses tense, NegP is below TP; if the lexical verb expresses tense, NegP is above TP. Thus, there are two types of languages. The first type (NegP below TP) includes Komi, Udmurt and some others. The second type (NegP above TP) includes Finnish and some of the Saami languages.

In the current paper, I argue, based on the Kildin Saami (< Saamic < Uralic) data, that this argument cannot be universally applied to all of the Uralic languages with negative verbs. According to [Mitchell 2006]’s diagnostic, Kildin Saami is a language with NegP above TP, since the tense morpheme in this language is adjoined to the lexical and not to the negative verb. I argue that this diagnostic cannot be applied to languages like Kildin Saami. Independent evidence shows that the structure of negative clauses in Kildin Saami differs significantly from the structure of positive clauses. Specifically, the two modifications to the underlying syntactic base structure I propose are: a) negation (negative head) has its own agreement probe; b) the alleged tense morpheme is, in fact, better analyzed as an aspectual marker.

Since [Mitchell 2006]’s diagnostic cannot be used as a reliable test, I explore the facts about negation’s low scope with respect to the subject and inchoatives. These facts are better compatible with the hypothesis that in Kildin Saami NegP is below TP.

Keywords: negation, past tense, anteriority aspect, φ-agreement, inchoative, Saami, Uralic

ОТРИЦАНИЕ В КИЛЬДИНСКОМ СААМСКОМ НЕ ТАМ, ГДЕ КАЖЕТСЯ

Потселуев Всеволод Алексеевич, Национальный исследовательский университет
 «Высшая школа экономики» (Москва); potseluev.va@yandex.com

В последнее время в формальной уралистике сложился консенсус по поводу способа определения позиции отрицания в клаузе. В статье [Mitchell 2006] предлагается использовать в качестве диагностики позиции отрицания расположение временной морфемы. Если эта морфема находится на отрицательном глаголе, то проекция отрицания структурно занимает позицию ниже TP, а если на лексическом глаголе, то проекция отрицания, соответственно, располагается выше TP. К языкам первого типа относятся коми, удмуртский; ко второму типу — по крайней мере финский и часть саамских идиомов.

В настоящей статье этот тест [Mitchell 2006] применяется к данным кильдинского саамского языка (< саамские < уральские). Поскольку в отрицательной конструкции время находится на лексическом, а не на отрицательном глаголе, кильдинский саамский должен относиться к языкам, в которых проекция отрицания располагается выше TP. Однако показывается, что к языкам типа кильдинского саамского этот тест принципиально неприменим: независимые свидетельства подтверждают, что исходная структура клаузы, принимаемая в [Mitchell 2006] в качестве допущения, должна быть пересмотрена. Основная линия аргументации строится на том, что отрицательная клауза существенно отличается от положительной в своей структуре. Выделяются два различия: а) отрицание само является контролером согласования с подлежащим (имеет собственный согласовательный зонд), а не наследует согласование из общей структуры клаузы; б) то, что в традиционных описаниях считается морфемой прошедшего времени, следует описывать как аспектуальный маркер.

Кроме того, рассматриваются данные, касающиеся низкой сферы действия отрицания относительно подлежащего и маркеров инхоатива. Эти данные лучше согласуются с анализами, в которых проекция отрицания расположена ниже TP.

Ключевые слова: отрицание, прошедшее время, аспект предшествования, φ-согласование, инхоатив, саамские языки, уральские языки

1. Introduction¹

There is a large body of research devoted to the positioning of negation on the clausal spine in different languages (among multiple others [Pollock 1989; Ouhalla 1991; Zanuttini 1997; Benmamoun et al. 2013]). The current paper explores the syntax of negated declarative clauses in one particular language — Kildin Saami (< Saami < Uralic). Being one of the Uralic languages, Kildin Saami is an example of a language with asymmetric negation in the typology of [Miestamo 2000]: a negative clause differs from its affirmative counterpart not just in the presence of a negative morpheme. The presence of the negative verb prevents the lexical verb from having ϕ -features (person and number), which are expressed on the negation marker instead. Compare the finite verb in (1) to the same verb under negation in (2) and (3), where the negated verb is unable to host finite person or number morphology. In these clauses, the lexical verb carries a specialized connegative marking. The marking differs depending on the tense of the clause: in non-past tense clauses the lexical verb does not have any overt marking and surfaces as a bare stem (2); in past tense clauses the verb is marked by the past participial suffix (3). The origin of the asymmetry between negated and non-negated clauses in Saami languages is well-known: historically, the negative marker was a verb [Sammallahti 1998]. It naturally follows that it is able to attract and host verbal morphology like agreement.

- (1) *mun* *puad-a* / *puud'd'-e*²
 1SG come-NPST.1SG / come-PST.1SG
 ‘I come / I came.’
- (2) *mun* *emm* *pued'* / **puad-a*
 1SG NEG.1SG come.CNG.NPST / come-NPST.1SG
 ‘I don’t come.’
- (3) *mun* *emm* *puadd-ma* / **puud'd'-e*
 1SG NEG.1SG come-PTCP.PST / come-PST.1SG
 ‘I didn’t come.’

The same morphological pattern has been reported for Finnish, where it has been considered as an indication of a higher NegP (Negation Projection) [Holmberg et al. 1993]. [Mitchell 2006] expands this argument to other Finno-Ugric languages (including North Saami, which also exhibits the same pattern) and uses the distribution of features between the negative verb and the lexical verb as a diagnostic of NegP’s position in the clause. The main goal of the current paper is to show that morphological evidence is not sufficient to determine the position of NegP in Kildin Saami. The argumentation presented in the current paper can be further used to reopen the discussion of the exact position of negation in the syntax of languages with similar patterns (like Finnish or North Saami).

This study is based on the primary field data collected during trips to the village of Lovozero in 2022–2024. The data were collected using the elicitation method (translation from Russian to Kildin Saami and vice versa and acceptability/grammaticality judgement tasks). Throughout my work I have consulted eight speakers of ages from fifty-two to seventy-three years. Each judgement reported in this article have been collected from at least three speakers (up to seven). All of the speakers I have consulted are L1 active speakers of Kildin Saami and L2 speakers of Russian. Currently, all of them mostly use Russian in their daily life. Although Kildin Saami was historically spoken in a number of settlements, at some point most of the speakers were forced to move to the village of Lovozero [Wilbur, Rießler 2007: 41]. Nonetheless, I believe my data was not influenced by dialectal differences between speakers. Speakers’ judgments do not form clear clusters that could be explained by their assumed dialects³. The speakers I have consulted represent Kårdegg, Lujavv’r and Chudzjaavv’r dialects.

¹ I am grateful to Masha Kosheleva and Pavel Rudnev for comments at all stages of this work. I thank my Kildin Saami consultants for their willingness to share their language. I also thank an anonymous reviewer, whose comments helped to make the final text more transparent.

² For representation of the Kildin Saami data, I use a variant of transliteration combining the Uralic Phonetic Alphabet and the International Phonetic Alphabet. [Burov, Egorov 2023: 159] provide a brief review of the differences between this system and others.

³ Since the speakers of different Kildin Saami dialects have coexisted in Lovozero for a long time, they have acquired at least some traits of other dialects. For example, one speaker of Chudzjaavv’r dialect started to use the suffix *-(m)a* instead of *-(m)enč* as the marker for the past participle. Other differences are subtler and less thoroughly described in the previous work on dialectal differences. Thus, I make use of the place of birth to determine the assumed dialect. E.g., if a person was born in Voronje, I assume that s/he speaks Voronje dialect (Kårdegg dialect in [Rießler 2022]).

The article is structured as follows. In Section 2, I introduce the basic facts about the verbal morphosyntax of Kildin Saami. In Section 3, I briefly review the diagnostic of NegP's position based on morphological evidence [Mitchell 2006]. I also show that when applied to the Kildin Saami data this diagnostic serves as an argument for a higher (above TP) position of NegP. In Section 4, I argue that the clausal structure that seems to be assumed by [Mitchell 2006] for all Finno-Ugric languages (taking aside the varying position of negation) is not the only possibility for Kildin Saami, nor is it the most compelling one. In Section 5, based on the clausal structure developed in Section 4, I argue that negation in Kildin Saami is located below TP, not above. Then, I discuss the implications of my analysis. Section 6 is the conclusion.

2. Verbal morphosyntax of Kildin Saami

Kildin Saami is an inflected language. Albeit its complicated morphophonology, its verbal morphosyntax is fairly straightforward. It has two synthetic tenses: non-past (4) and past (5), and a range of periphrastic forms including the periphrastic future with the verb *al'l'k'e* 'start' (6) and the periphrastic Perfect and Pluperfect (7). Suffixation is often accompanied by morphophonological changes of the stem (consonant gradation and ablaut [Rießler 2022: 225]).

- (4) *vens jodd rinnt-a*
 boat go.NPST.3SG coast-DAT
 'The boat is going to the coast.' [Kuruch et al. 1985: 83]
- (5) *v'üž'-e gudel' soon vixčt-eš'*
 run-PST.3SG as_if 3SG.ACC chase-PST.IPS
 'S/he ran as if s/he were chased.' [ibid.: 76]
- (6) *meenn alka-k lihk-e?*
 what.ACC start-NPST.2SG do-INF
 'What will you do?' [ibid.: 24]
- (7) *sijj veenns-et' l'ee-v / l'üjj-en' lihk-ma*
 3PL boat-ACC.PL be-NPST.3PL / be-PST.3PL do-PTCP.PST
 'They have/had made the boats.' [Rießler 2022: (12)]

The structure of a finite verb for the most part follows Baker's [1985] Mirror Principle. The verbal root is followed by voice, aspect, tense and subject agreement. We can illustrate this with the word form *juxt-l-uv-ant* (drink.CAUS-PFV-PASS-ITER.NPST.3SG) '(s/he) splutters sometimes' from [Kuruch et al. 1985: 428]. For the most part the morpheme order is consistent with the Mirror Principle⁴. There is also a conditional mood expressed by the suffix *-(h)č-*. This suffix occupies tense's position in finite verbs, cf. *loog-č-e* (read-COND-1SG) 'I would read'.

The negation, as it was shown on the examples (1)–(3) in Section 1, is expressed by the negative verb paired with a specific verbal form usually called connegative. The non-past connegative marking is equivalent to the 2SG imperative (null). This connegative may include voice, aspect and mood morphology but no visible tense or agreement morpheme. The past connegative is equivalent to the *-(m)a* participle (which is also used in the Perfect; this and other functions of the participle will be discussed in the Section 4). Past connegatives can express the same range of morphology (voice, aspect, mood).

As for the expression of tense on the connegative forms, they are assumed to bear tense marking (either null in the non-past tense, or the past participle *-(m)a* suffix in the past) [Kert 1971; Rießler 2022]. However, one of the goals of the current paper is to argue that *-(m)a*, although making an impression of tense, is not a proper past tense suffix (neither of absolute, nor of relative tense) but rather an ordering aspect. This will be discussed in detail in Section 4.2.

The negative verb itself does not inflect for tense. The set of agreement markers seen on negation (8) for the most part resembles the set of agreement suffixes in the non-past tense (9).

- (8) Negative verb conjugation
1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL
<i>emm</i>	<i>egg</i>	<i>ejj</i>	<i>jeb'b'</i>	<i>jeb'b'e</i>	<i>jev</i>

⁴ The relative order of voice (PASS) and viewpoint aspect (PFV) and its accordance with the Mirror Principle, to my knowledge, remain unexplained. In fact, the precise semantic role of the aspectual marker *-l-* 'PFV' is not clear, since in Kildin Saami perfective viewpoint aspect is often realized as a null. It may be the case that *-l-* does not, in fact, represent viewpoint aspect but modifies actionality (lexical aspect).

(9) Conjugation of the verb *loogge* ‘read’ in the non-past tense [Rießler 2022: 229]

	SG	PL
1	<i>loog-a</i>	<i>loogg-ep’</i>
2	<i>loog-ak</i>	<i>loogg-bed’d’e</i>
3	<i>loogg</i>	<i>loogg-ev</i>

Contemporary scholars believe that historically these two paradigms represented the same set of present tense morphology [Sammallahti 1998: 9, 224]. Apparently, with time, their identity has been obscured in some cells of the paradigm (e.g. by the drop of *-m* in the 1SG forms of non-past verbs), but in others it remains pretty obvious (2SG, 1PL, 3PL).

3. Placement of the negation and morphological evidence

3.1. Negation as a head

Before I discuss the essence of [Mitchell 2006]’s argument, we need to first consider the structural status of negation, as it will be relevant for the following discussion. There are multiple ways to introduce negation in the structure of the clause. The existing literature usually makes use of two alternatives: negation can be introduced either as a syntactic head or a phrase. Speaking in terms of NegP projection, negation may either be the head of this projection or its specifier⁵. Both options can be observed in English, with *not* having properties of a phrase and *n’t* having properties of a head [Haegeman 1995; Zeijlstra 2004].

E. Mitchell [2006] argues that in all the Finno-Ugric languages the negative verb is the head of NegP. This, according to her, should follow from the fact that negative verbs bear agreement. This is based on the assumption that subject agreement is parasitic on the spec-head relationship: the controller of the agreement (the agreement probe) must head a projection, whereas the agreement goal must occupy its specifier. If the subject in its final position occupies Spec,TP (specifier of TP) position, it agrees with the T head. Since subjects in (many) Finno-Ugric languages agree with the negative verb, the negative verb is a head.

The logic behind the argument is reasonable, but the argument is invalidated by the data. Firstly, the main premise for the argument that the subject-verb agreement necessarily involves a spec-head configuration is false⁶. It is evident from examples like English *There are two people in this picture*. In this sentence, Spec,TP is occupied by the expletive pronoun *there* with the subject being left somewhere low around Spec,vP. Nonetheless, the verb agrees with the subject despite the subject not occupying Spec,TP. Hence, subject agreement is independent from movement, although its movement in languages like English is parasitic on ϕ -agreement [Preminger 2014: 129–174].

Secondly, a non-head (i.e., a phrase) agreeing with the syntactic subject has precedents in the literature. In the languages of Daghestan, prepositional phrases are able to express this kind of agreement ([Ganenkov 2026] for Aqusha Dargwa, [Rudnev 2020] for Avar). In (10) from Avar, we can see that the content of the agreement slot in the locative phrase *hani-* ‘here’ depends on the gender of the absolutive NP. This is the same NP that controls the verbal agreement. Though, it is still up for debate whether the phenomena found in Daghestanian languages should be analyzed as an instance of Agree operation proper [Rudnev 2020] or as an instance of Concord (see [Ganenkov 2026] and references therein for an overview of this alternatives). The point I am willing to make here is that surface agreement does not constitute sufficient evidence in defining whether a constituent is a head or a phrase.

(10) Avar (adapted from [Rudnev 2020: (4)])

- a. *jacal hani-w wac w-uχana*
 sister.ERG here-M brother.ABS M-beat.PST
 ‘The sister beat up her brother here.’
- b. *jasaz hani-j jac j-uχana*
 girls.ERG here-F sister.ABS F-beat.PST
 ‘The girls beat up their sister here.’

Another consideration that [Mitchell 2006] brings up to argue that negative verbs are heads, actually follows from the same premise (a spec-head configuration is required for agreement) and concerns the lack of agreement on the lexical verb. It is argued that agreement does not occur on the lexical verb because negation, being a

⁵ There is also an option that negation is neither and is, in fact, a feature. See [Bruening 2026] for an example of this approach applied to Mari and Udmurt. For now, I do not see how this option can be differentiated from analysing negation as a head. Therefore, I leave this option aside.

⁶ An anonymous reviewer also notes that instances of Long-Distance Agreement which do not require movement of the goal also constitute a counterexample to the claim that spec-head configuration is required for agreement.

head, blocks (in compliance with the Head Movement Constraint proposed by [Travis 1984]) the verb's movement to the position where it would enter the head-spec relationship with the subject. Apart from the fact that the subject-verb agreement does not necessarily require a spec-head configuration, there is an alternative explanation as to why agreement cannot be seen on the lexical verb: in Finno-Ugric languages, negation selects a non-finite form of the verb⁷. As we saw in Kildin Saami examples (2)–(3), negation selects a non-finite form: either the bare stem or the past participle. Although properties of the bare stem are yet to be explored (whether it is an actual bare stem, or there is a null non-finite morpheme involved), both the bare stem and the past participle cannot host an agreement marker morphologically.

Despite everything said above, I will still stick to the analysis of the Kildin Saami negation as a head because there are other arguments for this. Firstly, there is a common crosslinguistic diagnostic that allows to differentiate between a head-like and a phrase-like negation in a given language: the *why-not* test. The idea behind this diagnostic is that utterances like *why not* are formed via adjunction of two phrases [Zeijlstra 2004; Merchant 2006]. *Why* is assumed to be a phrase. Then, if a negative marker is able to occur in this collocation, it is considered to be a phrase, otherwise it is a head. When applied to English, this diagnostic clearly differentiates between *not* and *n't*. The former but not the latter is able to occur in this collocation (^{OK}*Why not* vs. **Whyn't*), thus supporting the view that the former is a phrase, whereas the latter is a head.

The Kildin Saami negation is unable to form a *why-not* collocation. Neither agreeing nor non-agreeing⁸ option is available in (11). The most natural way to express the meaning conveyed by this collocation in English is to use a full clause with a lexical verb like in (12). Hence, the diagnostic provides a clear result that negation in Kildin Saami acts as a head.

- (11) **meejt egg?*
 why NEG.2SG
 Intended meaning: 'Why not?'

- (12) *meejt egg pued'?*
 why NEG.2SG come.CNG.NPST
 'Why won't you come?'

The pair of examples above could have been explained by some prosodic properties of the negation: we could suppose that it either cannot occur at the end of an utterance or needs a host-verb. However, this is clearly not the case for Kildin Saami, since negation occurs freely in elliptical contexts without any need for phonological support (13).

- (13) *sijj taahrt-ev v'iiž'-n-e a mijj jeb'b'*
 3PL want-NPST.3PL run-ITER-INF but 1PL NEG.1PL
 'They want to run, but we don't.'

An additional consideration in favor of the head-like analysis of negation in Kildin Saami comes from the fact that negation has to be adjacent to the constituent it negates. In the case of sentential negation, it is the verb. In (14b), the negation is fronted to the position to the left of the subject.

- (14) — *kooxxt toonn kaadx-ex' loohkčuv'd-et'?*
 how 2SG lose-PST.2SG key-ACC.PL
 'Why did you lose the keys?'
 a. — *munnn emm kaadx-a*
 1SG NEG.1SG lose-PTCP.PST
 'I didn't lose.'

⁷ An anonymous reviewer mentions an alternative: the connegative morphology may be a default verbal form of some sort instead of a markedly non-finite one. This view cannot be defended for the past connegative *-(m)a*, since the same past participle is used as a participle as part of the Perfect or as a noun modifier, i.e., in environments usually occupied by non-finite forms. The non-past connegative, on the other hand, being a bare stem (with voice and aspect) looks like a candidate for a default verb form. At the same time, contemporary researchers often treat infinitives as default verbal forms (among others [Landau 2006]). It would be difficult to treat both the non-past connegative and infinitive as default. This topic needs further investigation on the Kildin Saami data.

⁸ In languages like Spanish or Italian, where 'why not' construction is banned, 'why no' construction is used instead. In Kildin Saami, the option with the non-agreeing negation would be analogous to the 'why no' construction. However, substituting *egg* 'NEG.2SG' with *ejj* 'NEG.3SG' does not improve the grammaticality of the utterance. I leave explanation of this fact for future research, assuming that its solution is irrelevant for the current paper.

b. — #emm munn kaadx-a

NEG.1SG 1SG lose-PTCP.PST

Intended meaning: ‘I didn’t lose.’

Actual meaning: ‘It is not me who lost (but somebody else).’

The configuration in (14b) is interpreted as constituent negation of the subject rather than as true sentential negation (a more detailed discussion of constituent negation will be given in the Section 4.1). The adjacency of the head-like negation to the verb is easily derived from the head-like status of the negation: the verb moves to Neg where it forms a complex head with the negation. Parts of this complex head cannot be separated via subsequent movement operations.

Taking into account the evidence presented in this subsection, I conclude that the Kildin Saami negation is a head. This fact will be relevant for the discussion below.

3.2. [Mitchell 2006]’s argument

In the current subsection, I will present [Mitchell 2006]’s morphological diagnostic for establishing the position of the negative projection in a clause. I will demonstrate how this diagnostic works when applied to the Kildin Saami data. For the discussion of the validity of this diagnostic when applied to the Kildin Saami data see Section 4.

[Mitchell 2006] capitalizes on the observation that sentential negation in Finno-Ugric languages, whenever it comes in a form of a negative verb, can occur in one of the two forms: either the negative verb bears a tense morpheme with the lexical verb being unmarked for tense, or the negative verb does not bear tense morphology leaving the burden of tense marking to the lexical verb. In both cases, the subject agreement is expressed on the negative verb. An example of the former type of languages is Komi (15)—(16), an example of the latter type is North Saami (17). In Komi, the negative verb can inflect for tense expressing non-past (15) or past (16). The form of the lexical verb remains unchanged and resembles its bare stem.

(15) IZHMA KOMI

o-g mun

NPST-1 go

‘I do / will not go.’ [Birjuk et al. 2010: 224]

(16) *i-g mun*

PST-1 go

‘I did not go.’ [ibid.]

The North Saami pattern is practically the same as we saw in the Kildin Saami examples (2)—(3): whenever the tense reference has to change, the lexical verb is inflected with the negative verb remaining intact (17).

(17) NORTH SAAMI

i-n mana / i-n mannán

NEG-1SG go / NEG-1SG go.PTCP.PST

‘I don’t go.’ / ‘I didn’t go.’ [Sammallahti 1998]

It is also worth noting that there are no Finno-Ugric languages exhibiting an otherwise imaginable pattern which could be schematically represented as *Neg-T V-Agr, meaning that the tense feature is morphologically attached to the negation and the ϕ -features are attached to the verb.

The analysis under discussion strives to explain all the negation patterns, existing and unattested, as following from the clause structure in the corresponding languages. More precisely, the differences among the Finno-Ugric languages are attributed to the differences in the position of NegP.

This analysis is based on the following assumptions: 1) the clause structure of both positive and negative clauses has the rigid hierarchical order (18), with NegP being able to occur in different parts of the hierarchy depending on the language in question; 2) the overt tense-like morpheme is introduced by TP no matter what the morphological realization of the tense semantics is: both the cumulative tense-agreement morphemes and the participial tense under negation are treated as tense morphemes without further investigation. In Section 4, I am going to argue that both assumptions are not necessarily true for Kildin Saami.

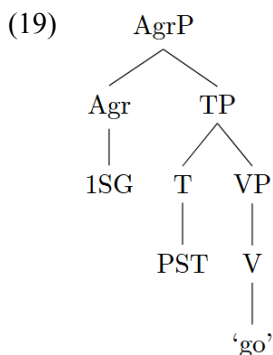
(18) AgrP > (NegP) > TP > (NegP) > VP

The framework E. Mitchell [2006] uses for establishing her argument presupposes the theory of word formation based on Head Movement [ibid.: 234]. For instance, for a finite verb to acquire tense morphology,

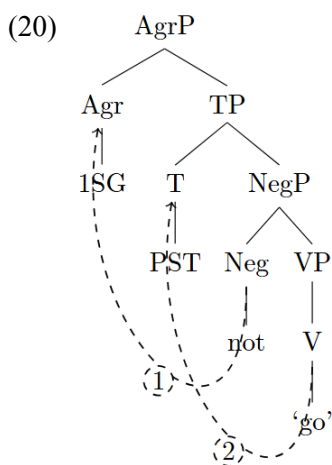
V must move to T to check T's tense features. If this kind of movement is for some reason impossible, the correct word form cannot be built.

However, verbal word formation is not always accompanied by verbal movement. For such cases Distributed Morphology [Embick, Noyer 2007] introduces a specific operation of post-syntactic Lowering (an operation that adjoins a head to the head of its complement). [Harizanov, Gribanova 2019] argue that both the verbal Lowering and Raising (a postsyntactic counterpart of Head Movement) represent the same operation (with the only difference being their direction) and take place after the syntactic structure is already built. [Mitchell 2006] does not introduce the notion of Lowering, which means that she treats all of the instances of verb movement for the purposes of word-formation as Raising (Head Movement)⁹. Whether the nature of this movement is syntactic or post-syntactic is not discussed [ibid.: fn. 1]. Additionally, [ibid.] does not provide data showing that Head Movement (e.g., V-to-T movement), actually, takes place in the languages she discusses. For the purposes of space, I will not discuss these questions and their implications here.

Let us see how the [Mitchell 2006]'s argument for NegP placement works taking North Saami as an example. Assuming the clausal hierarchy in (18), the syntactic structure of a positive 1SG past tensed clause with the semantics 'I went' should look like (19). The structure of negated utterances like (17) above must reflect the fact that negation bears ϕ -features, whereas the finite verb carries the tense feature.

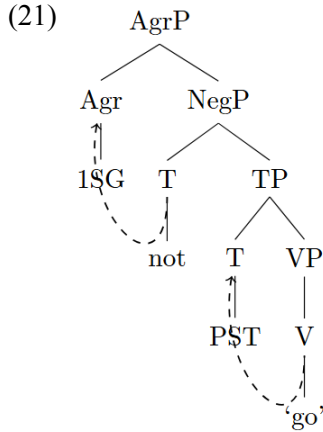
In order to determine whether NegP is placed above or below TP in the structure above, we can insert NegP in different places in the structure and analyze the resulting morpheme distribution. If NegP is placed below TP (20), neither Neg can move to Agr to check its features, nor V can move to T to check its tense features. The reason behind this is the fact that, in both cases, there is an intervening head which blocks the movement. V on its way to T would need to stop at Neg, obeying the Head Movement Constraint, while Neg on its way to Agr would need to stop at T for the same reason¹⁰. In order to achieve the correct distribution of morphemes (Neg-Agr V-T), the heads should be able to skip intervening heads in the way illustrated by the arrows in (20), which violates the Head Movement Constraint.

⁹ [Georgieva et al. 2021] show that a system without Lowering is unable to construct the correct word-forms in Udmurt. I am not going to discuss the Lowering operation, since this discussion is outside the scope of this paper. An interested reader can see the referenced paper and a response to it [Bruening 2026].

¹⁰ In fact, if Neg moves to T and then to Agr we get the morpheme distribution in Komi (15)—(16): negation bears both tense and agreement features, while the verb is represented by a bare stem.

Otherwise, if NegP is placed above TP as in (21), V is free to move to T and check its tense features, whereas negation is able to check Agr's features. This leads to the conclusion that under current assumptions NegP should be placed above TP in languages like North Saami. Only a structure with NegP above TP would predict the correct distribution of tense and agreement. Kildin Saami, representing the same morphological pattern (cf. (17) and (1)–(3)), should be treated accordingly.

As we saw above, it should be practically impossible to place NegP below TP in Kildin Saami given [Mitchell 2006]’s assumptions. However, in the next section I will argue that, under closer examination, the argument proposed in [Mitchell 2006] cannot be applied to Kildin Saami (and probably other languages with a similar pattern).

4. Observations (and generalisations) conflicting with the analysis

In this section, I am going to present some facts that are overlooked by Mitchell [2006]’s analysis, which is solely inspired by the distribution of morphological markers. Her analysis is based on the implicit assumption that the only difference between positive and negative clauses is the presence of the negative projection. Below, I will defend two points: 1) agreement features in negative clauses do not originate from the clausal spine but are introduced along with the negative head; 2) negative clauses in Kildin Saami are not morphologically tensed. These facts will allow us to see the shortcomings of the previous analysis of the sentential negation in Kildin Saami.

4.1. Agreement

As I showed in Section 1, in Kildin Saami the sentential negation bears the agreement marking while the lexical verb is only able to express tense. I repeat examples (1)–(3) to illustrate this pattern again.

- (22) *mun* *puad-a* / *puud’d’-e*
 1SG come-NPST.1SG / come-PST.1SG
 ‘I come/ I came.’ (= 1)

- (23) *mun* *emm* *pued’*
 1SG NEG.1SG come.CNG.NPST
 ‘I don’t come.’ (= 2)

- (24) *mun* *emm* *puadd-ma*
 1SG NEG.1SG come-PTCP.PST
 ‘I didn’t come.’ (= 3)

The very same negative verb can also be used as a contrastive negation marker in terms of [Toosarvandani 2013] and [Wu 2026]. This function of negation is also often called ‘constituent negation’ in the literature. In the current paper, I will stick to ‘contrastive negation’, since all of my examples involve some kind of contrast between the negated constituent and its alternatives. In the function of contrastive negation, the negative verb exhibits the same ability to morphologically express ϕ -features (25)–(26). In these examples, negation may take different forms. Let us examine the first form in both of the examples. These instances of negation show that the contrastive negator is able to agree with the subject of the clause. Note that neither the possessive pronoun *mun* ‘1SG.GEN’ in (25), nor the dative argument of the ditransitive verb *ton’n’-e* ‘2SG-DAT’ in (26) inter-

vene between the negation and its goal. Roughly, whenever a contrastive negation occurs in a finite clause, it is always able to agree with the subject of the same clause.

- (25) *toonnn vuul'l't-ek' mun egg / ejj vuem'm' a odd pas'tem'*
 2SG take-PST.2SG 1SG.GEN NEG.2SG / NEG.3SG old but new spoon.ACC
 'It is not an old spoon of mine but a new one that you took.'
- (26) *munnn vuulgx-e ton'n'-e emm / ejj / *egg kir'j-et' a muur'j-et'*
 1SG send-PST.1SG 2SG-DAT NEG.1SG / 3SG / 2SG letter-ACC.PL a berry-ACC.PL
 'I sent you not letters but berries.'

However, in both (25) and (26) agreement on the negation is optional. It would be unfair to say that these two variants (with and without agreement) are equally acceptable. As a general rule, agreement in examples like (25)–(26) is always acceptable, whereas the default 3SG agreement is degraded for some speakers. To my understanding, this may be connected to the process of shaping of the literary norm of the language with agreeing negation being part of the norm and non-agreeing negation being part of the spoken language. I leave explanation of this asymmetry for future research.

I consider 3SG features as a default set of ϕ -features based on two facts. Firstly, this is the set of features the verb has in the absence of a proper nominative subject. In (27), we can see that the negation in a finite clause fails to acquire the 1SG features of the dative nominal argument, and in the absence of an appropriate nominative goal for the agreement the conjugated (negative) verb ends up with the default 3SG features.

- (27) *min'n'-e ejj / *emm kppštedd što toonn l'aa-k t'iirvas*
 1SG-DAT NEG.3SG / NEG.1SG seem.CNG.NPST that 2SG be-NPST.2SG healthy
 'It doesn't seem to me that you are healthy.'

Secondly, in Kildin Saami the particle 'no' used in negative responses can be expressed by the means of the negative verb with the 3SG features (28). Note that in this example the negative particle is followed by the negated verb with the negation exhibiting the full range of features.

- (28) — *toonnn egg vuul'k laaffka?*
 2SG NEG.2SG go.CNG.NPST shop.DAT.SG
 — *ejj emm vuul'k*
 NEG.3SG NEG.1SG go.CNG.NPST
 '— Won't you go to the shop? — No, I won't go.'

It is clear that the negative particle *ejj* is derived from the negative verb. I assume that this connection is not just diachronic but synchronic. The negative verb that we see in the negative answer is the same syntactic unit as the standard sentential negation (both of them spell out Neg and, if possible, ϕ -features). Its 3SG form is what we expect in a context where the negation cannot agree with the subject. The negative answer in (28) does not represent a negative head on the clausal spine of the main clause (the negative head is expressed by *emm* 'NEG.1SG'). Probably, this item enters the derivation as an adverbial phrase containing the same feature(s) the sentential negation has. Arguably, it may also be syntactically independent from the main clause¹¹. In both cases, the negation does not c-command the subject (either being inside a clausal adjunct or being an independent utterance) and therefore cannot agree with it (see below for the discussion motivating the need of an agreement probe on negation). Being unable to acquire any nondefault ϕ -features, the negation surfaces as *ejj* 'NEG.3SG'. If the negation does not carry an agreement probe in (28), its form should still be considered default (the form without any marked features).

Another possible way to produce a negative answer would be to simply use a conjugated form of the negative verb (in (28) it would be just *emm* 'NEG.1SG'). This option seems to be the preferred one in the absence of a sentential continuation containing the situation from the preceding question. However, this type of a negative

¹¹ An anonymous reviewer notices that in this case *ejj* 'NEG.3SG' must be able to occur as a full negative response. Indeed, there are such examples in published texts.

- (i) — *kuusskel mun vuez' čuec'k'-es' k'iidd kpplldeg-e=guejm, v'eeek'eh't'! — aann jnull*
 touch.IMP.SG 1SG.GEN forehead.ACC cold-ADJ hand palm-GEN.PL=COM help.IMP.2SG ask.NPST.3SG beam
 — *ejj, — vuestta saarrn vaar' n'ijjt*
 NEG.3SG in_return speak.NPST.3SG forest.GEN daughter
 '— Touch my forehead with your cold palms, help! — asks the Beam.
 — No, — says the Forest's daughter in return.' [Yuryev, Yuryeva 2017: 75]

answer could be analyzed not as a negative particle *per se* but as a clause with an elided verbal phrase (as the agreement on negation indicates). In contrast, the fact that the negative particle in (28) does not surface with the subject's features makes it clear that it does not occupy the syntactic position of the sentential negation. All of this should be enough to consider 3SG as the default set of features.

In order to continue the discussion, we need to introduce the notion of Agree operation. Following [Preminger 2014], I assume that Agree operation is initiated by an unvalued feature (probe) that looks in its c-command domain for an appropriate goal. When the goal is found its features are copied by the probe. If the goal does not have the features needed to value the unvalued features of the probe the agreement is considered to be failed and is realised by default features.

As we saw above, in some syntactic configurations contrastive negation can either bear or not bear the ϕ -features of the subject (25)–(26). I believe that in the syntactic configurations allowing for the optional agreement on negation ϕ -features are not transferred to the negation via any kind of known Agree operation but via some other process, namely, Concord. I leave a complete description of the contrastive negation and its agreement pattern in Kildin Saami for another paper. Here I will only address the distinction between the contexts where the agreement is optional and the contexts where the agreement is obligatory. There is one syntactic configuration that makes the presence of the ϕ -agreement on the contrastive negation necessary: negation of the (nominative) subject, as in (29). There appears to be a clear contrast between utterances like (25)–(26) and (29).

- (29) *emm / *egg / *ejj munn a toonn jvdj-ex lujavr-a*
 NEG.1SG / 2SG / 3SG 1SG but 2SG go-PST.2SG L.-DAT
 'It is not me but you [who] went to Lovozero.'

What we see empirically is that there are two instances of negation which obligatorily agree with the subject (subject negation and sentential negation) and other instances of negation allowing for default agreement (e.g., the negation of a direct object). I want to emphasize this contrast and note that there is also a significant structural difference between the former and the latter. The two structural configurations provided by the subject negation and sentential negation are the only two possible configurations with the negation c-commanding the nominative subject. The sentential negation being a head on the clausal spine c-commands all of the arguments present in the vP including the subject. The contrastive negation, on the other hand, forms a constituent with the phrase it negates. Utterances like (25) reintroduced as (30) with the contrastive negation embedded deeply into a DP (in this example an adjective is negated) constitute evidence in favour of such view, since an alternative analysis involving clausal *a* 'but' coordination and ellipsis within the conjuncts would force us to postulate an undesirable instance of backward ellipsis [Toosarvandani 2013].

- (30) *toonn vovl'l't-ek mun ejj / egg vuem'm' a odd pas't'em'*
 2SG take-PST.2SG 1SG.GEN NEG.3SG / NEG.2SG old but new spoon.ACC
 'You took my not an old but a new spoon.' (= 24)

The subject negation in (29) is consistent with this approach to contrastive negation. Thus, I assume that the negation in this example is directly merged to the negated constituent. This is why the negation c-commands the subject, when the subject is negated.

From the vast majority of the literature, we know that c-command is a necessary condition for the probe to find the goal (among others [Preminger 2014; Rudnev 2020]). Thus, the contrast between sentential and subject negation and other instances of contrastive negation (we can also add the negative answers discussed above) indicates that the obligatory agreement of negation is the result of Agree operation. For it to be possible, the negative head has to come into derivation with its own agreement probe (unvalued ϕ -features) as opposed to taking the ϕ -features of the subject from a separate Agr head on the clausal spine. Both sentential and contrastive negation should be carrying their own ϕ -probes, since they are morphologically identical and there is no reason to treat them differently in this respect.

The only difference between the two would be that the sentential negation selects for a connegative, whereas the contrastive negation selects for whichever constituent type is negated, allowing for tensed verb forms with subject agreement to be present in the same clause. Note that, if we were to assume an analysis with negation not carrying its own agreement probe, we would need some kind of additional independent mechanism to explain the distribution of obligatory and optional agreement of negation.

There is still the question of what happens with the ϕ -probe that is presumably still present in the clausal spine as Agr (or as a T's probe) but is not morphologically overt due to the sentential negation's own probe. I believe there are multiple possible solutions to this problem. One of the solutions is that doubling features are somehow deleted from the structure by some rule disallowing the same feature to be expressed twice on the same morphological word. We can introduce some sort of a haplology mechanism converting the sequence of

identical morphemes into one morpheme (see an overview of approaches to syntactic haplology in [Neeleman, Van de Koot 2006]). Another solution may be that in the negative clauses there is no ϕ -agreeing probe to begin with aside from the one introduced by the negation. This would be in line with [Preminger 2019]'s conclusion that there can be no paradigmatically null ϕ -agreement, since there is no combination of ϕ -features that is able to constitute an additional morpheme for agreement. I leave the exploration of the specific mechanism behind this for future research. For the purposes of the current article any approach would fit.

As an interim summary of this subsection, drawing on the data on contrastive negation, the agreement features seen on the sentential negation in a finite clause should be rather analyzed as features originating from the agreement probe present on the negation and not from an agreement head present in the clausal spine. What is more important for the current discussion: whether the negation is above or below TP, is completely irrelevant for the placement of agreement morphology because the corresponding probe is base-generated in the same position as negation.

4.2. Tense

The identity between the tense features present on finite verbs and connegatives is another big topic for discussion that is not usually brought up even in connection with the better studied languages, like Finnish. For example, [Holmberg et al. 1993] simply assumes that the Finnish past participle represents past tense but there seems to be no discussion concerning the semantic contribution of the participial past tense and its difference from the finite past tense¹². In this subsection, I am going to argue that the connegative tense has nothing to do with a proper tense marking. The discussion will mostly concern the past participle/connegative *-(m)a*. I assume that the correct analysis of *-(m)a* must cover all of its uses (adnominal modifier, connegative, part of periphrastic Perfect). First, I will show that, albeit its name, it should be considered to be neither absolute nor relative past tense. Then, I will show how *-(m)a* can be analyzed under the notion of anteriority aspect (an aspectual marker stating that the event described by the verb precedes the topic time). In the end, I will discuss the non-past connegative.

As we can see from the examples (31) and (32), the two morphemes that are traditionally said to represent tense [Rießler 2022: 235] features are not remotely close in their morphological forms: the tense of a finite verb is expressed by the means of a portmanteau morpheme that spells out ϕ -features (person and number) along with the tense, whereas the connegative tense is marked either by null (non-past) or by the *-(m)a* suffix (past), as in the example below. It is clear that at least from the morphological point of view tense in affirmative and negative clauses is not the same. In this section, I will argue that the distribution of the *-(m)a* suffix indicates that it is not a tense affix per se but a marker of anteriority aspect.

- (31) *loog'g'-e*
 read-PST.1SG
 'I read.'

- (32) *emm loogg-ma*
 NEG.1SG read-PTCP.PST
 'I didn't read.'

The *-(m)a* participle in Kildin Saami is known to be multifunctional. Let us look at the occurrences of *-(m)a* outside of negated clauses. First of all, as was noted earlier, the very same past participle is used in forming the Perfect (33) and the Pluperfect (34). In compound tenses, the genuine tense features are spelled out on the auxiliary and not on the lexical verb: the only morphological difference between the Perfect and the Pluperfect is the tense marking on the be-auxiliary (non-past in the Perfect, past in the Pluperfect). In such forms the participle is selected by the perfect aspectual head (the one that is responsible for the introduction of the copula). Since the absolute tense marking in these compound tenses is introduced on the auxiliary, we can conclude that *-(m)a* does not represent an absolute tense.

- (33) *sijj veenns-et' l'ee-v lihk-ma*
 3PL boat-ACC.PL be-NPST.3PL make-PTCP.PST
 'They **have** made boats.' [Rießler 2022: 230] (= 6)

¹² The only paper I am aware of is [Julien 2015]. Marit Julien discusses tense properties of past participles and past connegatives in Finnic and Saami. I am not going to discuss this paper in any detail here, but I want to note that the author investigates "tense" in these non-finite forms based on the assumption that the clausal structure is reflected in morphology exactly as it was proposed by [Mitchell 2006]. Since the current paper seeks as its goal to undermine this assumption, I take my arguments from elsewhere and come to different conclusions.

- (34) *sijj veenns-et' l'ijj-en' lihk-ma*
 3PL boat-ACC.PL be-PST.3PL make-PTCP.PST
 'They **had** made boats.' [ibid.: 231] (= 6)

There is an analytical possibility that *-(m)a* is a relative past tense morpheme. This option would be compatible with its semantics, since in compound tenses (33)–(34) it seems to place the time of the event prior to the time introduced by the marking on the copula (e.g., (34) states that the event occurred before some point in the past). Following [Chen et al. 2021], I suppose that there cannot be two true tense morphemes in a clause, and not just two absolute tense morphemes: a relative tense cannot co-occur with an absolute tense in a single clause as well. Chen et al. [ibid.] argue that the Atayal *-in* morpheme represents relative tense, not perfect aspect. One of the diagnostics used is exactly the (non-)co-occurrence of this morpheme with the proper tense marking. In English, a language with an undeniably aspectual perfect marking, the perfect marking (participle + *have* auxiliary) routinely co-occurs with the future tense marking to yield the Future Perfect (e.g., *will have rained*). This clearly contrasts with *-in*, since this marker cannot co-occur with the future tense morphology (35).

- (35) *p-(*<in>)qwalax / musa' m-(*<in>)qwalax kayal=nya'*
 FUT.AV-<E.PST>rain / FUT AV-<E.PST>rain sky=3SG.GEN
 'It will rain.' [ibid.: 746]

This diagnostic can be easily applied to Kildin Saami. Kildin Saami, along with the Perfect and Pluperfect, has the Future Perfect which differs from the former two forms in that in this construction the copula is marked by the Potential inflection instead of the non-past or past marking. Although historically the Potential was a mood marker, in contemporary Kildin Saami its use has reduced to the genuine future marking of the *be*-copula [Riebler 2022: 228]. Paired with the Pluperfect examples like (34) above, (36) adds up to the evidence that *-(m)a* is, in fact, able to co-occur with the proper tense marking (past or future) in a single clause, which means that the *-(m)a* participle does not represent a relative tense (as well as an absolute tense).

- (36) *kues's' toonn son'n'-e janda joddj-ax soon l'aa-ŋč ujtt-ma naal'j-ant p'eejv*
 when 2SG 3SG-DAT tomorrow go-NPST.2SG 3SG be-POT.3SG leave-PTCP.PST four-ORD day.ACC
 'When you come to him tomorrow, he will have left four days [ago].' (Maria Kosheleva, p.c.; adapted from [Bohnmeyer 2014 (12)])

With regard to the Perfect, Pluperfect and Future Perfect, the “past” participle actually denotes anteriority of the event to the time introduced by the tense of the proposition expressed on the auxiliary. Assuming that the main property of tense is to relate topic time to the utterance time [Klein 1994], *-(m)a* does not fulfill the role of a tense marker in (33), (34) and (36). Below, I will elaborate more on its role in the Perfect, but it already seems that in such forms the function of *-(m)a* is rather aspectual (locating event time relative to the topic time [ibid.]) than temporal (locating topic time relative to the utterance time). This analysis will later be extended to the *-(m)a* connegative forms traditionally analyzed as introducing the past tense semantics.

Such an analysis is further supported by another function of the *-(m)a* participle in Kildin Saami: the head of a relative clause modifying an NP (37). In this function, the *-(m)a* participle has the anteriority aspect interpretation as well. In (38), the verb in the main clause (paired with the adverb *janda* ‘tomorrow’) locates the topic time in the future relative to the utterance time: the speaker will give sweets to the children tomorrow.

- (37) *tuul'lj-eškuadd-ma čaaz' ujtx-en'*
 boil-INCH-PTCP.PST water.ACC take_away-PST.3PL
 'They took away the water that started to boil. (impersonal)'

- (38) *munñ janda and-a jaallks-et' udla lihk-ma paarn-et'*
 1SG tomorrow give-NPST.1SG sweet-ACC.PL faster make-PTCP.PST child-DAT.PL
 {Context: I am giving a task to the children. Tomorrow I will ask them who made the task faster.} 'I will give sweets to children who will have made it faster.'

The event in the relative clause necessarily has to occur before the event in the main clause because the children will already have the task finished by the time the speaker comes to check the results. Crucially, the event of the relative clause comes after the utterance time ruling out the possibility of the genuine past tense interpretation. Thus, in this sentence, the *-(m)a* participle cannot be interpreted as an absolute tense marker: only the relative reading is possible, which, as I argued above, should in fact be derived from the status of *-(m)a* as anteriority aspect.

Summarizing, what we have is that the *-(m)a* participle can (and, in fact, should) be analyzed as aspect at least in two of its instances (the Perfect/Pluperfect/Future Perfect and the head of a relative clause). For now,

there seems to be no reason to consider the $-(m)a$ participle in its connegative function to be any different from these two instances. The null hypothesis is that the connegative $-(m)a$ is the same as both other instances: it denotes anteriority aspect in all of its functions.

The analysis of $-(m)a$ under negation as anteriority aspect explains why previous researchers described it as a past tense: in the absence of (overt) tense in the clause the anteriority aspect yields the same semantic effect as the absolute past tense (event time is located before the utterance time). Let us show how this similarity between the past tense and anteriority aspect is achieved.

Let us assume that T is present in the structure of negated clauses in Kildin Saami as a phonologically null head introducing a default tense feature, namely, the present tense¹³ (alternatives to this analysis will be discussed below). It would mean that the topic time (TT) coincides with the utterance time (UT). Anteriority aspect, in turn, would indicate that the event time (ET) is before the topic time. Schematically it would look like: $ET < TT = UT$ ¹⁴. If $-(m)a$, instead of anteriority aspect, were to introduce an absolute past tense ($TT < UT$), the temporal structure of the clause would look like $ET = TT < UT$ [Klein 1994]. In practice, both of the schemes ($ET < TT = UT$ and $ET = TT < UT$) are almost indistinguishable from each other because both of them imply the $ET < UT$ ordering, whereas the position of TT is undetectable in a simple clause (e.g., in a simple negative clause). This explains why $-(m)a$ can be mistaken for an absolute past tense marker.

Obviously, the identity of the invisible T cannot be easily determined. In the sketch above I assumed that T is expressed by a phonologically null present tense operator. There are at least two other possible analyses.

Another alternative would be to assume that T introduces not some kind of present tense feature but a temporal variable. This variable is valued as coinciding with the utterance time via the mechanism of *Now-anchoring* [Giannakidou, Mari 2018: 21]. *Now-anchoring* is a rule that substitutes any free variables with t_u (utterance time). This also seems to be compatible with the temporal interpretation of negative clauses and with the analysis of $-(m)a$ as anteriority aspect.

The third and last alternative is that tense in utterances with negation is absent altogether. In this case, the topic time introduced by aspect gets bound by the moment of speech (among others [Bohnenmeyer 2014; Pancheva, Zubizarreta 2023]). Thus, the anteriority aspect that puts the event time before the topic time would at the same time put the event time before the utterance time giving the same semantic effect as if it were an actual past tense.

Thus, there are multiple ways to deal with the tense relation in negative clause in a way compliant with the proposed analysis of the $-(m)a$ participle. For this reason, I do not commit to any particular view on the presence or role of TP in negative clauses, since it is not relevant for the purposes of the current paper. Nonetheless, in Section 5 I will assume that TP is present in negative clauses and discuss the placement of NegP with respect to TP. If TP is absent in negative clauses, the discussion of NegP's and TP's relative placements is meaningless.

A proponent of a polysemous analysis of $-(m)a$ would note that multiple instances of $-(m)a$ can occur within a single clause: an example of this is the negated clause with the Pluperfect in (39). In my view, this piece of

¹³ There is also a logical possibility with the negation bearing the non-past tense marking (recall that the paradigm of negation is historically non-past, Section 2). This alternative can be ruled out based on the data on contrastive negation that does not change its form in past tense clauses (25)–(26). Komi, being a language with the same usage of the conjugated negative verb as marker of contrastive negation, marks the tense of the clause on the contrastive negation.

(ii) *me mun-a o-g ile*
1SG go-PRS.1SG NEG-1 far.ILL
'I do not go far.' [Lit. 'I go not far.']

(iii) *mi mun-im e-g(e) ile*
1PL go-PST.1PL PST.NEG-1(PL) far.ILL
'We did not go far.' [Lit. 'We went not far.'] [Hamari 2015: 256 from Cypanov 1996]

The difference is that negation in Komi has morphological means to express past tense, whereas in Kildin Saami it does not. I conclude that since tense is invisible on negation in Kildin Saami, it is actually absent.

¹⁴ $X < Y$ means that X temporally precedes Y; $X = Y$ means that X temporally coincides with Y.

I am using the three-point system for the sake of simplicity. This system does not allow for expressing viewpoint aspect (perfective/imperfective). If we were to incorporate this distinction, an additional point should be introduced (e.g., Bohnemeyer's [2014] perspective time). In this system ($ET < TT < PT < UT$), the (null) viewpoint aspect below the participle would encode the relation between ET and TT (in accordance with [Klein 1994]), whereas the $-(m)a$ participle would relate TT and PT.

In fact, in Kildin Saami both perfective and imperfective viewpoint aspects are allowed in negated past clauses, hence the full description requires a four-point system.

data can be captured if we assume that *-(m)a* does not just relate the event time to the topic time but has a broader semantics: it takes two points in time (variables) and places one of them before the other. I do not insist that this rough definition should be final, but it accomplishes one goal: it captures the idea that in (39) different instances of the *-(m)a* participle have different semantic impact. In the example below, the lower *-(m)a* relates the event time to the topic time and the higher one relates the topic time to the utterance time. It is clear that both points that *-(m)a* relates on the time axis are not part of *-(m)a*'s selectional properties: it is not the case that *-(m)a* selects only for the event time, it is also able to select the topic time but does not necessarily do so. As for the higher instance of *-(m)a* in (39), I believe that, although its role is similar to a tense morpheme, it does not require the utterance time the same way tense does: *-(m)a* takes the utterance time to fill its variable, since it is the most easily available time point, whereas for absolute tenses the utterance time is a rigid part of their semantics (among others [Klein 1994; Bohnemeyer 2014]).

- (39) *a sijj voof's'e jev l'ijj-ma m'iin saajjm-a pbbx-a*
 INTJ 3PL at_all NEG.3PL be-PTCP.PST 1PL.GEN net-DAT.SG fall_into-PTCP.PST
 'They had not fallen into our net' [Mechkina 2014: 14]

A complex study of the *-(m)a* participle is a big task that should involve analysis of multiple constructions. I do not aim to provide a complete analysis here. The main purpose of this discussion is to show that similar morphemes that were analyzed by my predecessors as tense marking (in case of Kildin Saami, I refer to the past connegative) can in principle be something else, and, as a consequence, the assumption that the past connegative marker occupies T should be further motivated. For now, I am convinced that there is a very plausible line of analysis, according to which the Kildin Saami *-(m)a* participle behaves semantically as an aspectual marker in most of the cases (Perfect, relative clause), and the less clear cases (negation) can be explained in the same vein.

Another connegative form that may be analyzed as tensed is the non-past connegative. However, the main characteristic of this form is the lack of any morphology. The non-past connegative has no dedicated affix and is expressed by the means of a bare weak stem (40). This form is fully homonymous with the plain singular imperative, which is also expressed by the bare weak stem (41). Since the non-past connegative has null marking, there is no particular reason to postulate tense features in the syntax: (40) can be simply a tenseless clause, which is interpreted as non-past by default (e.g., via *Now-anchoring* mentioned above).

- (40) *p'et'a toon ejj t'iid*
 P. 2SG.ACC NEG.3SG know.CNG.NPST
 'Petya does not know you.'

- (41) *t'iid m'iin paarn-et'!*
 know.IMP 1PL.GEN child-ACC.PL
 'Know our children!'

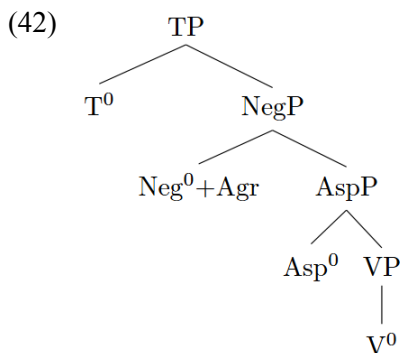
Thus, the negative head selects an untensed form: this untensed form may either bear the anteriority aspect marking or surface as a bare stem¹⁵. Depending on the presence or absence of this aspectual marking, the event can be interpreted as preceding or not preceding the topic time. This way, we get the effect of past or non-past tense, respectively.

As I see it now, there are no good reasons to analyze the Kildin Saami connegative morphology as realization of tense features. At the same time, there are reasons to actually analyze the past connegative morphology as anteriority aspect. I will stick to this analysis in the rest of the paper.

5. Diagnosing the position of NegP

In the previous section, I reviewed two points conflicting with the assumed structure of negative clauses under [Mitchell 2006]'s approach. Firstly, negation bears its own agreement probe; secondly, the alleged connegative tense suffix has multiple usages reminiscent of aspectual marking rather than tense. The structure below (42) illustrates the clausal structure I am advocating for: the *-(m)a* suffix occupies Asp as anteriority aspect and the negation together with its agreement probe constitute a complex head in Neg.

¹⁵ The reanalysis I propose predicts that there may be differences between the finite past tense and the past participle / past connegative. Since these are distinct entities, there may be differences in semantics. This is indeed the case in Kildin Saami. Both the Perfect and the finite past tense can have the experiential reading, whereas the non-perfect past connegative does not have one, as well as the *-(m)a* participle acting as an adnominal modifier (Maria Kosheleva, p.c.).

Note that in this structure I place NegP below TP in contrast to what [Mitchell 2006] proposed. With all the changes applied, the distribution of morphological material in a negative verbal complex can be successfully predicted with any placement of NegP: either above or below TP. This is possible due to the fact that the *-(m)a* suffix is reinterpreted as anteriority aspect. Under the Head Movement approach to word formation, V moves to Asp and then to Neg, where Neg is already set up with its own ϕ -probe. The content of the T head, in fact, is never pronounced and cannot indicate the NegP's placement.

With this in mind, it appears that the question of where NegP should actually be placed in Kildin Saami should be reopened. There are not many arguments allowing to choose between the above and below TP options. However, the ones I will present below are better compatible with Neg being below T. That is why in (42) I place NegP below TP. Both of the arguments in favour of this analysis come from the scopal interaction between negation and other scope taking entities.

Firstly, negation in a prosodically neutral negative sentence takes scope below the subject (43) but above the direct object (44). This contrast shows that the syntactic position of the quantifier phrase is involved in determining its scope. Following the long-standing tradition, I assume that the subject's final position is Spec,TP and Kildin Saami is no exception. Under this assumption, it is only natural that, in order for negation to take scope below the subject, it has to be interpreted below Spec,TP. Given [Mitchell 2006]'s opposition between the negation being either above or below TP, this argument would clearly favour the TP > NegP over the NegP > TP configuration.

- (43) *pugg parna jev puadd-a*
 all child.PL NEG.3PL come-PTCP.PST
 'All children didn't come.' (ALL > NEG; *NEG > ALL)

- (44) *parna jev poorr-ma pugg kuur'nex'-et'*
 child.PL NEG.3PL eat-PTCP.PST all fish_pie-ACC.PL
 'Children didn't eat all of the fish pies.' (NEG > ALL; *ALL > NEG)

Note that this argument does not contradict an alternative (third) view under which negation does not head a separate projection but represents [+neg] feature on T [Bruening 2026], since the specifier of TP outscopes its head by definition. Thus, strictly speaking, the contrast between (43)—(44) only proves that the negation is not higher than TP, but can occur at T or below it.

The second argument is more subtle and is based on shakier ground, but, if being on the right track, it favours the Neg below T hypothesis over the Neg as feature on T hypothesis. In Kildin Saami, there are multiple ways to express the inchoative aspect¹⁶: at least two analytical constructions and a dedicated suffix¹⁷.

What is interesting for us here is that the inchoative verb *al'l'k'e* 'start' and the inchoative suffix *-škuedd-* are able to take scope both above and under negation (45), (46). The word order with the inverse scope of negation remains the same as with the surface scope: negation precedes the highest verb, which in the case of the

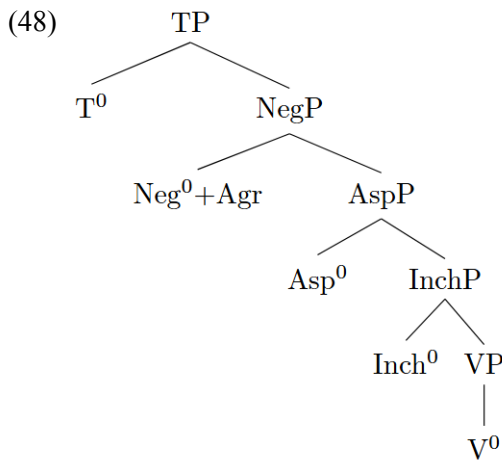
¹⁶ For the present discussion, it suffices to say that the Kildin Saami inchoative is some kind of aspect. It somehow relates the runtime of a situation to the topic time. We can say that it specifically places the initial point of a situation within the TT. It is still to be investigated, what type of aspect the Kildin Saami inchoative represents (viewpoint or actionality). For the present purposes, I will call it aspect meaning that its projection is located somewhere above the verb and below tense (where all aspectual projections are located).

¹⁷ The inchoative verb *vvlkxe* 'begin' is diachronically derived from the inchoative verb *al'l'k'e* 'start' via a causative derivation, although synchronically this type of root alternation between a verb and its causative counterpart is rather unexpected [Rachinskaya 2023]. Thus, for the purposes of the current discussion it would be safer to assume that synchronically these two verbs are different lexemes.

construction with *al'l'k'e* is the inchoative verb. The inverse scope is reflected in the translation with the verb ‘to stop’, since ‘start not to P’ is equal to ‘stop P’¹⁸. The verb *nnlkxe* ‘begin’, on the other hand, does not give rise to the inverse scope (47).

- (45) *munn emm allg-a vaall-e raaz-et'*
 1SG NEG.1SG start-PTCP.PST pour-INF plant-ACC.PL
 a. ‘I did not start to water plants.’ (NOT > START)
 b. ‘I stopped watering plants.’ (START > NOT)
- (46) *vaas's'k' ejj kuure-škuadd-ma*
 V. NEG.3SG smoke-INCH-PTCP.PST
 a. ‘Vasya didn’t start to smoke.’ (NOT > START)
 b. ‘Vasya stopped smoking.’ (START > NOT)
- (47) *munn emm nnlkx-a vaall-e raaz-et'*
 1SG NEG.1SG begin-PTCP.PST pour-INF plant-ACC.PL
 a. ‘I didn’t start to water plants.’ (NOT > START)
 b. *‘I stopped watering plants.’ (*START > NOT)

In what follows, I will base my discussion on the properties of the inchoative suffix *-škuedd-* but the same line of reasoning can be applied to the verb *al'l'k'e* ‘start’ after minor adjustments. It would be natural to assume that the observed morpheme order in (46) is what the syntax produces. Negation selects for anteriority aspect (or a bare stem in the case of the non-past time reference), which in its turn selects for inchoative. This structure is illustrated in (48); I stick to naming the projection introducing the participial morphology as AspP for the reasons of consistency without implying any particular view on the aspectual status of inchoatives. This structure is expected if we assume the Mirror Principle [Baker 1985]. The structure in (48) straightforwardly explains the surface scope of negation relative to inchoatives: the negation is simply syntactically higher than the inchoative head.

The inverse scope, in turn, should be produced by an LF movement of the inchoative head¹⁹. I suppose that the inchoative head being an aspectual marker does not target a position above TP and remains somewhere between the aspectual layers of the clause. If the inchoative, after the LF raising, scopes below TP while being able to outscope negation, the negation itself must be somewhere below TP.

¹⁸ The idea that terminative (~ ‘stop’) semantics can be expressed by a combination of inchoative with negation is not novel (see [Plungian 1999; Engerer 2014] and references therein). Some of the semantic effects close to what we observe in Kildin Saami have been observed for the Russian verb *stat’* ‘start’ under negation [Stoynova 2016: 303].

¹⁹ An alternative involving reconstruction of negation (negation surfaces higher than it is interpreted) is highly unlikely. Such an analysis would imply that negation is base-generated below both InchP and AspP, and then moved above them. Although it provides the desired range of interpretations, it is highly unlikely that it is the case in the clauses without inchoatives, e.g., in the clauses with the Perfect, where the negation selects for the connegative of the copula (with the morphological structure NEG-AGR be-CNG V-PTCP.PST). Under the reconstruction analysis, negation should be base-generated below the perfect head (note that the inchoative morphology is even lower/closer to the root than the participial morphology selected by the perfect head) and then move to its surface position skipping the perfect head and thereby violating the Head Movement Constraint.

One may think that the varying scope of inchoatives is similar to the widely discussed phenomenon of Neg-raising. Neg-raising allows for negation located in the matrix clause to be interpreted inside the embedded clause. For example, the English verb *think* is one of the clear cases of Neg-Raising predicates. Its Neg-Raising property can be illustrated by the fact that (49a) can be interpreted as (49b) (the examples are taken from [Gajewski 2007: (1)]).

- (49) a. *Bill doesn't think that Mary is here.*
 b. *Bill thinks that Mary is not here.*

In the contemporary studies of Neg-Raising there are two main groups of analyses. The first group argues that Neg-Raising is a semantic/pragmatic phenomenon (among others [Gajewski 2007]), while the second one argues that there are instances of both syntactic and semantic/pragmatic Neg-Raising (among others [Collins, Postal 2018]). For now, I believe that it is highly unlikely that Neg-Raising is at play in the Kildin Saami examples (45) and (46). The syntactic Neg-Raising (the negation syntactically moves into a higher position) is ruled out by the reasons provided in the footnote 18. Thus, we are left with the semantic/pragmatic approach to Neg-Raising. This approach takes examples in (49) and states that (49a) entails (49b) under the excluded middle inference [Gajewski 2007]. Excluded middle inference states that Bill in (49) can only think either that Mary is here or that she is not. Since, according to (49a) it is not true that he thinks that Mary is here, the interpretation in (49b) follows.

It is intuitively pretty clear that this is not the case with the Kildin Saami construction in question just as it is not the case with the inchoative verbs (*start*, *begin*) in English. The fact that English inchoative verbs do not have INCH>NEG reading is unexpected if inchoative verbs, indeed, are among the Neg-Raising predicates. In (50), the INCH>NEG interpretation does not follow from the NEG>INCH interpretation in any way: the NEG>INCH interpretation in this context is meaningless in English: cf. **Petya worked, worked and didn't start working*. At the same time, INCH>NEG interpretation is perfectly fine as is indicated by the translation. Thus, these two scope configurations are independent and the examples (45) and (46) cannot be analyzed as Neg-Raising.

- (50) *p'et'a roobxuž-e roobxuž-e ejj roobxuž-eškuadd-a*
 P. work-PST.3SG work-PST.3SG NEG.3SG work-INCH-PTCP.PST
 'Petya worked, worked (and) stopped working.'

The phenomenon of the varying inchoative scope with respect to negation still needs further investigation. From my (scarce) field data, it appears that the inversed scope of the inchoative is pretty hard to maintain and it is blocked almost in any context other than in a simple declarative clause. The INCH>NEG interpretation is dispreferred in imperative (51) and interrogative (52) sentences, and in an X-marked unattainable desire (53). I leave the explanation of this pattern for future investigation. The (yet unexplained) reverse scope disruption is one of the main reasons why the phenomenon of reverse inchoative scope should not be readily taken as an argument in favour of lower NegP's placement. The future exploration of this phenomenon might affect the validity of the argument.

- (51) *#jel' vaal-eškued' čaaz' naap'-e m'iil'l't'e*
 PROH.SG pour-INCH.IMP water.ACC cup-GEN along
 Intended meaning: 'Stop pouring water into the cups.'
- (52) *#p'et'a ejj allk-ma saarrn-e t'el'efon m'iil'l't'e?*
 P. NEG.3SG start-PTCP.PST speak-INF phone.GEN along
 Intended meaning: 'Did Petya stop talking on the phone?'
- (53) *#munnn taat-a p'edar ejj alg-č-e tuujjš-e peer̥t*
 1SG want-NPST.1SG P. NEG.3SG start-COND-CNG built-INF house.ACC
 Intended meaning: 'I want Petya to stop building the house.'

Taking into account the discussion above, the more promising analysis of the placement of NegP in Kildin Saami is to put it directly below TP. In this case, negation would be able to take its scope below the material in TP (e.g., subject) and all of the aspectual heads could be generated below the connegative (including the inchoative one). At the same time, it would allow for LF movement of the inchoative above negation but below tense, although, the validity of the LF movement account for the high inchoative scope is yet to be proved.

It is highly probable that the same line of argumentation I used in this paper to reshape the underlying structure of negative clauses can be applied to Finnish which has been often assumed to have negation above TP based on morphological data (such analysis of the Finnish negation can be tracked at least to [Holmberg et al. 1993]). In Finnish, just like in Kildin Saami, the (past tense) negation selects the same participle (55) that we see in perfect clauses (54).

(54) *o-n tul-lut*
 be-3SG come-PTCP.PST
 ‘(S/he) has come.’

(55) *e-i tul-lut*
 NEG-3SG come-PTCP.PST
 ‘(S/he) didn’t come.’

Presumably, it may turn out that the participial morphology in Finnish does not represent tense after all. It is definitely a topic for another research, but the Kildin Saami case has shown that probably the only argument, on which the NegP > TP theory of [Mitchell 2006] is standing is not inviolable.

6. Conclusion

In this paper, I have argued that the analysis of the sentential negation proposed by [Mitchell 2006] cannot be applied to the Kildin Saami data. The diagnostic based on the morpheme order relies on the assumed structure which, in my view, is incorrect. It appears that the position of the negation with respect to agreement in Kildin Saami is not informative, since negation gets the ϕ -features of the subject not from the clausal spine but through its own ϕ -probing.

The placement of the tense morphemes does not serve as a sufficient diagnostic as well. Tense in Kildin Saami non-negative clause is expressed by the means of portmanteau morphemes marking ϕ -features and tense. The verb under negation loses both its agreement and overt tense specification. The past participle *-(m)a* which functions as a past connegative (among its multiple uses) is better analyzed as an instance of anteriority aspect. The data suggests that the tense-related interpretation of the connegative morphemes is unmotivated. Hence, the distribution of morphological markers between the negation and the lexical verb cannot be taken as evidence for defining NegP’s placement relative to TP.

In contrast to Mitchell [2006]’s analysis I propose that the position of NegP in the Kildin Saami clause is somewhere below TP. I support the analysis with the data on the relative scope of negation and quantified subject/inchoatives.

Abbreviations

1, 2, 3 — person	F — female	NEG — negative
ABS — absolutive	FUT — future	NPST — non-past
ACC — accusative	GEN — genitive	ORD — ordinal
ADJ — adjective	ILL — illative	PASS — passive
AV — actor voice	IMP — imperative	PFV — perfective
CNG — connegative	INCH — inchoative	PL — plural
COM — comitative	INF — infinitive	POT — potential
COND — conditional	INTJ — interjection	PRS — present
DAT — dative	IPS — impersonal	PST — past
E.PST — existential past	ITER — iterative	PTCP — participle
ERG — ergative	M — male	SG — singular

References

- Baker 1985 — *M. Baker*. The mirror principle and morphosyntactic explanation. In: *Linguistic Inquiry*. 1985, 16 (3). P. 373—415.
- Benmamoun et al. 2013 — *E. Benmamoun, M. Abunasser, R. Al-Sabbagh, A. Bidaoui, D. Shalash*. The location of sentential negation in Arabic varieties. In: *Brill's Journal of Afroasiatic Languages and Linguistics*. 2013, 5 (1). P. 83—116.
- Birjuk et al. 2010 — *O. L. Birjuk, E. V. Kaškin, A. I. Kuznecova, M. N. Usačeva*. Slovar' muževskogo govora ižemskogo dialekta komi-zyrjanskogo jazyka. Jekaterinburg: Basko, 2010. {O. L. Birjuk, E. V. Kaškin, A. I. Kuznecova, M. N. Usačeva. The dictionary of Muzhi variety of Izhma Komi. Jekaterinburg: Basko, 2010.}
- Bohnemeyer 2014 — *J. Bohnemeyer*. Aspect vs. relative tense: The case reopened. In: *Natural Language & Linguistic Theory*. 2014, 32. P. 917—954.

- Bruening 2026 — *B. Bruening*. Mari and Udmurt do not require postsyntactic operations (A reply to [Georgieva et al. 2021] and [Guseva, Weisser 2018]). In: *Natural Language & Linguistic Theory*. 2026, 44 (3). Art. 33.
- Burov, Egorov 2023 — *D. A. Burov, I. M. Egorov*. Materials from Kildin Saami: A trickster tale and a personal narrative. In: *Rodnoj jazyk*. 2023, 2. P. 156—192.
- Chen et al. 2021 — *S. Chen, J. Vander Klok, L. Matthewson, H. Rullmann*. The ‘experiential’ as an existential past: Evidence from Javanese and Atayal. In: *Natural Language & Linguistic Theory*. 2021, 39. P. 709—758.
- Collins, Postal 2018 — *C. Collins, P. M. Postal*. Disentangling two distinct notions of NEG raising. In: *Semantics and Pragmatics*. 2018, 11, Art. 5. P. 1—21.
- Cypanov 1996 — *E. Cypanov*. Pseudonegatiiviset verbilausekkeet komin kielessä. In: H. Leskinen, S. Maticsák, T. Seilenthal (eds.). *Congressus Octavus Internationalis Fenno-ugristarum*. 10.—15.8.1995, Pars III. Jyväskylä: Moderatores, 1996. P. 85—89. {*E. Cypanov*. Pseudo-negative verb phrases in the Komi language. In: H. Leskinen, S. Maticsák, T. Seilenthal (eds.). *Congressus Octavus Internationalis Fenno-ugristarum*. 10.—15.8.1995, Part III. Jyväskylä: Moderatores, 1996. P. 85—89.}
- Embick, Noyer 2007 — *D. Embick, R. Noyer*. Distributed morphology and the syntax—morphology interface. In: *The Oxford handbook of linguistic interfaces*, edited by Gillian Ramchand and Charles Reiss. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 289—324.
- Engerer 2014 — *V. Engerer*. Phases in verbal semantics. In: *Events, Arguments, and Aspects*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 227—260.
- Gajewski 2007 — *J. R. Gajewski*. Neg-raising and polarity. In: *Linguistics and philosophy*. 2007, 30. P. 289—328.
- Ganenkova 2026 — *D. Ganenkova*. Concord in the verbal domain: External agreement in Nakh-Daghestanian. In: *Linguistic Inquiry*. 2024, 57 (2). P. 373—387.
- Georgieva et al. 2021 — *E. Georgieva, M. Salzmann, P. Weisser*. Negative verb clusters in Mari and Udmurt and why they require postsyntactic top-down word-formation. In: *Natural Language & Linguistic Theory*. 2021, 39. P. 457—503.
- Giannakidou, Mari 2018 — *A. Giannakidou, A. Mari*. A unified analysis of the future as epistemic modality: The view from Greek and Italian. In: *Natural Language & Linguistic Theory*. 2018, 36. P. 85—129.
- Haegeman 1995 — *L. Haegeman*. The syntax of negation. Cambridge University Press, 1995.
- Hamari 2015 — *A. Hamari*. Negation in Komi. In: *Negation in Uralic languages*. John Benjamins Publishing Company. 2015. P. 239—264.
- Harizanov, Gribanova 2019 — *B. Harizanov, V. Gribanova*. Whither head movement? In: *Natural Language & Linguistic Theory*. 2019, 37 (2). P. 461—522.
- Holmberg et al. 1993 — *A. Holmberg, U. Nikanne, I. Oraviita, H. Reime, T. Trosterud*. The Structure of INFL and the Finite Clause in Finnish. In: *Case and Other Functional Categories in Finnish Syntax*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1993, 39. P. 177—206.
- Julien 2015 — *M. Julien*. On negation, tense, and participles in Finnic and Sámi. In: *Syntax over time: lexical, morphological, and information-structural interactions*. Oxford University Press. P. 163—178.
- Kaiser 2006 — *E. Kaiser*. Negation and the left periphery in Finnish. In: *Lingua*. 2006, 116 (3). P. 314—350.
- Kert 1971 — *G. M. Kert*. Saamskiy yazyk (kildinskiy dialekt): fonetika, morfologiya, sintaksis. Leningrad: Nauka, 1971. {*G. M. Kert*. Sámi language (Kildin dialect): phonetics, morphology, syntax. Leningrad: Nauka, 1971.}
- Klein 1994 — *W. Klein*. Time in language. London: Routledge, 1994.
- Kuruch et al. 1985 — *R. D. Kuruch, N. E. Afanasyeva, E. I. Mechkina, A. A. Antonova, B. A. Glukhov, L. D. Yakovlev*. Saamsko-russkiy slovar. Moskva: Russkiy yazyk, 1985. {*R. D. Kuruch, N. E. Afanasyeva, E. I. Mechkina, A. A. Antonova, B. A. Glukhov, L. D. Yakovlev*. Sámi-Russian dictionary. Moscow: Russkiy yazyk, 1985.}
- Landau 2006 — *I. Landau*. Chain resolution in Hebrew V(P)-fronting. In: *Syntax*. 2006, 9 (1). P. 32—66.
- Mechkina 2014 — *E. I. Mechkina*. Pärne päl mushshlezh. Murmansk, 2014. {*E. I. Mechkina*. Childhood memories. Murmansk, 2014.}
- Merchant 2006 — *J. Merchant*. Why no (t)? In: *Style*. 2006, 40 (1—2). P. 20—23.
- Miestamo 2000 — *M. Miestamo*. Towards a typology of standard negation. In: *Nordic journal of linguistics*. 2000, 23 (1). P. 65—88.
- Mitchell 2006 — *E. Mitchell*. The morpho-syntax of negation and the positions of NegP in the Finno-Ugric languages. In: *Lingua*. 2006, 116 (3). P. 228—244.
- Neeleman, Van de Koot 2006 — *A. Neeleman, H. Van de Koot*. Syntactic haplology. In: *M. Everaert and H. van Riemsdijk* (eds.). *The Blackwell companion to syntax*. 2006, 5. P. 685—710.
- Ouhalla 1991 — *J. Ouhalla*. Sentential negation, relativised minimality and the aspectual status of auxiliaries. In: *The Linguistic Review*. 1990, 7 (2). P. 183—231.
- Pancheva, Zubizarreta 2023 — *R. Pancheva, M. L. Zubizarreta*. No tense: temporality in the grammar of Paraguayan Guarani. In: *Linguistics and Philosophy*. 2023, 46 (6). P. 1329—1391.
- Plungian 1999 — *V. A. Plungian*. A typology of phasal meanings. In: *W. Abraham, L. Kulikov* (eds.). *Tense-aspect, transitivity, and causativity: Essays in honor of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 311—321.

- Pollock 1989 — *J. Y. Pollock*. Verb movement, universal grammar, and the structure of IP. In: *Linguistic Inquiry*. 1989, 20 (3). P. 365—424.
- Preminger 2014 — *O. Preminger*. Agreement and its failures. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.
- Preminger 2019 — *O. Preminger*. What the PCC tells us about “abstract” agreement, head movement, and locality. In: *Glossa: a journal of general linguistics*. 2019, 4 (1). Art. 13. P. 1—42.
- Rachinskaya 2023 — *S. Rachinskaya*. Inchoativnye konstrukcii kil'dinskogo saamskogo jazyka. In: *Malye jazyki v bol'soj lingvistike*. Vyp. 4. Moskva: Buki Vedi, 2022. P. 205—221. {*S. Rachinskaya*. Inchoative constructions in Kildin Saami. In: *Minority languages in big linguistics*. Issue 4. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 205—221.}
- Rießler 2022 — *M. Rießler*. Kildin Saami. In: *M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik* (eds.). *The Oxford guide to the Uralic languages*. Oxford University Press, 2022. P. 216—239.
- Rudnev 2020 — *P. Rudnev*. Agreeing adpositions in Avar and the directionality-of-valuation debate. In: *Linguistic Inquiry*. 2020, 51 (4). P. 829—844.
- Sammallahti 1998 — *P. Sammallahti*. *The Saami Languages: An Introduction*. Karasjok: Dawi Girji, 1998.
- Satk 2022 — *D. Satk*. The Infinitive Size Generalization. <https://ling.auf.net/lingbuzz/005910>, 2022.
- Stojnova 2016 — *N. M. Stojnova*. Konstrukcija *(ne) stat'* + infinitiv: korpusnye svidetel'stva mikrodiachroničeskix izmenenij. In: *Trudy Instituta ruskogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Materialy meždunarodnoj naučnoj konferencii “Grammatičeskie processy i sistemy v sinxronii i diaxronii”* (30 maja — 1 ijunja 2016 g.). 2016, 10 (4). S. 296—310. {*N. M. Stojnova*. *(ne) stat'* + infinitive construction: corpus evidence of microdiachronic changes. In: *Works of the Vinogradov Institute of Russian Language. The proceedings of the conference “Grammatical processes and systems in synchrony and diachrony”* (30 may — 1 june 2016). 2016, 10 (4). P. 296—310.}
- Toosarvandani 2013 — *M. Toosarvandani*. Corrective but coordinates clauses not always but sometimes. In: *Natural Language & Linguistic Theory*. 2013, 31. P. 827—863.
- Travis 1984 — *L. Travis*. *Parameters and effects of word order variation*. Boston, MA: MIT dissertation, 1984.
- Wilbur, Rießler 2007 — *J. Wilbur, M. Rießler*. Documenting the endangered Kola Saami languages. In: *T. Bull, J. Kusmenko, M. Rießler* (eds.). *Språk og språkforhold i Sápmi*. Berlin: Nordeuropa-Institut, 2007. P. 39—82. (Berliner Beiträge zur Skandinavistik; Bd. 11).
- Wu 2026 — *D. Wu*. Syntax of negation in corrective but sentences: Evidence from syntax-semantics and prosody. In: *Natural Language & Linguistic Theory*. 2026, 44 (6). P. 1799—1842.
- Yuryev, Yuryeva 2017 — *P. P. Yuryev, M. P. Yuryeva*. *Bogatyr' L'ajne*. Murmansk, 2017. {*P. P. Yuryev, M. P. Yuryeva*. *Strongman Lajne*. Murmansk, 2017.}
- Zanuttini 1997 — *R. Zanuttini*. *Negation and clausal structure: A comparative study of Romance languages*. Oxford University Press, 1997.
- Zeijlstra 2004 — *H. Zeijlstra*. *Sentential negation and negative concord*. Doctoral dissertation. 2004.

Сопоставительный анализ корейских и русских фразеологизмов с топонимами

Чве Ен Ги, Университет имени Ким Ир Сена (Пхеньян); yg.choe0816@ryongnamsan.edu.kp

Ким Чхоль Чин, Университет имени Ким Ир Сена (Пхеньян); flit3@ryongnamsan.edu.kp

Юн Бон Сик, Университет имени Ким Ир Сена (Пхеньян); cioc5@ryongnamsan.edu.kp

Мун Хек, Университет имени Ким Ир Сена (Пхеньян); flit4@ryongnamsan.edu.kp

Статья посвящена сопоставительному анализу корейских и русских фразеологизмов с топонимами в лингвокультурологическом аспекте. Как известно, любой язык отражает национальный колорит, который не присущ другим нациям. Устойчивые обороты характеризуются сложными языковыми единицами, неизменными по составу и структуре, лексически неделимыми и целостными по значению, выполняющими функцию отдельной лексемы. Поэтому при глубоком изучении этих единиц в полной мере можно раскрыть национальную специфику и самобытность языка.

Цель настоящей работы — сопоставительный анализ корейских и русских фразеологизмов с топонимами в лингвокультурологическом аспекте, выявление общностей двух культур и различий между ними, поиск рациональных способов перевода, позволяющих передать не только метафорические значения этих единиц, но и их национально-культурные коннотации. В большинстве подобных оборотов, как правило, национальный колорит отражен четко и ярко, поскольку они возникли в тесной связи с присущей данному народу историей, культурой, традициями и т. д. Если не знать культурного контекста таких фразеологизмов и не учитывать коннотативную информацию, содержащуюся в них, то невозможно полностью и правильно передать мысль пишущего или говорящего собеседнику. Это может привести к недопониманию основного содержания сообщения. Результаты сопоставительного анализа устойчивых выражений с географическими названиями в корейском и русском языках позволят глубже понять общность и различие между двумя культурами на основе их культурных особенностей, четко выявить не только идиоматический смысл, но и национально-культурную коннотацию и тем самым будут способствовать точности на практике перевода.

Ключевые слова: топоним, географические названия, лингвокультурология, фразеология, национально-культурная коннотация

COMPARATIVE ANALYSIS OF KOREAN AND RUSSIAN IDIOMS WITH PLACE NAMES

Yong-Gi Choe, Kim Il Sung University (Pyongyang); yg.choe0816@ryongnamsan.edu.kp

Chol-Jin Kim, Kim Il Sung University (Pyongyang); flit3@ryongnamsan.edu.kp

Pong-Sik Yun, Kim Il Sung University (Pyongyang); cioc5@ryongnamsan.edu.kp

Hyok Mun, Kim Il Sung University (Pyongyang); flit4@ryongnamsan.edu.kp

This paper shows comparisons between Korean and Russian idioms with place names in semantic and cultural and linguistic way. As it is known, every language reflects its own national characteristics that are peculiar to it. A phrase as an involved language unit which is solid in composition and structure, lexically indivisible and semantically complete in collocations functions as an individual vocabulary. That is why a deep study on phrases can fully explain the national coloring and originality of the language.

The aim of this paper is to compare semantically and culturally between Korean idioms and Russian idioms with place names, to clarify the similarities and differences between the two cultures, and to find the best translation method how to consider the main meaning of idioms as well as the additional meaning from the national culture. The idioms with place names have better national colors than other kinds of idioms. It is because they were made in the history, culture, tradition peculiar to their own nation. Without well-understanding and any consideration of this cultural backgrounds and their additional meanings, we can misunderstand the speaker's and writer's intentions and what is worse, we can't convey even its primary meaning to the others. The study on a comparative analysis between Korean and Russian idioms with place names provides a clear understanding of the similarities and differences between the two cultures and the main meanings of these idioms as well as their national and cultural nuance, which helps to meet the requirements of accuracy in translation.

Keywords: toponym, place name, cultural linguistics, ideology, national and cultural nuance

1. Введение

Фразеологизм — одна из языковых единиц, четко обозначающих национально-культурную специфику в силу своей оригинальной образности в краткой языковой форме. В этих единицах отражены многовековой и богатый жизненный опыт, исторические события, этнографические особенности, обычаи, традиции, идеалы и т. д. Поэтому при изучении фразеологизмов необходимо наряду с их основным смыслом уметь правильно понимать отраженные в них историю, традиции и культуру, присущие данному народу, и уместно использовать такие обороты в соответствии с речевой ситуацией и моментом.

Под топонимом понимается «Имя собственное — название какого-л. географического объекта (города, реки, озера, горы, урочища и т. п.)» [Ожегов 2010: 1180]. Во фразеологизмах, в состав которых входят такие компоненты, интенсивно проявляются национально-культурные характеристики, поскольку большинство топонимов, отраженных в них, связано с областями, где народ, говорящий на данном языке, проживал или живет в течение длительного времени. Кроме того, подобные географические названия связываются и с местностями, которые, хотя и находятся за пределами страны, известны всем членам данного народа и не вызывают у них ни малейшего непривычного ощущения.

Актуальность исследования. Изучая иностранный язык, каждый человек непременно сталкивается с чуждой культурой другого народа. В устойчивых оборотах четко отражается национально-культурная специфика определенного языка, поэтому знание этих единиц позволяет лучше понять носителей иной культуры и более уместно и точно перевести устойчивые словосочетания с одного языка на другой. Такие выражения показывают языковую картину мира разных наций и раскрывают специфические и характерные черты, доминирующие у народов, говорящих на том или ином языке. Следовательно, результаты сопоставительного анализа фразеологизмов разных языков позволяют точно установить общность и специфические аспекты, существующие в разных национальных языках.

При изучении и преподавании корейского и русского языков фразеологизмы с топонимами занимают важное место. В связи с возрастающим интересом к русскому языку в Корейской Народно-Демократической Республике и к корейскому в Российской Федерации исследование этой проблемы представляется весьма актуальным. К сожалению, данная тема остается пока недостаточно проработанной как в российском корееведении, так и в корейской русистике. Результаты ее исследования могут быть использованы для выявления своеобразия фразеологических систем двух языков, для методики преподавания языков и подготовки двуязычных словарей и грамматических учебных пособий.

Объектом настоящей статьи являются фразеологические единицы (ФЕ) с топонимами в двух сопоставляемых языках.

Цель исследования — сопоставить и проанализировать корейские и русские фразеологизмы с топонимами в лингвокультурологическом аспекте, выявить общность двух культур и различия между ними, найти рациональные способы перевода, позволяющие передать не только основные смыслы ФЕ, но и их национально-культурные коннотации. Мы используем литературный язык КНДР, так называемую «пхеньянскую культурную речь», в связи с чем в статье применяются правила правописания, принятые в КНДР.

В наши задачи входят: выбор фразеологических оборотов с топонимами в корейском и русском языках, их классификация, лингвокультурологический анализ данных единиц по степени семантического соответствия, а также рассмотрение вопросов, связанных с переводом таких оборотов с учетом национально-культурной специфики.

В настоящей исследовании теоретической основой служат труды корейских и российских ученых и специалистов в области фразеологии: Пак Тхэк Чжина, Е. Ф. Арсентьевой, С. Г. Бережана, И. Б. Голуба, В. П. Жукова, Н. Н. Кохтева, А. Нарзикулова, А. Н. Тихонова, А. Г. Ломова, Л. А. Ломовой, Н. М. Шанского, В. И. Зимины, А. В. Филиппова и др.

Материалом исследования послужили: 조선속담사전 *Чосон сокдам сачон* («Словарь корейских пословиц»: В 2 т.) Пак Тхэк Чжина (2012), «Фразеологический словарь русского языка» А. Н. Тихонова и др. (2003), «Пословицы русского народа»: В 2 т. В. И. Даля (1984), «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова (2000), 로조대사전 *Рочотэсачон* («Большой русско-корейский словарь») Хан Тхэ Гука (2006), 조로대사전 *Чоротэсачон* («Большой корейско-русский словарь»: В 2 т.) Л. Б. Никольского и Цой Ден Ху (1976), «Словарь русского языка»: В 4 т. А. П. Евгеньевой (1981), а также учебные пособия «Опыт этимологического словаря русской фразеологии» Н. М. Шанского и др. (1987) и «Русская фразеология» Н. Н. Кохтева, Д. Э. Розенталя (1990).

Методологической основой настоящей работы выступили метод фразеологической идентификации, сопоставительный и описательный методы. Кроме того, был применен ряд практических приемов: выбор, наблюдение и анализ материалов двух языков, сравнение и сопоставление, классификация, обобщение, дифференциация.

2. Выбор и классификация корейских и русских фразеологизмов с топонимами

2.1. Выбор корейских и русских фразеологизмов с топонимами

В лингвистике до сих пор не сложилось единого мнения о термине «фразеологизм». В связи с этим в настоящем исследовании данный термин понимается в широком смысле, включающем фразеологические сращения (абсолютно неделимые, неразложимые устойчивые единицы, общее значение которых не выводится из значения их компонентов); фразеологические единства (устойчивые единицы, в которых при наличии общего переносного значения отчетливо сохраняются признаки семантической разложимости компонентов); фразеологические сочетания (устойчивые обороты, в состав которых входят слова со свободным значением и фразеологически связанным) и фразеологические выражения (устойчивые фразы с переосмысленным содержанием, т. е. пословицы, поговорки).

После анализа около 15 тысяч фразеологизмов и пословиц из [Пак 2012 (1); 2012 (2)] и [Никольский, Цой 1976] были отобраны корейские фразеологизмы с топонимами (КФТ).

Аналогично проанализированы более 10 тысяч единиц из [Даль 1984; Шанский и др. 1987; Кохтев, Розенталь 1990; Жуков 2000; Тихонов и др. 2003; Хан 2006], в результате чего были выбраны русские фразеологизмы с топонимами (РФТ). Немало из них носит терминологический характер. Терминологические фразеологизмы как устойчивые словосочетания, непосредственно указывающие на предметы и явления, которые существуют в разных областях политики, экономики и культуры, служат неразложимыми в речи целостными единицами. Так, например, из [Тихонов и др. 2003] были взяты следующие терминологические фразеологизмы с топонимами: *ангорский кролик* (안고라종토끼 *ангорачонъ тхокки*) (зоология); *арабская лошадь* (아랍말 *арапмаль*) (зоология); *венецианское окно* (베네치아식창문 *пенециасик чханмун*) (архитектура); *голландский сыр* (네덜란드치즈 *недерланд чхичы*) (пищевая промышленность); *карельская береза* (까렐리아벗나무 *кареллия поннаму*) (ботаника); *колорадский картофельный жук* (콜로라도감자돼지벌레 *кхоллорадо гамза твэчжи полле*) (энтомология) и др.

Многие терминологические фразеологизмы лишены эмоционально-экспрессивной окраски и употребляются в строго номинативной функции. Подобным единицам не свойственна образность, они не содержат оценки. Как и другие термины, они характеризуются однозначностью, образующие их слова выступают в прямом значении [Голуб 2003: 116].

Поэтому среди РФТ мы обратим внимание на фразеологизмы, используемые в метафорическом значении и обладающие яркими экспрессивно-стилистическими окрасками, проанализируем их в лингвокультурологическом аспекте и рассмотрим способы перевода таких оборотов.

2.2. Классификация КФТ и РФТ

Фразеологический оборот с именем собственным — это устойчивое словосочетание, в состав которого входит лексический компонент, представляющий собой имена известных личностей, географические названия, наименования животных, мифических героев, растений и т. д. Например, *аннибалова клятва* (한니발의 맹세 *Ханнипар-ый мэнсе*); *язык до Киева доведет* (혀가 끼예브까지 데려다준다 *хйо-га киебы качжи терйотачунда*); *черная кошка пробежала между ними* (검은 고양이가 그들사이를 지나갔다 *комъын коянъи-га кытылсаирыл чинагатта*); *геркулесовы столы* (헤르쿨레스의 기둥 *херкхуллес-ый кидун*); *крокодиловы слезы* (악어의 눈물 *аго-ый нунмул*); *китайские орехи* (락화생¹ *ракхасэн*) и т. д.

Можно разделить КФТ и РФТ по следующим признакам.

2.2.1. Типология, основанная на соответствии компонентов-топонимов фразеологизмов

— Фразеологизмы с названиями гор

Среди КФТ и РФТ отмечается ряд фразеологизмов, в состав которых входят названия гор.

Рассмотрим корейские устойчивые обороты с названиями гор на примерах.

Фразеологизм *밥을 금강산 바라보듯 하다* *пап-ыл кымганъсан парapo дьт хада* ‘видит кашу, как горы Кымгансан’ происходит от сказки о бедной семье. В прошлом одна семья была так бедна, что считала кашу недоступной и лишь смотрела на чужую кашу, как на горы Кымгансан. Выражение используется, когда речь идет о частых случаях голода. Корейские горы Кымгансан (금강산 *кымганъсан*) известны во всем мире своей красотой. Издавна корейский народ сравнивал эти красивые горы с алмазом, называя их

¹ 락화생 — так называют растение, которое приносит плод после опадения цветов.

Кымгансаном. Они обрываются к Корейскому Восточному морю. Их высота составляет 1638 м над уровнем моря. У них имеется около 12 тысяч пиков, игл, столбов и башен, лабиринтообразная сеть ущелий и каньонов, сотни водопадов [Пак 2012 (1): 378].

Фразеологизм *만수산에 구름 끼듯* *мансусан-е курым кидыт* ‘набежали словно облака на горе Мансусан’ образно передает, что собралось много людей. Издревле корейцы любят ходить в белых одеждах. И когда собиралось много людей, издали толпы казались белыми облаками, затянувшими высокую и крутую гору Мансусан. Корейское название *만수* *мансу* означает ‘долголетие’ [там же: 289].

Фразеологизм *인왕산 모르는 호랑이 없다* *инванъсан морнын хоранъи опта* ‘Нет тигра, не знающего горы Инвансан’ происходит от легенды, что все тигры Кореи непременно приходили в горы Инвансан (인왕산 *инванъсан*). Выражение употребляется в ситуации, когда говорящий самоуверенно заявляет, что известен всем [Пак 2012 (2): 390].

В русском языке также есть устойчивые выражения с названиями гор: *взлететь на Геликон* (*헬리콘산정으로 날아오르다* *хелликон санчжонъ ыро нараорыда*); *олимпийское спокойствие* (*올림프스산정의 평온* *оллимпис санчон-ый пхёнъон*) и др.

Рассмотрев соотношение компонентов-названий гор в КФТ и РФТ, можно заметить, что корейские фразеологизмы образовались на базе географических наименований, бытующих в Корее, а некоторые русские: *взойти на Олимп* (*올림프스산정에 떠오르다* *оллимпис санчжонъ-е ттхоорыда* ‘добиться высшего успеха, славы’), *жить на Олимпе* (*올림프스산정에서 살다* *оллимпис санчжонъ-есо салда* ‘считать себя выше других, жить в мире избранных’), *взойти на Парнас* (*파르나스산정에 떠오르다* *пхарнас санчжонъ-е ттхоорыда* ‘стать признанным поэтом или художником’) — на основе названий греческих гор из древнегреческой и древнеримской мифологии. Это объясняется тем, что выражения, связанные с античной мифологией, закрепились в русских фразеологизмах.

— Фразеологизмы с названиями рек

Среди КФТ и РФТ отмечаются некоторые устойчивые обороты, компонентами которых являются названия рек.

Рассмотрим следующие примеры корейских фразеологизмов с названиями рек.

Фразеологизм *압록강이 팔죽이라도 굶어죽겠다* *Амноккан-и пхатчжукъ ирадо кулмочжуккетта* ‘Будь река Амноккан фасолевого похлебкой, и то от голода помрет’ употребляется с насмешкой о ленивом человеке. Это значит, что человек умирает от голода, даже если фасолевого похлебки так много, как воды в реке Амноккан. Река Амноккан (*압록강* *амнокканъ*) — самая длинная в Корее. Эта река, пограничная между КНДР и Китаем, начинается на склонах вулкана Пэктусан, течет в глубокой долине между Корейскими и Восточно-Маньчжурскими горами, впадает в Корейское Западное море [Пак 2012 (2): 314].

Фразеологизм *대동강에 배 지나간 자리* *тэдонганъ-е пэ чинаган чари* ‘борозда на реке Тэдонган’ образно обозначает отсутствие каких-либо следов от совершенных дел, подобно тому, как на поверхности воды нет никаких следов после того, как лодки бороздили ее. Река Тэдонган (*대동강* *тэдонганъ*), одна из самых длинных рек в КНДР, берет начало в горах Ранримсан и впадает в Корейское Западное море [Пак 2012 (1): 255].

Фразеологизм *두만강이 룽두죽이라도 곰방술이 없어서 못 먹겠다* *туманганъ-и роктучжукъ ирадо компансул-и опсо со мот могкетта* ‘Будь река Туманган жидкой рисовой кашей с машем, и то не съем ее без ложечки с короткой ручкой’ означает, что бесполезно пытаться помочь тому, кто не может справиться с работой, как бы благоприятно ни сложились условия и обстоятельства. Река Туманган (*두만강* *туманганъ*) — вторая по длине в Корее. Она пограничная между КНДР и Китаем, в низовьях — между КНДР и РФ. Эта река берет начало на плоскогорье Пэктусан и впадает в Корейское Восточное море.

В русском языке также есть устойчивые обороты с названиями рек, например: *Волга впадает в Каспийское море* (*볼가강은 가스빠해에로 흘러든다* *полгаганъ-ын каспихэ-еро хыллодында*), *кануть в Лету* (*망각의 강물에 자취를 감추다* *манъкак-ый канъмул-е чачхи рыл камчхуда*), *перейти Рубикон* (*루비콘강을 건느다* *рубиконганъ-ыл конныда*) и др.

Сопоставив компоненты-топонимы на примерах, можно заметить, что корейские фразеологизмы образовались на базе существующих в своей стране рек, а русские — на основе гидронимов, связанных не только с природой России, но и с греческой мифологией и историческими событиями.

— Фразеологизмы, в состав которых входят прочие топонимы

Среди КФТ и РФТ к этому типу относятся устойчивые обороты, компонентами которых являются названия континентов, стран, городов, сел, улиц, населенных пунктов, отдельных архитектурных сооружений, единственных в своем роде, и т. д.

Рассмотрим следующие примеры корейских фразеологизмов с разнообразными топонимами.

Фразеологизм **함흥차사** *хамхын чхаса* ‘отправленный в Хамхын посланец’ подразумевает человека, который не возвращается, выполняя поручение. Первый король Чосон феодальной королевской династии Ли Сон Ге уединился в Хамхыне, когда между его сыновьями началась борьба за власть. Его сын посылал посланников несколько раз, чтобы рассеять обиду отца, но каждый раз тот убивал или заключал их и не давал вернуться. От этого исторического анекдота происходит данный фразеологизм. Хамхын (**함흥**) — город в КНДР, административный центр провинции Хамгён-Намдо [Пак 2012 (2): 205].

Фразеологизм **의주파발마도 똥눌새는 있다** *Ыйчжу пхалма то тонънхуль сэнын итта* ‘И даже лошадь почтовой станции из уезда Ыйчжу успевает нагадить’ означает, что всегда можно выкроить свободную минуту, если постараться. В прошлом гонец почтовой станции из уезда Ыйчжу постоянно был занят, поскольку он был штатским почтальоном. Среди гонцов, передававших документы или вещи из одного ведомства в другое, тот, кто перевозил официальные документы из уезда Ыйчжу в столицу, должен был спешить. Поэтому он был очень занят. Несмотря на это, лошадь почтовой станции успевала испражниться. Отсюда следует, что даже при самой большой занятости всегда можно найти минуту передышки. Ыйчжу (**의주**) — название уезда, входящего в провинцию Пхенан-Пукто в КНДР [там же: 414].

Фразеологизм **성균관 개구리** *сонгюнкван кэкури* ‘лягушка в Сонгюнкване’ иронически указывает на белоручку, который громко заучивает книгу только у себя дома. В феодальном обществе ученые конфуцианского толка в Сонгюнкване постоянно сидели и заучивали книги о конфуцианстве. Внешне эти ученые были очень похожи на квакающих лягушек. Сонгюнкван (**성균관** *сонгюнкван*) — высшее учебное заведение, где обучали дворянских детей конфуцианству в период феодализма [Пак 2012 (1): 517].

В русском языке есть устойчивые обороты, содержащие разнообразные топонимы: *в Европу прорубить окно* (**유럽쪽으로 향한 창문을 내다** *юроп цокъ ыро хянхан чханмун-ыл нэда*), *Москва слезам не верит* (**모스크바에서는 울어도 소용이 없다** *Москпа-есонын уро то сойонъ-и онда*), *Исторический путь — не тротуар Невского проспекта* (**역사의 진로는 뱀스끼대통로의 걸음길이 아니다** *Рйокса-ый чилло-нын непскитэтхонро-ый корырмаккир и анида*), *Все дороги ведут в Рим* (**모든 길은 로마로 통한다** *модын гир-ын рома-ро тонъханда* ‘к одной цели можно прийти разными путями’), *вавилонское столпотворение* (**바빌론의 탑** *патиллон-ый тхап* ‘смешение языков, хаос’).

2.2.2. Типология, основанная на сходстве тематического содержания фразеологизмов

— Корейские и русские фразеологизмы, связанные с человеком и его жизнью

К этому типу относятся устойчивые обороты, которые отражают внешность человека, его профессиональные навыки, характер, психику, поведение, действие, настроение, физический и умственный труд, речь, человеческое отношение, образ жизни, радостные и горестные события и т. д.

Приведем несколько примеров таких корейских фразеологизмов.

Фразеологизм **동관 삼월이** *тонъкван самволь-и* ‘придворная Самволь в королевском дворце Тонгван’ означает женщину в небрежной одежде. В старину в королевском дворце Тонгван (**동관** *тонъкван*) была придворная по имени Самволь. По преданию, она редко умывалась и ходила в неопрятном виде [Пак 2012 (1): 240].

Фразеологизм **평양향고집이라** *пхйонъянь хвангочжипъ ира* ‘упрямец-пхеньянец с фамилией Хван’ происходит от давнего корейского анекдота и обозначает упрямого человека. Когда-то один пхеньянец, по фамилии Хван, пришел в другую местность. Через несколько дней он случайно услышал, что неожиданно умер его близкий друг, который жил в этой местности. Хван сказал, что пришел не из-за кончины друга, а с другой целью. Затем он упрямо вернулся в Пхеньян, а оттуда снова пришел с водкой и деньгами и выразил соболезнования семье покойного. Пхеньян (**평양** *пхйонъянь*), столица КНДР на реке Тэ-донган, — один из древнейших городов Кореи [Пак 2012 (2): 172].

Фразеологизм **덤베북청** *томпе пукчхон* ‘торопыга-пукчхонец’ связан с тем, что в прошлом жители местности Пукчхон в Корее обычно были слишком нетерпеливы. Говорится шутливо об очень нетерпеливом человеке. Пукчхон (**북청**) — название уезда, входящего в провинцию Хамгён-Намдо в КНДР [Пак 2012 (1): 219].

Фразеологизм **살갑기는 평양나막신** *салкапки-нын пхйонъянь намаксин* ‘мягкий, как будто пхеньянский намаксин’ обозначает общительного и приветливого человека, подобно удобным пхеньянским башмакам. Намаксин (**나막신** *намаксин*) — деревянные башмаки, в которых удобно ходить. У них были каблуки спереди и сзади; они бывали как на высоком, так и на низком каблуке. Обычно такие башмаки носили в дождливую погоду [там же: 491].

Фразеологизм *차비 사흘에 룡천관 다 지나가겠다* *Чхати сахыр-е рйонъчхонкван та чинагагетта* ‘Три дня к дороге готовишь, уже проходишь мимо всего Рёнчхона’ обозначает чрезмерно затягиваемое дело. Смысл выражения связан с тем, что человек все время обдумывает какое-то дело, проходя через эту местность, и в итоге, так ничего и не сделав, минует ее без пользы. Употребляется иронически в ситуации, когда задумывают серьезное дело, но откладывают его в долгий ящик. Рёнчхон (룡천 *рйонъчхон*) — название уезда, входящего в провинцию Пхёнан-Пукто в КНДР. Корейское слово 룡천관 *рйонъчхонкван* ‘Рёнчхонкван’ означает «пределы рёнчхонского ведомственного округа» [Пак 2012 (2): 109].

Фразеологизм *대동강에서 모래알줍기* *тэдонъган-есо мореал чутки* ‘словно собирать песчинки на берегу реки Тэдонган’ означает бесполезную и ненужную работу. Смысл выражения в том, что собирать песчинки на берегу реки Тэдонган весь день — занятие бесполезное, поскольку невозможно убрать бесчисленное множество песчинок с берега [Пак 2012 (1): 256].

Фразеологизм *도깨비 대동강 건너가듯* *токэпи тэдонъган конногадыт* ‘словно дьявол переходит через реку Тэдонган’ употребляется в ситуации, когда какое-либо дело незаметно продвинулось, оказалось успешным и в итоге увенчалось большими успехами. Это означает, что дьявол уже находился на противоположном берегу реки, хотя никто не заметил, когда он перешел через нее [там же: 229].

В русском языке также есть фразеологизмы, связанные с человеком и его жизнью, например: *аттическая соль* (아티카의 말재주 *атхикха-ый малчэжсу*), *галопом по Европам* (온 유럽을 경충경충 뚝박질하는 식으로 *он юроп ыр кончхункончхун тимпакчир ханын сикъ ыро*), *казанская сирота* (까잔의 고아 *казан-ый коа*), *Марий на развалинах Карфагена* (카르타고의 폐허위에 앉아있는 마리우스 *кхартхаго-ый пхехоу-е анчаит-нын мариус*), *парфянская стрела* (파르티아화살 *пхартхиа хвасал*), *В Тулу со своим самоваром не ездят* (톨라로는 자기의 싸모와르를 가지고 가지 않는 법이다 *Тулла ронын чаги-ый самовар рыл качжи ко качжи аннын поъида*).

— Корейские и русские фразеологизмы, связанные с экономической и общественной жизнью и природными явлениями

К этому типу относятся устойчивые обороты, обозначающие экономические и общественные отношения, военное дело, литературу и искусство, образование, спорт, игры, небесные тела, метеоры, климат, время года, рельеф местности и местные предметы, животный и растительный мир, цветы и т. д.

В качестве примеров можно привести следующие корейские фразеологизмы.

Фразеологизм *우수경칩에 대동강이 풀린다* *усукйонъчхип-е тэдонган-и пхуллинда* ‘С 19—20 февраля по 5—6 марта идет лед на реке Тэдонган’ происходит от жизненного опыта: лед на реке Тэдонган обычно тает в период от усу (*우수* *усу* ‘дождевая вода’ — один из 24 сезонов сельскохозяйственного года, 19—20 февраля) до гёнчхип (*경칩* *кйонъчхип* ‘пробуждение насекомых’ — один из 24 сезонов сельскохозяйственного года, 5—6 марта). Означает, что с наступлением этих сезонов на улице становится теплее [Пак 2012 (2): 367].

Фразеологизм *강계도 평안도땅* *канъге до пхёнъандо тан* ‘Канге тоже подчинен провинции Пхёнандо’ подразумевает, что кто-либо или что-либо по виду различны, но на самом деле одного сорта. В прошлом Канге (*강계* *канъге*) входил в провинцию Пхёнандо (*평안도* *пхёнъандо*), а не в нынешнюю провинцию Чагандо (*자강도* *чаганъдо*). Поэтому он считался частью этой провинции, несмотря на значительное расстояние [Пак 2012 (1): 30].

Фразеологизм *고려공사 사흘* *корё конса сахылъ* ‘Законы Корё менялись через три дня’ происходит от того, что в период этого государства политические решения или указы феодального правительства часто менялись быстрее чем за три дня. Говорится о частой перемене какого-либо начатого дела в течение короткого времени. Корё (*고려* *корйю*) — феодальное государство, существовавшее в Корее в 918—1392 гг. От него происходит современное европейское название страны [Пак 2012 (2): 51].

Фразеологизм *강원도 삼척* *канъвондо самчхок* ‘Самчхок в провинции Канвондо’ означает, что можно увидеть этот город, не побывав в данной провинции. Самчхок (*삼척* *самчхок*) относится к провинции Канвондо (*강원도* *канъвондо*), поэтому он входит в ее состав. Этот оборот аллегорически обозначает «самчхокскую нетопленную комнату». В период Чосон феодальной династии в комнате Самчхон (*삼척방* *самчхонъпан*), где дежурили охранники короля и дворца, всегда было очень холодно, поскольку комнату не топили. Отсюда возникло выражение «самчхонская нетопленная комната», однако в устной традиции оно ошибочно трансформировалось в «самчхокскую нетопленную комнату» [Пак 2012 (1): 32].

Примерами русских фразеологизмов могут служить: *Карфаген должен быть разрушен* (카르타고는 폐허로 되어야 한다 *картаго-нын пхехо ро твейю я ханда*), *спартанское воспитание* (스파르타식교육 *спхартха сик кйюк*), *идти в Каноссу* (까노싸행을 하다 *каноса хэн-ыл хада*), *Наши предки Рим спасли* (우리 조상들이 로마를 구원했다 *Ури чжосандыр-и ромарыл кувонхэтта*), *троянский конь* (트로야목마 *тхыроя мокма* ‘скрытая опасность’) и т. д.

Сопоставив фразеологические единицы с географическими названиями в корейском и русском языках, можно заметить, что многие русские устойчивые обороты включают топонимы, источником которых служат античная мифология, Евангелие и Библия. Кроме того, существуют русские фразеологизмы, содержащие топонимы, связанные с историческими событиями как в России, так и в других странах. В корейском же языке трудно найти подобные единицы, связанные с иной культурой.

3. Лингвокультурологический анализ КФТ и РФТ по степени семантического соответствия

При сопоставительном изучении фразеологизмов необходимо обратить внимание на эквивалентность перевода, т. е. семантические сходства и различия между устойчивыми выражениями двух языков.

КФТ и РФТ можно разделить на фразеологизмы, имеющие соответствия в другом языке (ФИС), и фразеологизмы, не имеющие соответствий (ФНИС).

3.1. Фразеологизмы, имеющие соответствия во фразеологической системе другого языка

С учетом уровней соответствий эти фразеологизмы разделяются на фразеологические эквиваленты и фразеологические аналоги.

«Фразеологические эквиваленты — ФЕ, совпадающие по значению, лексическому составу (либо полностью, либо частично) и выполняющие одинаковую стилистическую функцию; фразеологические аналоги — ФЕ, различные по лексическому составу, выражающие сходное значение, выполняющие одинаковую стилистическую функцию и лишь изредка совпадающие по одному из компонентов» [Нарзикулов 1969: 27].

3.1.1. Фразеологические эквиваленты (ФЭ)

Под межъязыковыми эквивалентами понимаются «единицы разных языков, полностью или частично совпадающие по значению и способные в отдельных контекстах заменять друг друга» [Бережан 1973: 65].

В зависимости от различий в плане выражения межъязыковые ФЭ можно разделить на полные и частичные.

1) Полные фразеологические эквиваленты (ПФЭ)

ПФЭ можно считать фразеологизмы корейского и русского языков, имеющие одинаковые сигнификативно-денотативное значение, субъективно-оценочную, функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную коннотацию, структурно-грамматическую организацию и компонентный состав. Одинаковые сигнификативно-денотативное значение и субъективно-оценочная коннотация определяют равным набором интегральных и дифференциальных сем.

Так, из словаря [Тихонов и др. 2003] были отобраны следующие терминологические РФТ: *марафонский бег*², *монголоидная раса*³, *олимпийские игры*⁴, *сибирский кот*⁵, *папа римский*⁶ и др. В корейском языке существуют синонимические выражения с такими топонимами: *마라손경기* *марасон кёнги*, *몽골인종* *монголь инчжон*, *올림픽경기* *олимпхик кёнги*, *씨비리고양이* *сибири коянги*, *로마법왕* *рома пован* и др.

Если сравнить приведенные корейские и русские устойчивые обороты, то их можно рассматривать как перевод с одного языка на другой. Они построены на одном образе, совпадают эмоционально-экспрессивная коннотация и компонентный состав. Различна их структурно-грамматическая организация: корейские фразеологизмы построены по модели «Сущ. + Сущ.», а русские — «Прил. + Сущ.». Это обусловлено спецификой типологических признаков, присущих одному языку и не свойственных другому.

2) Частичные фразеологические эквиваленты (ЧФЭ)

К ЧФЭ относятся фразеологизмы, отличающиеся в плане выражения устойчивых оборотов тождественной семантики, которые могут носить компонентное или морфологическое расхождение. Среди ЧФЭ

² *Марафонский бег* — состязание в беге на расстояние 42 км 195 м.

³ *Монголоидная раса* — одна из больших рас человечества.

⁴ *Олимпийские игры* — самые крупные международные спортивные соревнования, проводящиеся раз в четыре года.

⁵ *Сибирский кот* — кот особой породы с длинной мягкой шерстью и пушистым хвостом.

⁶ *Папа римский* — верховный глава римско-католической церкви.

различия затрагивают лишь компонентный состав этих единиц, а в качестве различающихся компонентов, как правило, выступают лексемы сходной понятийной или смежной семантики.

Сопоставим терминологические РФТ из словаря [Тихонов и др. 2003] с корейскими выражениями.

РФТ	Корейские выражения
китайская стена ⁷ 중국의 성벽 <i>чжункук-ый сонпёк</i>	만리장성 <i>малли чжансон</i> ‘стена длиною в 400 километров’
голландское полотно ⁸ 네데를란드천 <i>недерланд чхон</i>	얇은 아마천 <i>ёлын ама чхон</i> ‘тонкое льняное полотно’
турецкий диван ⁹ 튀르크이예소파 <i>твирыкие сонха</i>	탄자를 씌운 넓은 장의자 <i>тханчжа рыл сыун нолын чжангычжа</i> ‘широкий диван, обитый ковром’
шведская муха ¹⁰ 스웨리에파리 <i>свериепхари</i>	곡초를 해치는 작은 파리 <i>кокчо рыл хэчи-нын чжагын пхари</i> ‘опасный вредитель злаков’
индейский петух ¹¹ 인디아수닭 <i>индиа сутхак</i>	칠면조 <i>чхильмёнчо</i> ‘индюк’

Как видно из примеров выше, РФТ представляют собой терминологические устойчивые обороты, употребляемые в разных областях социально-экономической жизни: истории, текстильной промышленности, мебельном производстве, сельском хозяйстве, птицеводстве, медицине и т. д. Они выполняют лишь номинативную функцию, т. е. не обладают никакими экспрессивно-эмоциональными коннотациями.

Сопоставляя выражения двух языков, относящиеся к группе ЧФЭ, можно заметить, что они указывают на одни и те же предметы или явления, хотя характеризуются полными или частичными различиями в структурно-грамматической организации и компонентном составе. Более того, в корейских аналогах не содержится ни одного топонима, поэтому корейский читатель плохо понимает дословный перевод этих русских единиц на корейский язык.

Следовательно, ЧФЭ в двух языках имеют полное совпадение в плане содержания и полные или частичные расхождения в плане выражения.

3.1.2. Фразеологические аналоги (ФА)

«К межъязыковым фразеологическим аналогам относятся ФЕ, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы» [Арсентьева 1989: 106].

По степени совпадения или различия корейских и русских фразеологических аналогов с топонимами можно разделить на две группы.

1) Полные фразеологические аналоги (ПФА)

К ПФА относятся близкие по значению выражения, имеющие приблизительное сходство структурно-грамматической организации и различный компонентный состав.

ПФА среди КФТ и РФТ наблюдаются очень редко, поскольку такие единицы с географическими названиями обычно возникают в двух языках на основе образного представления действительности, отражающей обиходный, исторический или духовный опыт данного языкового коллектива, неразрывно связанный с его культурными традициями. Например:

봉산 수수대 같다 *понсан сусутэ катда* ‘как соломина в уезде Понсан’ ≈ *коломенская верста* (폴로멘스꼬예리정표 *колломенское личжонпхйо*);

동무 따라 강남 간다. *Тонму тара каннам канда* ‘За другом идет хоть на Каннам’ ≈ *За другом идет хоть на край света* (동무 따라 세상끝이라도 간다 *Тонму тара сесанкыть ирадо канда*).

Как видно из примеров, структурно-грамматическая организация корейских и русских фразеологизмов характеризуется приблизительным сходством, а соответствие компонентов состоит из таких различных топонимов, как Понсан — Коломенское, Каннам — край света.

⁷ Китайская стена — о полной изолированности от внешних влияний.

⁸ Голландское полотно — тонкое льняное полотно.

⁹ Турецкий диван — широкий диван, обитый ковром.

¹⁰ Шведская муха — опасный вредитель злаков.

¹¹ Индейский петух — индюк.

Первый КФТ происходит от старинного обычая корейского народа. По преданию, в старину гаолян, выращенный в местности Понсан, был необычно высок. Так, корейцы сравнивали высокого худощавого человека с гаоляном из Понсана. Понсан (봉산) — название уезда, входящего в провинцию Хванхэ-Пукто в КНДР [Пак 2012 (1): 414]. Соответствующий корейскому русский устойчивый оборот происходит от первоначального названия высоких верстовых столбов, расставленных от Москвы до села Коломенского, где находился дворец царя Алексея Михайловича, и шутливо употребляется для обозначения очень высокого человека [Тихонов и др. 2003: 113]. Этот КФТ построен по модели «Прил. + Сущ. + Сущ.», а РФТ — «Прил. + Сущ.».

Вторая корейская пословица означает, что если мой друг пойдет на Каннам, я тоже пойду. Говорится о человеке, который без определенной цели подражает другому в каком-либо действии. Кроме того, это выражение используется для обозначения очень близких дружеских отношений [Пак 2012 (1): 242]. На корейском языке слово «Каннам» (강남) обозначает далекий юг или какую-либо далекую южную страну. Холодной зимой ласточки улетали на теплый юг, а весной обязательно возвращались. Наблюдая за жизнью ласточек, корейцы издревле иносказательно называли словом «Каннам» неизвестную далекую южную местность, куда они улетают. У русских аналогичное понятие передается как «край света» [Тихонов и др. 2003: 121]. Данный КФТ построен по модели «Сущ. + Наречие + Сущ. + Глагол», а РФТ — «Сущ. + Глагол + Час. + Сущ. + Сущ.». Можно считать, что конструкции этих единиц приблизительно сходны, поскольку тхо в корейском языке и шесть падежей и разнообразные предлоги в русском играют семантически одинаковую роль в предложении каждого из языков.

Сопоставляя ПФА с топонимами в корейском и русском, можно отметить, что они имеют близкое сигнификативно-денотативное значение, совпадают в субъективно-оценочной коннотации, характеризуются приблизительным сходством в структурно-грамматической организации и незначительным различием в компонентном составе.

2) Частичные фразеологические аналоги (ЧФА)

К ЧФА относятся близкие по значению фразеологизмы, характеризующиеся разной структурно-грамматической организацией и иным компонентным составом.

Такие аналоги среди КФТ и РФТ встречаются сравнительно часто, поскольку они обычно отражают на основе иного образа приблизительные или сходные фрагменты языковой картины мира отдельного народа.

Полностью различаясь компонентным составом и имея разную структуру, некоторые КФТ вступают в отношение частичного соответствия. При этом в РФ-аналогах могут отсутствовать компоненты-топонимы. Например:

- (1) 나중에는 갑산에 갈지라도 *начжунъ енын капсан-е кал чжирадо* 'А потом хоть в Капсан' ≈ *После нас хоть потоп* (우리만 좋으면 그만이다 *Уриман чжоымён кыманида*);
- (2) 금강산구경도 식후경이라. *Кымгансан кугён до сикхукйонъ ира* 'И горы Кымгансан хороши лишь на сытый желудок' ≈ *Что за честь, коли нечего есть* (먹을것이 없는데 무슨 체면 *Мокрылкот си он нынде мусын чхемён*);
- (3) 갈수록 수미산이라. *Кал сурок сумисан ира* 'Чем дальше идешь, тем поближе к горе Сумисан' ≈ *На бедного Макара все шишки валяются* (불쌍한 마까르에게 별의별 불행이 다 덮쳐든다 *Пулсан-хан макар еге пёльыпёл пулхэн-и та топчёдында*);
- (4) 강계색시면 다 미인인가. *Канге сэкси мён та миин инка* 'Если девушки из Канге, значит ли, что все они красавицы' ≈ *Не всё то золото, что блестит* (반짝이면 다 금일가 *Панцакъ имён та кым илка*);
- (5) 강남땅의 금불이 *каннамтан-ый кымпучхи* 'Золотая вещь в Каннаме' ≈ *Лучше синица в руке, чем журавль в небе* (내 손에 있는 박새가 하늘을 나는 두루미보다 더 낫다 *Нэ сон-е ит-нын паксэ-га ханыл-ыл нанын туруми пода до натда*).

КФТ (1) означает, что немедленно и решительно совершат какое-либо желательное дело, не боясь последствий. Это восходит к тому, что в прошлом Капсан (갑산) был местом ссылки [Пак 2012 (1): 278]. Данная единица построена по модели «Сущ. + Сущ. + Глагол», а РФ — «Мест. + Час. + Сущ.».

Смысл КФТ (2) — как бы ни были великолепны горы Кымгансан с пейзажем невиданной красоты, людям приятно любоваться чудесным видом лишь тогда, когда они сыты; значит, голодный ничего не поделает [там же: 95]. Этот оборот построен по модели «Сущ. + Сущ.», а РФ — «Союз + Сущ. + Союз + Мест. + Глагол».

КФТ (3) связан с неприступной горой Сумисан (수미산), вымышленной на основе буддизма. Он означает: чем дальше время, тем хуже положение [там же: 24]. Этот КФТ построен по модели «Сущ. + Глагол», а РФ — «Прил. + Сущ. + Мест. + Сущ. + Глагол».

КФТ (4) обозначает, что женщины, родившиеся и выросшие в Канге, как правило, красивы, но среди них есть и некрасивые. Канге (강계) — город в провинции Чагандо, откуда вышли многие красавицы. Смысл выражения в том, что среди хорошего может быть и плохое, поэтому нельзя необдуманно делать поспешные выводы [там же: 30]. Данный оборот построен по модели «Сущ. + Нар. + Сущ.», а РФ — «Част. + Мест. + Сущ. + Союз + Глагол».

КФТ (5) означает, что чужие вещи никуда не годятся, как бы они ни были хороши и драгоценны. В основе этого лежит представление корейцев о самой драгоценной золотой глыбе в Каннаме, а не о том, что находится перед глазами [там же: 30]. Это устойчивое выражение принадлежит к классу субстантивных ФЕ, а РФ — к фразеологизму со структурой предложения.

Ряд РФТ вступает в отношение частичной аналогии, полностью различаясь компонентным составом и имея разную структуру. При этом в аналогичных корейских единицах могут отсутствовать компоненты-топонимы. Например:

во всю Ивановскую (온 이와놉스까야광장에 대고 *он ивановская кванчжан-е тэго*) ≈ *게사니청을 내다* *кесани чхон-ыл нэда* 'гусиным голосом';

иерихонская труба (에리코의 나팔소리 *ерикхо-ый напхал сори*) ≈ *귀청을 쩌다* *гвичхонъ-ыл цэда* 'пронзительный крик';

Москва не сразу строилась (모스크바는 단번에 건설된것이 아니다 *Москва-нын танпон-е консолтвэн госи анида*) ≈ *첫술에 배부를가*. *Чхотсул-е нэ пурылка* 'Первой ложкой риса не насытишься';

Москва от копеечной свечки сгорела (모스크바가 한꼬빼이까짜리 양초불때문에 다 타버렸다 *моск-ва-га ханкопейка цари янчхо пультэ-е та тхапорётта*) ≈ *개미구멍이 독을 무너뜨린다*. *Кэми кумонъ-и тукъ-ыл мунотыринда* 'И плотина разрушается от муравьиной норки';

Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме (로마의 2인자로 되느니 마을의 1인자로 되는것이 더 낫다 *Рома-ый иинчжа ро твэ ныни маыл-ый ильинчжаро твэ нынкоси то натда*) ≈ *소꼬리보다 개대가리가 낫다*. *сокори пода кэтэгари-га то натта* 'Лучше быть головой собаки, чем хвостом быка'.

Как видно из приведенных примеров, ЧФА в корейском и русском языках могут не только иметь сходство сигнификативно-денотативного значения и одинаковую оценочную коннотацию, но и различаться в структурно-грамматической организации и по компонентному составу.

Это, пожалуй, объясняется тем, что фразеологизмы с географическими названиями обусловлены национальной спецификой образности этих двух языков, относящихся к разным системам.

3.2. Фразеологизмы, не имеющие соответствий во фразеологической системе другого языка

По определению Е. Ф. Арсентьевой, к безэквивалентным ФЕ относятся обороты, которые не имеют соответствий во фразеологических системах других языков. Такие единицы считаются самым трудным объектом теории и практики перевода. Среди них находятся не только выражения, описывающие уникальные реалии, но и словосочетания, называющие какой-нибудь специфический оттенок значения. Важное требование в этом случае состоит в том, чтобы в переводе полностью или в значительной степени были сохранены и основной смысл исходного оборота, и национально-культурная коннотация, специфическая фразеологическая экспрессия и т. д. Одним из практических путей решения этой проблемы является лингвокультурологический анализ фразеологизмов, не имеющих соответствий. Такой анализ позволяет получить информацию о культурном фоне и происхождении устойчивых выражений определенного языка, об их основных смыслах и ситуациях употребления, стилистических оттенках и прагматических особенностях и т. д.

3.2.1. Корейские фразеологизмы, не имеющие соответствий во фразеологической системе русского языка

Например:

(1) 강원도포수 *канвондо пхосу* 'охотник провинции Канвондо';

(2) 송도 오이장사 *сонъдо ой чжанса* 'торговец огурцами из Сондо';

- (3) 황해도 처녀 밤낮을 모른다 *хванхэдо чхонйо памнач-ыл морында* ‘Девушка из провинции Хванхэдо работает и днем, и ночью’.

КФТ (1) употребляется по отношению к людям, пропавшим без вести. По преданию, издревле горы в провинции Канвондо (강원도) в Корее были неприступны, и там водилось много тигров. Поэтому нередко были случаи, когда охотник, ушедший в горы, не возвращался [Пак 2012 (1): 32].

Устойчивый оборот (2) описывает человека, который гонится за прибылью и наживой, но в конце концов упускает шанс и терпит убытки. В прошлом некий торговец огурцами из Сондо услышал, что в одном уезде можно продать огурцы дороже, чем в его городе. Он сразу купил много огурцов и повез их туда на лодке. Однако к его приезду цены на огурцы там упали. Тогда он узнал, что в другом уезде цены на огурцы выросли, и поспешно отправился туда, но там они опять резко снизились. Ему пришлось вернуться со своим товаром в Сондо, поскольку у него не было другого выхода. За это время все огурцы испортились, и торговец не смог окупить затраты. Сондо (송도 *соньдо*) — другое название города Кэсона (개성 *кэсонь*) в КНДР. В X—XIV вв. этот город был столицей государства Корё [там же: 543].

КФТ (3) объясняется тем, что девушки в провинции Хванхэдо (황해도 *хванхэдо*) обычно работали не покладая рук. По преданию, горы Куворсан в этой провинции были так высоки, что из-за их тени девушкам было трудно различить грань между днем и ночью [Пак 2012 (2): 240].

3.2.2. Русские фразеологизмы, не имеющие соответствий во фразеологической системе корейского языка

Например:

Было дело под Полтавой (뿔따바부근에서 격전이 있었다 *полтава пугын-есо кёкчон и итсотда*);

содом и гоморра (소돔과 고모라 *содом ква комора*);

сардонический смех (싸르데냐웃음 *сардэня-ый усым*);

китайские церемонии (중국식례식 *чжункуксик ресик*).

Как видно из приведенных примеров, в корейских и русских ФНИС отражаются присущие отдельному народу исторические события, культура, обычаи, быт, образ мышления и т. д. Некоторые из них, возможно, уже не существуют или сохранились лишь в устойчивых выражениях данного языка. Если дословно перевести эти фразеологизмы на другой язык, то читатель плохо понимает не только свойственную им национально-культурную коннотацию, но и их основной смысл. Поэтому перевод таких оборотов, не имеющих соответствий, на другой язык становится одной из сложных проблем, требующей высокого мастерства переводчика.

4. Способы перевода фразеологизмов с топонимами

При переводе фразеологизмов необходимо учитывать переносное значение выражения, намерение автора, контекст и другие факторы.

Идеальный способ перевода устойчивых оборотов — использование эквивалентного фразеологизма в другом языке, поскольку он позволяет передать не только значение, но и образность, лаконичность и компактность исходного выражения. Многие переводчики сначала пытаются перевести фразеологизмы именно этим способом. Однако, как показано выше, при переводе экспрессивных фразеологизмов с географическими названиями необходимо выбирать подходящий метод, учитывая степень восприятия читателями образных значений этих единиц.

Прежде всего можно подобрать и перевести фразеологизмы, близкие по значению в двух языках.

Поиск заменяющего фразеологизма в конкретном семантическом поле требует хорошего знания устойчивых выражений; помощником в этом случае могут быть фразеологические словари, составленные частично с учетом идеографии. Однако при отсутствии семантически эквивалентных фразеологизмов в таких словарях следует подобрать единицы, имеющие сходное переносное значение и основанные на ином, отличном от оригинала образе.

Например, корейская пословица 장사말하는데 혼사말한다 *Чхансамаль ханынтэ хонсамаль ханда* ‘Тут речь про похороны, а он толкует о свадьбе’ и русская *В огороде бузина, а в Киеве дядька*, русский фразеологизм *галопо по Европам* и корейский 번개볼에 콩 닦아먹겠다 *Понкепул-е кхонь такамоккетта* ‘Можешь поджарить бобы на молнии’ вступают между собой в аналогичные отношения. Поэтому такие фразеологизмы могут уместно использоваться при переводе текстов. Например:

— В огороде бузина, а в Киеве дядька, — сердито буркнул Величко, — трудно с вами спорить, милейший генерал. И ... опасно. (《장사말하는데 혼사말이로군.》하고 벨리츠크는 성이 나서 투덜거렸다. 《당신과는 론쟁하기가 험치 않구만, 친근하여마지 않는 장령. 그리고 ... 위험하단말이요.》 《Чхансамаль ханынтэ хонсамаль ирокун》 хако величко-нын сон-и насо тхутоль корётта. 《Тансин кванын рончэнь хаги-га холчи анкхуман, чхингхаёмачжи ан-нын чжанрён. кыри-ко вихом хатанмалийо》).

Впрочем, турне *галопом по Европам* дало артисту мало времени для обстоятельных бесед — кое-кому из собеседников он уделил 20 минут своего времени, даже самые серьезные разговоры отнимали у него не больше полутора часов. (하지만 《번개볼에 콩 댕아먹듯》이 진행되는 순회공연은 배우에게 자당한 이야기를 나눌 짬을 얼마 주지 않았다. 그래서 어떤 담화상대방에게는 그가 자기 시간을 20분 내었고 지어 가장 심각한 대화라도 그에게서는 한시간반이상은 걸리지 않았다. *Чажиман «понке пул-е кхон такамок дыт» си чжинхэн ханын сунхвэ конъён-ын нэу екэ чжасанхан ия-гырыл нанул цам-ыл олма чжучжи анатта. Кырэсо отон тамхва сантэпан екенын кы-га чжаги суган-ыл исип пун нэётко чжю качжан симкак хан тэхва радо кы егесонын хансикан пан исан-ын колличжи анатта*).

Использование аналогов может сохранять основной смысл переводимой единицы, так как в языке перевода имеется образный фразеологизм, почти совпадающий по общим параметрам с исходной единицей. Однако в таком случае следует обязательно учитывать, что национальный колорит определенного языка может измениться, поскольку топонимическая коннотация очень ярка. Например, если по аналогии перевести русский фразеологизм *коломенская верста* на корейский *봉산 수수대 같다* *понсан сусутэ катда* 'как соломина в уезде Понсан', то читатель может ошибочно понять, что произведение написано не русским, а корейским автором.

Например:

— Могу проводить тебя на первый раз для безопасности, — предложил Бореико. — Нет, нет! — решительно возразила Ольга Семеновна. — Во-первых, на такую *коломенскую версту*, как ты, все будут обращать внимание, а во-вторых, некому детей нянчить. (《안전을 위해 처음으로 내가 당신을 바라워줄수 있소.》하고 보레이코가 의견을 내놓았다. 《안돼요, 안돼!》하고 올라 세묘노브나가 아예 밀막았다. 《첫째로는 봉산 수수대 같이 경중한 당신을 모두가 주시할것이고 둘째로는 아이들을 봐줄 사람이 없거든요.》 《안чжон-ыл вихэ чхоым ыро нэка тансин-ыл парэвочжулсу ит-со.》 хаго бореико-га ыкён-ыл нэноатта. 《Антвэйю, антвэ》 хаго ольга семёновна-га ае милмагатта. 《Чхотцэ ронын понсан сусутэ качхи кончхун хан тансин-ыл моту ка чжуси халкотсигу тулцэро-нын аидырыл пвачжул сарам-и опкодынё.》)

В подобных случаях, когда различные географические названия входят в компонентный состав корейских и русских фразеологизмов, вступающих в аналогичное отношение, целесообразно прибегать к буквальному переводу, чтобы максимально выявить национально-культурную коннотацию исходного оборота.

Например:

— Могу проводить тебя на первый раз для безопасности, — предложил Бореико. — Нет, нет! — решительно возразила Ольга Семеновна. — Во-первых, на такую *коломенскую версту*, как ты, все будут обращать внимание, а во-вторых, некому детей нянчить. (《안전을 위해 처음으로 내가 당신을 바라워줄수 있소.》하고 보레이코가 의견을 내놓았다. 《안돼요, 안돼!》하고 올라 세묘노브나가 아예 밀막았다. 《첫째로는 콜로멘스고예리정표 같이 경중한 당신을 모두가 주시할것이고 둘째로는 아이들을 봐줄 사람이 없거든요.》 《안чжон-ыл вихэ чхоым ыро нэка тансин-ыл парэвочжулсу ит-со.》 хаго бореико-га ыкён-ыл нэноатта. 《Антвэйю, антвэ》 хаго ольга семёновна-га ае милмакатта. 《Чхотцэ ронын колломенское ричжонпхйо качхи кончхун хан тансин-ыл моту ка чжуси халкотсигу тулцэро-нын аи дырыл пвачжул сарам-и опкодынё.》)

Такой перевод РФТ почти не создает трудностей для понимания образа корейскими читателями, поскольку в корейском языке имеется ФА, обладающий приблизительным сходством в сигнификативно-денотативном значении и в структурно-грамматической организации.

Далее, можно применять дословный перевод.

Дословная передача фразеологизма с топонимом позволяет полностью выразить смысл оригинала и его национально-культурную коннотацию. Однако этот прием следует использовать лишь в тех случаях, когда он может быть легко воспринят читателем и не создает впечатления неестественности или несоответствия общепринятым нормам переводящего языка. Так, дословно можно перевести интернациональ-

ные выражения, т. е. ФЕ, связанные общностью происхождения из одного источника, в том числе широко известные в мире мифы, исторические анекдоты, литературные произведения, явления природы и т. д. Подобное воспроизведение позволяет читателям без помех воспринять живость, образность и выразительность исходного оборота.

Например, русский фразеологизм *перейти Рубикон*, отсылающий к историческому событию, когда в 49 г. до н. э. Цезарь со своими солдатами переправился через реку в Рим и развязал гражданскую войну, широко известен и в корейском языке выражением *루비콘강을 건느다* *рубиконганъ-ыл конныда*, означающим ‘совершать необратимые действия, сделать решительный шаг’. Таким образом, можно дословно перевести этот оборот, имеющий книжный оттенок. Например:

Это была первая пьеса молодого автора. Спектакль зрители приняли восторженно, критики отозвались о нем с похвалой. Словом, *Рубикон был перейден*. Отныне спектакль прочно вошел в репертуар театра. (이것은 젊은 작가의 첫 희곡작품이었다. 공연은 관객들의 절찬을 받았으며 평론가들은 그에 대한 찬사를 아끼지 않았다. 한마디로 루비콘강을 넘는 셈이었다. 이제부터는 공연이 확고하게 극장의 상연목록에 자리잡게 되었다. *Икотсын чжолмын чакка-ый чхот хикогчакхумийотда. Конъйон-ын кванкэктыл-ый чолчхан-ыл пататсымйо пхйонронгадыл-ын гые тэхан чхансарыл акичжи анатда. Ханмади ро рубиконганъ-ыл номын семийотда. Иче пуххонын конъйон-и хвакго хэгэ кыкчан-ый санъйонъ мокърок-е чжаричжап кэ твейотда.*)

Русский фразеологизм *Волга впадает в Каспийское море*, восходящий к рассказу известного русского писателя А. П. Чехова, шутливо используется, когда хочется подчеркнуть, что речь идет вовсе не о чем-то новом, а о каком-либо общеизвестном предмете или банальности. Этот оборот можно перевести дословно. Устойчивое выражение *Москва не сразу строилась* тоже допускает дословный перевод на корейский язык, поскольку через переведенное выражение вполне достаточно понять его образное значение. Например:

Дважды два, — безусловно, четыре. *Волга*, несомненно, *впадает в Каспийское море*. Лошади, бесспорно, кушают овес... Но что пользы от повторения этих абсолютных истин! (둘에 둘을 곱하면 틀림없이 넷이다. 의심할바없이 불가강은 까스빠해에로 흘러든다. 말이 귀리를 먹는다는것은 두말할 여지도 없다... 하지만 너무나 빠른 이런 사실을 곱씹는다고 얻을게 무엇인가! *Тул-е тул-ыл копхамйон тылимпси нэтсида. Ысимхалпаопси волгаган-ын каспихэ-еро хылодында. Мал-и квири рыл мокнында нынкосын тумал хал йочито опта... Хачиман номуна понхан ирон саси рыл копсиньнта ко отыл ке муотсинга!*)

— *Не сразу*, сынок, *Москва строилась*. И мы тоже не с того начинали, а все в мастера вышли. Ты подожди, подожди. (아야, 모스크바가 단번에 건설된것은 아니란다. 우리도 처음부터 그렇지는 못했지만 모두가 기능공으로 되었지. 너도 좀 있거라, 좀 기다려보라니까. *Эя, москва ка танпон-е консолтвэн котсын ани ранта. Ури до чхоям путо кыротчхи-нын мотхэт чиман моту ка кинь-конъ ыро твэйотчи. Но то чом иткора, чом китарйопораника.*)

Однако не все фразеологизмы с топонимами можно перевести дословно, поскольку из-за различий между культурами двух стран неодинаково и культурное восприятие людей.

Далее, можно использовать описательный перевод.

При подборе устойчивого оборота с аналогичным значением или при его дословном переводе в значительной мере можно передать не только основной смысл, но и национально-культурную коннотацию. Однако существуют такие выражения, национально-культурные особенности которых очень трудно или невозможно передать через перевод, поскольку эти своеобразные коннотации доступны лишь носителям языка. В таком случае переводчику следует прибегнуть к описательному переводу, т. е. к передаче значения через объяснение, чтобы основной смысл фразеологизма передавался точнее, хотя его образность при этом значительно ослабевает или даже совсем исчезает.

Описательный перевод должен быть объяснением, сравнением, описанием и толкованием — всеми средствами передачи содержания исходных оборотов в максимально ясной и краткой форме, насколько возможно, приближаясь к устойчивым единицам в переводящем языке. Переводчик должен постоянно стремиться к этому.

Например, русский фразеологизм *кануть в Лету* происходит от древнегреческого мифа о реке Ада, водой которой умирающий омывается и навсегда забывает о прошлом. Устойчивый оборот *открыть Америку*, восходящий к открытию Нового Света Колумбом в 1492 г., употребляется шутливо или неодобрительно по отношению к человеку, который объясняет или рассказывает о давно известных вещах. Если эти фразеологизмы перевести на корейский язык как *망각의 강물에 자취를 감추다* *манкак-ый ган-*

мул-е чачхи рыл камчхуда и Америка대륙을 발견하다 *америкха тэрюк-ыл палкйонхуда*, то переведенные выражения будут трудно восприниматься корейскими читателями. Поэтому в подобных случаях можно использовать описательный перевод, чтобы основной смысл исходного оборота в значительной мере передавался. Например:

Спорщики забыли, что это событие, о котором они говорят, произошло много лет назад и давно *кануло в Лету*. (말싸움쟁이들은 저들이 말밥에 올린 이 사건이 썩 이전에 벌어진것이고 오래전에 영영 지나가버린것이라는것을 망각하였다. *Малсаумчэньи тылын чотыл-и малпан-е олин и сакон-и сок ичон-е полочинкотсико орэчон-е йонъйонъ чинакапоринкотсиранынкотсыл манкакхайотта*.)

И живи он хоть сотню лет, он *Америки* не *откроет*, радости никому не принесет. (그래서 아무리 100년을 산다고 해도 그 사람은 큰일은 못칠것이고 아무에게도 기쁨을 가져다주지는 못할것이다. *Кырэсо амури пэкнйон-ыл санта ко хэто кы сарам-ын кхынир-ын мотчхил кос-ико амуеке то кылым-ыл качйотачучжи-нын мотхал кос-ита*.)

При описательном переводе приходится отказываться от воспроизведения не только краткости, ясности, живости и т. д., но и от оттенка устной или письменной речи. Тем не менее можно считать, что цель такого способа в основном достигнута, если правильно передать главную информацию, содержащуюся во фразеологизме, хотя здесь не отражаются дополнительные коннотации.

5. Выводы

Фразеологизмы с географическими названиями, которые придают высказыванию образность и четкость, красочность и выразительность, оживляют и украшают повествование, требуют глубокого и всестороннего изучения, поскольку такие устойчивые обороты, как и другие, были созданы в длительном процессе развития истории и культуры данного народа, фиксируют и передают от поколения к поколению национально-культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы.

В настоящее время в преподавании русского языка в КНДР уделяют пристальное внимание тому, чтобы студенты достаточно узнавали историю, традиции и национальные обычаи России и учились выбирать наиболее подходящие выражения при прямом или обратном переводе (с корейского на русский и наоборот).

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Результаты сопоставления КФТ и РФТ по компоненту-топониму и по тематическому содержанию в лингвокультурологическом аспекте показали, что немало русских фразеологизмов включает топонимы, источником которых служат античная мифология, Евангелие и Библия, а также топонимы, связанные с историческими событиями как в России, так и в других странах. Однако подобные выражения с такими географическими названиями трудно найти в корейском языке. Это можно объяснить тем, что КФТ и РФТ отражают явления, факты и события, отсутствовавшие в жизни другого народа.

2. ФЭ корейского и русского языков имеют полное совпадение в плане содержания. В плане выражения они могут совпадать или различаться. Структурно-грамматическая организация ФЭ также может иметь расхождения. Это объясняется особенностями сочетания слов двух языков, поскольку сопоставляемые языки принадлежат к разным системам.

3. В ФНИС корейского и русского языков отражаются присущие отдельному народу исторические события, культура, обычаи, быт, образ мышления и т. д. Некоторые из них, возможно, уже не существуют или сохранились лишь во фразеологизмах данного языка.

4. При переводе фразеологизмов с географическими названиями переводчик должен использовать рациональный способ передачи в соответствии с основным смыслом данной единицы, ее национально-культурной коннотацией, намерением автора, общей тональностью текста и культурным уровнем читателей. Создание остроумного переложения требует от переводчика свободного владения всеми ресурсами родного языка.

Только переводчик, полностью овладевший родным языком на высоком уровне, может безупречно перевести такие ФЕ, как устойчивые обороты с топонимами, которые имеют необыкновенно яркую национально-культурную коннотацию, и добиться такого выразительного эффекта, как у оригинала.

Материалы проведенных нами исследований станут весьма полезными в точном понимании двух культур не только для корейских студентов, изучающих русский язык, но и для русских студентов, осваивающих корейский язык. Они также послужат ценным и интересным учебным материалом для учащихся обоих народов, изучающих русский и корейский языки в вузах двух стран и стремящихся постигнуть особенности картин мира этих языков и специфику ментальности их народов.

Условные обозначения и сокращения

≈ — приблизительное сходство	ФЕ — фразеологическая единица, фразеологизм
КФТ — корейский фразеологизм с топонимами	ФИС — фразеологизм, имеющий соответствия
Мест. — местоимение	ФНИС — фразеологизм, не имеющий соответствий
Прил. — имя прилагательное	ФЭ — фразеологический эквивалент
ПФА — полный фразеологический аналог	Час. — частица
ПФЭ — полный фразеологический эквивалент	Чис. — имя числительное
РФТ — русский фразеологизм с топонимами	ЧФА — частичный фразеологический аналог
Сущ. — имя существительное	ЧФЭ — частичный фразеологический эквивалент
ФА — фразеологический аналог	

Литература

- Арсентьева 1989 — *Е. Ф. Арсентьева*. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань: Изд. Казанского университета, 1989.
- Бережан 1973 — *С. Г. Бережан*. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев: Штиинцы, 1973.
- Голуб 2003 — *И. Б. Голуб*. Стилистика русского языка. М.: Айрис-Пресс, 2003.
- Евгеньева 1981 — *А. П. Евгеньева* (отв. ред.). Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981.
- Жуков 2000 — *В. П. Жуков*. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000.
- Даль 1984 — *В. И. Даль*. Пословицы русского народа: В 2 т. М.: Художественная литература, 1984.
- Кохтев, Розенталь 1990 — *Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь*. Русская фразеология. М.: Русский язык, 1990.
- Нарзикулов 1969 — *А. Нарзикулов*. Французская фразеология и вопросы французо-узбекского художественного перевода. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969.
- Никольский, Цой 1976 — *Л. Б. Никольский, Ден Ху Цой* (ред.). *조로대사전* (Большой корейско-русский словарь: В 2 т.) М.: Русский язык, 1976.
- Ожегов 2010 — *С. И. Ожегов*. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и Образование, 2010.
- Пак 2012 (1) — *Тхэк Чжин Пак*. *조선속담사전* (Словарь корейских пословиц). Т. 1. Пхеньян: Наука и энциклопедия, 2012.
- Пак 2012 (2) — *Тхэк Чжин Пак*. *조선속담사전* (Словарь корейских пословиц). Т. 2. Пхеньян: Наука и энциклопедия, 2012.
- Тихонов и др. 2003 — *А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова*. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык — Медиа, 2003.
- Хан 2006 — *Тхэ Гук Хан* (ред.). *로조대사전* (Большой русско-корейский словарь). Пхеньян: Изд-во учебной литературы на иностранных языках, 2006.
- Шанский и др. 1987 — *Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов*. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987.

References

- Arsent'eva 1989 — *E. F. Arsent'eva*. Sopotavitel'nyi analiz frazeologicheskikh edinit. Kazan': Izdanie Kazanskogo universiteta, 1989. {*E. F. Arsent'eva*. Comparative analysis of idiomatic units. Kazan: Izdanie Kazanskogo universiteta, 1989.}
- Berezhn 1973 — *S. G. Berezhn*. Semanticheskaya ekvivalentnost' leksicheskikh edinit. Kishinev: Shtiintsy, 1973. {*S. G. Berezhn*. Semantic equivalence of lexical units. Kishinev: Shtiintsy, 1973.}
- Dal' 2000 — *V. I. Dal'*. Poslovitsy russkogo naroda: V 2 t. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1984. {*V. I. Dal'*. The proverb of the Russian people. Vol. 1—2. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1984.}
- Evgen'eva 1981 — *A. P. Evgen'eva* (red.). Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Russky yazyk, 1981. {*A. P. Evgen'eva* (ed.). Russian Dictionary. Vol. 1—4. 2nd ed., corrected and extras. Moscow: Russky yazyk, 1981.}
- Golub 2003 — *I. B. Golub*. Stilistika russkogo yazyka. Moskva: Airis-Press, 2003. {*I. B. Golub*. Russian stylistics. Moscow: Airis-Press, 2003.}
- Han 2006 — *Thae-Guk Han* (red.). *로조대사전* (Rojodaesajon). Pyongyang: Oekungmundosochulpansa, 2006. {*Thae-Guk Han* (ed.). *로조대사전* (Russian-Korean Comprehensive Dictionary). Pyongyang: Izdatel'stvo uchebnoi literaturyi na inostrannykh yazykakh, 2006.}

Kokhtev, Rozental' 1990 — N. N. Kokhtev, D. E. Rozental'. Russkaya frazeologiya. Moskva: Russky yazyk, 1990. {N. N. Kokhtev, D. E. Rozental'. The Russian phraseology. Moscow: Russky yazyk, 1990.}

Narzikulov 1969 — A. Narzikulov. Frantsuzskaya frazeologiya i voprosy frantsuzsko-uzbekskogo hudozhestvennogo perevoda. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1969. {A. Narzikulov. The French phraseology and Problems of French-Uzbek literary art style translation. Outline of master's works of philology. Leningrad, 1969.}

Nikol'sky, Choe 1976 — L. B. Nikol'sky, Jong-Hu Choe (red.). 조로대사전 (Jorodaesajon): Je 1~2 kwon. Moskva: Russky yazyk, 1976. {L. B. Nikol'sky, Jong-Hu Choe (eds.). 조로대사전 (Korean-Russian Dictionary). Vol. 1—2. Moscow: Russky yazyk, 1976.}

Ozhegov 2010 — S. I. Ozhegov. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. 27-e izd., isprav. Moskva: Oniks: Mir i Obrazovanie, 2010. {S. I. Ozhegov. Explanatory dictionary of the Russian language. 27nd ed., corrected. Moscow: Oniks: Mir i Obrazovanie, 2010.}

Pak 2012 (1) — Tek-Jin Pak. 조선속담사전 (Josonsokdamsajon). Je 1 kwon. Pyongyang: Gwahakpaekkwajasajonchulpansa, 2012. {Tek-Jin Pak. 조선속담사전 Korean proverb dictionary Vol. 1. Pyongyang: Nauka i entsiklopediya, 2012.}

Pak 2012 (2) — Tek-Jin Pak. 조선속담사전 (Josonsokdamsajon). Je 2 kwon. Pyongyang: Gwahakpaekkwajasajonchulpansa, 2012. {Tek-Jin Pak. 조선속담사전 Korean proverb dictionary Vol. 2. Pyongyang: Nauka i entsiklopediya, 2012.}

Shansky i dr. 1987 — N. M. Shansky, V. I. Jimin, A. V. Phillippov. Opyt etimologicheskogo slovary russkoi frazeologii. Moskva: Russky yazyk, 1987. {N. M. Shansky, V. I. Jimin, A. V. Phillippov. Experience in the Dictionary of the Origin of the Russian idioms. Moscow: Russky yazyk, 1987.}

Tikhonov i dr. 2003 — A. N. Tikhonov, A. G. Lomov, L. A. Lomova. Frazeologichesky slovar' russkogo yazyka. Moskva: Russky yazyk — Media, 2003. {A. N. Tikhonov, A. G. Lomov, L. A. Lomova. The Dictionary of Russian Idioms. Moscow: Russky yazyk — Media, 2003.}

Zhukov 2000 — V. P. Zhukov. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok. Moskva: Russky yazyk, 2000. {V. P. Zhukov. Russian proverb, dictionaries. Moscow: Russky yazyk, 2000.}

Семантика глаголов исчезновения в турецком и казахском языках в лексико-типологической перспективе

Альбицкий Павел Олегович, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва); Albitskiy97@gmail.com
Казкенова Аимгуль Каирбековна, Университет Нархоз (Алматы); aimgul.kazkenova@narxoz.kz

В статье представлены результаты исследования глаголов исчезновения в турецком и казахском языках, проведенного в рамках подхода Московской лексико-типологической группы.

Актуальность работы обусловлена тем, что применение фреймового подхода к описанию глаголов исчезновения в тюркских языках может существенно дополнить не только лексико-типологические, но и тюркологические исследования.

Выделены два центральных фрейма (прототипические ситуации): наблюдаемое исчезновение (*Поезд исчез в тоннеле*) и исчезновение в результате временной потери контроля (*Пропал мальчик*), каждый из которых имеет микрофреймы. В частности, микрофреймы наблюдаемого исчезновения позволяют различать перемещение объекта, перемещение наблюдателя, появление преграды, изменение свойств субъекта исчезновения и возникновение помех для зрительного восприятия. В свою очередь, исчезновение в результате временной потери контроля можно представить как отсутствие объекта на некотором закреплённом за ним месте и как исчезновение объекта, о местоположении которого нет информации. Перечисленные (микро)фреймы представляют собой ядро семантического поля исчезновения.

Несмотря на принадлежность турецкого и казахского языков к одной языковой семье и наличие когнатной лексики, они демонстрируют существенные различия в отношении распределения глаголов исчезновения внутри семантического поля. Помимо этого, в статье описываются случаи семантической смежности, когда для описания исчезновения могут использоваться глаголы из другого семантического поля (прежде всего глаголы движения).

Ключевые слова: лексическая типология, тюркские языки, глаголы исчезновения, Московская лексико-типологическая группа

THE SEMANTICS OF TURKISH AND KAZAKH VERBS OF DISAPPEARANCE FROM A TYPOLOGICAL PERSPECTIVE

Pavel O. Albitskiy, HSE University (Moscow); Albitskiy97@gmail.com
Aimgul K. Kazkenova, Narxoz University (Almaty); aimgul.kazkenova@narxoz.kz

The article presents the results of a study on Turkish and Kazakh verbs of disappearance, conducted within the framework of the Moscow lexical typology Group. Its relevance lies in the fact that applying the frame-based approach to the description of verbs of disappearance in Turkic languages can significantly complement not only lexical typological but also Turkological studies.

The study identifies two central frames (prototypical situations): observed disappearance (*The train disappeared into the tunnel*) and disappearance due to temporary loss of control (*The boy disappeared*), each of which contains microframes. Specifically, the microframes of observed disappearance distinguish between object movement, observer movement and the appearance of an obstacle, changes in the properties of the disappearing subject, and the emergence of visual perception barriers. In turn, disappearance due to temporary loss of control can be conceptualized as either the absence of an object from a fixed location assigned to it or as the disappearance of an object whose whereabouts are unknown. These (micro)frames form the core of the semantic field of disappearance.

Despite Turkish and Kazakh belonging to the same language family and sharing cognate vocabulary, a comparative analysis reveals significant differences in the distribution of disappearance verbs within the semantic field. Cases of semantic contiguity are also mentioned, where verbs from another semantic field—primarily motion verbs—are used to describe disappearance.

Keywords: lexical typology, Turkic languages, verbs of disappearance, Moscow lexical typology group

1. Введение

Статья посвящена описанию глаголов исчезновения в турецком и казахском языках в лексико-типологической перспективе. Под исчезновением понимается такая динамическая ситуация, при которой объект, первоначально доступный говорящему или наблюдателю, внезапно (1) или постепенно (2) оказывается вне зоны его восприятия.

(1) *Впрочем, старуха почти сразу **исчезла**, закрыв за собой дверь* (Н. К. Чуковский. Балтийское небо (1946—1953)).

(2) *⟨...⟩ корабль **исчез** за поворотом Рейна* (И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)).

Исчезновение может быть следствием различных причин: перемещения объекта в неизвестное для говорящего или наблюдателя место, полного прекращения существования объекта и др. Кроме того, причины исчезновения могут быть вообще неизвестны субъекту; в таком случае он просто констатирует новое положение дел.

Данное исследование выполнено в соответствии с подходом Московской лексико-типологической группы, предполагающим выделение фреймов, т. е. прототипических ситуаций, характерных для определенного семантического поля. Фреймы определяются на основе анализа сочетаемости (см., в частности, [Рахилина, Резникова 2013]). Помимо их выделения и описания, устанавливается состав связанных с ними лексем в разных языках мира и осуществляется типологическое сопоставление полученных данных. Фреймовый подход в полной мере соответствует задачам описания глагольной лексики, поскольку аргументная структура глагола является, по сути, моделью ситуации. Неудивительно, что этот подход позволил накопить обширный опыт изучения разных таксономических глагольных классов, таких как глаголы движения в воде [Майсак, Рахилина 2007], поиска [Рыжова и др. 2018], падения [Резникова и др. 2020], прятания [Резникова 2022], изменения [Лапшина и др. 2024] и др.

Рассматриваемые в статье турецкий и казахский языки принадлежат к разным группам тюркских языков — огузской (юго-западной) и кыпчакской (северо-западной). Помимо генетической общности, их объединяют культурно-религиозные (исламские) традиции, обусловившие наличие в обоих языках арабских и персидских заимствований. Тем не менее своеобразие турецкого и казахского языков определяется уникальными для каждого из них путями исторического развития, а также их принадлежностью к разным контактным ареалам [Johanson 2021: 180—184, 186—187].

Очевидно, что применение фреймового подхода к описанию глаголов исчезновения в тюркских языках может существенно дополнить не только лексико-типологические, но и тюркологические исследования. Уже имеющийся опыт — выполненные независимо друг от друга в рамках масштабного проекта «Типология глаголов падения» работы по изучению глаголов этой семантической зоны в турецком [Кадырова 2020] и казахском [Казкенова 2020] — подтверждает, насколько по-разному может быть устроено одно и то же семантическое поле в этих тюркских языках.

Цель статьи определяет ее структуру. В разделе 2 описываются методы и материалы исследования. В разделе 3 представлена структура семантического поля исчезновения и его фреймы. В разделах 4 и 5 описаны особенности распределения глаголов исчезновения внутри семантического поля в турецком и казахском языках соответственно. В разделе 6 подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.

2. Методы и материалы исследования

Материалом исследования послужили данные специально разработанной лексико-типологической анкеты. Она была составлена на основе модели семантического поля — системы фреймов, охватывающих разные ситуации исчезновения (см. об этом раздел 3). Структура семантического поля проверялась с помощью языковых данных. Для этого привлекались лексикографические и корпусные ресурсы четырех языков (русского, английского, словенского и французского), благодаря чему в первоначальный вариант опросника, подготовленного на материале русского языка, были внесены существенные уточнения (см. [Альбицкий 2022]¹).

Лексико-типологическая анкета составлялась таким образом, чтобы каждое предложение, в котором информанты должны были употребить глагол исчезновения, отражало некоторый фрейм или микрофрейм этого процесса. Например, получающая геоцентрическую интерпретацию ситуация ‘исчезновение небесного тела в результате движения за преграду’ связана со следующим примером:

¹ В настоящее время выборка расширяется и привлекаются данные ненецкого, китайского, хинди и других языков.

(3) *Солнце _____ за горизонтом.*

Респондентам предлагалось перевести предложения из анкеты на родной язык и подчеркнуть выбранный глагол. Если вариантов несколько, то необходимо было написать все из них. В предложениях намеренно пропускались глаголы, чтобы информанты не были ограничены в выборе. При этом контекст составлялся таким образом, чтобы однозначно указывать на необходимость употребления именно глаголов рассматриваемого семантического поля.

Анкета была оформлена на русском и английском языках. В рамках нашего исследования использовались оба варианта перевода: носителям турецкого языка (всего 8 опрошенных) анкета предлагалась на английском языке, носителям казахского (с учетом естественного казахско-русского билингвизма; всего 7 респондентов) — на русском.

Помимо ответов и комментариев носителей двух языков, мы уточняли данные у экспертов (преподавателей и лингвистов), обращались к лингвистическим корпусам (The Turkish Corpus [TS Corpus] и Алматинскому корпусу казахского языка [АККЯ]), словарям и лексикографическим базам [TDK; ҚӘТС; ОКС; Sozdik; Sozdikqor]. В частности, корпусы позволили оценить разнообразие употребления глаголов исчезновения, а словари — уточнить семантику и полисемию.

Полученные результаты мы визуализировали с помощью лексико-семантических карт, иллюстрирующих распределение лексем внутри семантического поля. О принципах построения таких карт см. подробнее [Georgakopoulos, Polis 2018].

3. Структура семантического поля

Семантическое поле исчезновения представлено двумя центральными фреймами — наблюдаемого и ненаблюдаемого исчезновения (см. подробнее [Альбицкий, Рахилина 2025]).

Наблюдаемое исчезновение — это постепенное или внезапное исчезновение некоторого наблюдаемого объекта из поля зрения наблюдателя. Соответственно, обязательными участниками этого процесса являются объект наблюдения (в рамках рассматриваемого фрейма его справедливо называть субъектом исчезновения) и наблюдатель. Поскольку субъект исчезновения может не только удаляться на расстояние, с которого наблюдение за ним становится невозможным, но и скрыться за какой-либо преградой (или быть заслоненным ею), преграда может быть факультативным компонентом наблюдаемого исчезновения. В зависимости от причин исчезновения можно выделить три его микрофрейма.

Первый микрофрейм наблюдаемого исчезновения связан с перемещением в пространстве как причиной, по которой субъект исчезновения перестает быть видимым. Перемещаться могут разные участники ситуации: субъект исчезновения (4), наблюдатель (5) или преграда (6):

(4) *Поезд **исчез** в тоннеле, мы втроем остались на платформе.*

(5) *Мы свернули на загородное шоссе: погасли огни улиц, и вместе с ними **исчез** и город.*

(6) *Опустился занавес, и актеры **исчезли**.*

Фигура наблюдателя допускает, что объективное перемещение в пространстве может получать субъективную интерпретацию. Такая интерпретация, например, лежит в основе геоцентрического описания движения небесных тел, зафиксированного во многих языках:

(7) *Солнце **исчезло** за горизонтом.*

Движение небесных тел как особых субъектов исчезновения может описываться в том числе с помощью специализированных глаголов, например глаголов погружения в воду или глаголов качения:

(8) *When the sun **sinks** below the horizon, the last flash we should see is purple.* ‘Когда солнце садится за горизонт, последним лучом мы должны видеть фиолетовый’ (Context Reverso).

(9) *Солнце **закатилось** за горы и подсвечивало оттуда их мягкие контуры* («Альфа и Омега», 2001).

Второй микрофрейм наблюдаемого исчезновения связан с другой причиной — потерей наблюдателем возможности зрительного наблюдения, например из-за наступления темноты, ср.:

(10) *Он выключил свет, и все **исчезло**.*

Хотя второй микрофрейм отличается от первого отсутствием физического перемещения, их объединяет то, что в обоих случаях наблюдатель не сомневается в дальнейшем существовании субъекта исчезновения — он просто не может за ним наблюдать.

В свою очередь, третий микрофрейм наблюдаемого исчезновения противопоставлен первым двум именно потому, что в его основе лежит причина другого рода — изменение самого субъекта исчезновения, а именно потеря им свойства видимости. В этом случае наблюдателю часто непонятна природа исчезновения: то ли субъект этого процесса прекращает свое существование, то ли, меняя свое качество, переходит в иное состояние, ср.:

(11) *Призрак **исчез**. Я остался один в пустой комнате.*

Второй фрейм — это ненаблюдаемое исчезновение, т. е. исчезновение, произошедшее в отсутствие наблюдателя или при потере контроля над объектом. Примером может служить мальчик, который втайне от родителей ушел из дома. Такая ситуация отличается от первой по ряду параметров. Во-первых, в ней отсутствует непосредственный наблюдатель исчезновения — есть лишь участник ситуации, который констатирует изменившееся положение дел. Во-вторых, поскольку наблюдения не было, неизвестны причины и обстоятельства исчезновения, а также местонахождение и судьба объекта. В-третьих, исчезновение, часто трактуемое как пропажа или потеря, становится точкой отсчета для последующего поиска, а то, что исчезло, — объектом поиска.

Второй фрейм тоже имеет свои микрофреймы. Различие между ними связано с тем, существует ли устойчивая связь исчезнувшего объекта с определенным местом или нет. Первый микрофрейм ненаблюдаемого исчезновения — это отсутствие объекта на своем (закрепленном) месте, например ключей на полке, документа в ящике стола и т. д. Если объект отсутствует на своем месте, начинается его поиск «по горячим следам», причем с ближайшей к этому месту зоны. «Закрепленное» место может интерпретироваться и дейктически: в строгом смысле у вещи нет своего места, но она имеет устойчивую связь с обладателем и всегда находится «под рукой»:

(12) *Куда **делся** мой телефон? Пять минут назад он лежал на столе.*

Устойчивой связью с местом обладают не только неодушевленные предметы, но и люди, например работники и домохозяцы:

(13) *Я зашла в магазин, а продавца не было. Куда он **делся**?*

Второй микрофрейм ненаблюдаемого исчезновения предполагает полное отсутствие информации об исчезнувшем объекте и даже предположений о том, где он может быть. Изначально у этого объекта могло не быть строго закрепленного места, или же связь с местом нарушена из-за долгого отсутствия объекта и его безрезультатных поисков. Например:

(14) *Моя посылка должна была прийти еще вчера, но куда-то **пропала**.*

То же верно и для людей (15) и животных (16):

(15) *Сосед **пропал** несколько дней назад. Мы сообщили в полицию.*

(16) *У миссис Уайт **пропала** собака. Ее давно ищут.*

Выделяя два микрофрейма ненаблюдаемого исчезновения, мы допускаем, что границы между ними подвижны и оставляют возможность двоякой интерпретации со стороны ищущего субъекта или говорящего.

Таким образом, следует различать наблюдаемое и ненаблюдаемое исчезновение. Фрейм наблюдаемого исчезновения может быть представлен как совокупность трех микрофреймов: исчезновения в результате перемещения в пространстве, исчезновения в результате потери возможности зрительного наблюдения и исчезновения в результате изменения самого субъекта исчезновения. Ненаблюдаемое исчезновение включает два микрофрейма: исчезновение объекта как его отсутствие на своем (закрепленном/привычном) месте и исчезновение как полное отсутствие информации об объекте, у которого изначально не было строго фиксированного места или эта связь с местом нарушена из-за долгого отсутствия.

В следующих разделах мы опишем глаголы турецкого и казахского языков в соответствии с предложенной моделью семантического поля исчезновения.

4. Глаголы семантического поля исчезновения в турецком языке

В турецком языке исчезновение могут описывать глагол *kaybolmak* ‘быть потерянным, теряться; пропадать, исчезать’, глагольная конструкция *yok olmak* ‘уничтожаться, погибать, исчезать’, а также гла-

голы движения *gitmek* ‘уходить, уезжать’, *kalkmak* ‘вставать, подниматься; уходить’². Рассмотрим особенности их употребления при описании наблюдаемого и ненаблюдаемого исчезновения.

4.1. Наблюдаемое исчезновение

Глагол *kaybolmak* образован путем соединения слова арабского происхождения *kaıır* ‘потеря, утрата’ (араб. *خيب* ‘потеря, утрата’) и турецкого глагола *olmak* ‘быть, стать’ и буквально означает ‘быть потерянным’ [TDK]³. В современном турецком языке глагол *kaybolmak* может описывать наблюдаемое исчезновение, при котором объект стал «невидимым», поскольку удалился от наблюдателя на большое расстояние (17) или скрылся за преградой (18).

- (17) *Gemi ufuk-un öte-si-nde kaybol-du.*
 корабль горизонт-GEN другая_сторона-3SG.POSS-LOC быть_потерянным-PST
 ‘Корабль исчез за горизонтом’ [TS Corpus].

- (18) *O, karanlık-ta kaybol-du.*
 он темнота-LOC быть_потерянным-PST
 ‘Он исчез в темноте’ [ibid.].

Симметричной является ситуация, когда сам наблюдатель удалился на большое расстояние или зашел за преграду:

- (19) *Yol-a çık-tı-k ve şehir-den ayrıl-dı-k, beş dakika iç-i-nde göz-den kaybol-du.*
 дорога-DAT выйти-PST-1.PL и город-ABL покинуть-PST-1PL пять минут внутренняя_часть-3SG.POSS-LOC
 поле_зрения-ABL быть_потерянным-PST
 ‘Мы выехали на дорогу и покинули город, в течение пяти минут город исчез из виду’ (анкета).

При описании наблюдаемого исчезновения глагол *kaybolmak* часто сопровождается особым модификатором *gözden* ‘с глаз’. Он указывает на то, что исчезновение связано с выходом объекта наблюдения за пределы поля зрения наблюдателя:

- (20) *On-un araba-sı kısa süre-de göz-den kaybol-du.*
 он-GEN машина-3SG.POSS короткий время-LOC глаз-ABL быть_потерянным-PST
 ‘Вскоре его машина скрылась из виду’ [TS Corpus].
- (21) *Kedi kanepen-in arkas-ın-da göz-den kaybol-du.*
 кот диван-GEN задняя_часть-3SG.POSS-LOC глаз-ABL быть_потерянным-PST
 ‘Кот скрылся за диваном’ (tureng.com).

Наблюдаемое исчезновение обычно предполагает знание того, какой объект и куда переместился. Поэтому после глагола *kaybolmak* иногда следует указание места перемещения: корабль исчез за горизонтом (17), человек — в темноте (18), а солнце — за облаком (22).

- (22) *Güneş bir bulut-un arka-sı-nda kaybol-du.*
 солнце один облако-GEN спина-3SG.POSS-LOC быть_потерянным-PST
 ‘Солнце скрылось за облаком’ [TS Corpus].

Тем не менее наблюдение не всегда гарантирует информацию об объекте и его перемещении. Например, в предложении (23) объект переместился настолько быстро, что наблюдатель не успел его опознать, а в предложении (24) остается неясным, куда и каким образом он исчез.

- (23) *Bir-den bir yaratık hızla geç-ti ön-üm-den ve bir yer-ler-de kaybol-du.*
 один-ABL один существо быстро идти-PST перед-1SG.POSS-ABL и один место-PL-LOC быть_потерянным-PST
 ‘Вдруг передо мной стремительно пронеслось какое-то существо и внезапно исчезло’ [TS Corpus].

² В данной статье мы решили ограничиться лексемами, описывающими исчезновение только физических объектов.

³ Арабизм *yajib* ‘исчезнувший, потерявшийся’ был известен уже в древнетюркском языке [ДТС 1969: 196]. В разделе 5 рассматривается казахская конструкция *ғайып бол-*, также содержащая этот арабский элемент.

Связь глагола *kaybolmak* ‘быть потерянным, теряться’ с глаголом *kaybetmek* ‘терять’ очевидна; последний относится к глаголам потери и не является объектом настоящего исследования.

- (24) *Sihirbaz-in şapka-sı-nda-ki tavşan kaybol-du.*
 фокусник-GEN шляпа-3SG.POSS-ABL-REL кролик быть_потерянным-PST
 'Кролик исчез из шляпы фокусника' (пример предложен носителем).

При описании такого быстрого и необъяснимого исчезновения в турецком языке глагол *kaybolmak* может сопровождаться модификатором *ortadan* 'с середины' (25); возможным аналогом в русском языке выступает оборот *как сквозь землю провалился*.

- (25) *Hayalet orta-dan kaybol-du ve oda-da yalnız kal-dı-m.*
 призрак середина-ABL быть_потерянным-PST и комната-LOC один остаться-PST-1SG
 'Призрак исчез, и я остался один в пустой комнате' (анкета).

Исчезновение объекта из-за появления преграды передается глагольной конструкцией *yok olmak* 'уничтожаться, погибать, исчезать' (букв. 'не стать'):

- (26) *Perde-ler in-di ve oyuncu-lar yok ol-du / ?kaybol-du.*
 занавес-PL опуститься-PST и актер-PL нет стать-PST быть_потерянным-PST
 'Занавес опустился, и актеры исчезли' (анкета).

- (27) *O ışık-lar-ı kapat-tı ve her şey yok ol-du / *kaybol-du.*
 он свет-PL-ACC выключать-PST и каждый вещь нет стать-PST быть_потерянным-PST
 'Он выключил свет, и все исчезло' (анкета).

Использование глагола *kaybolmak* в предложении (26) сомнительно, а в (27) невозможно, поскольку он описывает исчезновение, связанное с перемещением. В этом отношении показателен пример (28), где допустимы оба предиката, но если в первом случае призрак переместился, то во втором — «растворился» на глазах.

- (28) = (25) *Hayalet ortadan kayboldu / yok oldu ve odada yalnız kaldım.* 'Призрак исчез, я остался один в пустой комнате' (анкета).

Такое онтологическое понимание исчезновения (отсутствие объекта не в результате перемещения, а вследствие невозможности его наблюдать по тем или иным причинам) объясняется тем, что конструкция *yok olmak* является предикатом прекращения существования. Эта конструкция используется для описания исчезновения видов животных и растений (29), а также социальных явлений, например обычаев (30).

- (29) *Dinozor-lar 200 milyon yıl önce ortaya çık-tı*
 динозавр-PL 200 миллионов лет назад наружу выйти-PST
ve 65 milyon yıl önce yok ol-du.
 и 65 миллионов лет назад нет стать-PST
 'Динозавры появились 200 млн лет назад и вымерли 65 млн лет назад' [TS Corpus].

- (30) *Bayram-lar-da kartpostal gönder-me alışkanlığı-ı neredeyse yok ol-du.*
 праздник-PL-LOC открытка отправлять-VN привычка-3SG.POSS почти нет стать-PST
 'Привычка отправлять открытки на праздники почти исчезла' [ibid.].

Отдельное место занимает исчезновение небесных светил (см. (31)–(32)). Оно входит в привычный цикл смены дня и ночи. Конструкция *yok olmak* не используется для описания такого исчезновения в силу своей семантики: если что-то перестало существовать, то не появится завтра. Для описания такого исчезновения применяется глагол *kaybolmak*.

- (31) *Güneş ufuk-ta göz-den kaybol-du.*
 солнце горизонт-LOC глаз-ABL быть_потерянным-PST
 'Солнце исчезло за горизонтом' (анкета).

- (32) *Sabah ol-du, ay kaybol-du.*
 утро стать-PST луна быть_потерянным-PST
 'Наступило утро, и луна исчезла' [TS Corpus].

- (33) *Güneş doğ-duğ-un-da, yıldız-lar kaybol-du.*
 солнце всходить-VN-3SG.POSS-LOC звезда-PL быть_потерянным-PST
 'Когда взошло солнце, звезды исчезли' [ibid.].

4.2. Ненаблюдаемое исчезновение

Глагол *kaybolmak* ‘быть потерянным, теряться; пропадать, исчезать’ и глагольная конструкция *yok olmak* ‘уничтожаться, погибать, исчезать’ используются в турецком языке для описания не только наблюдаемого, но и ненаблюдаемого исчезновения, и делают это различным образом.

Глагол *kaybolmak*, сохраняя связь со своим этимологом *kayıp* ‘потеря’, описывает исчезновение, которое обычно сопровождается поиском: если что-то потеряно, то это нужно найти. Как правило, так исчезают конкретно-референтные объекты:

- (34) *Kitap kaybol-du. Ar-ıyor-um ama bula-ma-ıyor-um.*
книга быть_потерянным-PST искать-PROG-1SG но находить-NEG-PROG-1SG
‘Пропала книга. Ищу и не нахожу’ (пример предложен носителем).
- (35) *Dükkan-a gir-di-m ama tezgah-tar-ı bul-ama-dı-m. Nereye kaybol-du?*
магазин-DAT войти-PST-1SG но продавец-ACC найти-NEG-PST-1SG куда быть_потерянным-PST
‘Я зашел в магазин, а продавца нет. Куда он делся?’ (анкета).
- (36) *Telefon-um nereye kaybol-du?*
телефон-1SG.POSS куда быть_потерянным-PST
‘Куда делся мой телефон?’ (анкета).

Примечательно, что в примерах (35)–(36) носители турецкого языка также использовали глагол другого таксономического класса — а именно глагол движения *gitmek* ‘уходить, уезжать’. Он может описывать исчезновение одушевленных субъектов, например работника магазина, который мог уйти сам, но также метафорически сочетаться с неодушевленными субъектами, неспособными к самостоятельному перемещению, в том числе с телефоном (37). Таким образом, в микрофрейме ‘исчезновение объекта с закрепленного места’ глагол *kaybolmak* конкурирует с глаголом *gitmek*⁴.

- (37) *Telefon-um nereye git-ti?*
телефон-1SG.POSS куда уйти-PST
‘Куда делся мой телефон?’ [TS Corpus].

Глаголы движения часто используются для описания исчезновения. Одним из них является, например, глагол *kalkmak* ‘вставать, подниматься; уходить’, который описывает исчезновение социальных явлений (38)⁵ и товаров из магазинов (39). В статье [Альбицкий 2026] подробно описана история этого глагола.

⁴ Заметим, что глагол *gitmek* ‘уходить, уезжать’ также встречается в устойчивой конструкции *kaybolup gitmek* ‘пропасть и уйти’, которая описывает исчезновение, оцениваемое говорящим как окончательное (ср. рус. *исчез с концами*) (i) или как необъяснимое (ii).

- (i) *Cüzdan-ım kaybol-du git-ti.*
кошелек-1SG.POSS быть_потерянным-PST уйти-PST
‘Кошелек исчез с концами’ (пример предложен носителем).
- (ii) *Toplantı-dan sonra kaybol-du git-ti.*
встреча-ABL после быть_потерянным-PST уйти-PST
‘После встречи он куда-то пропал’ (пример предложен носителем).

Авторы благодарят рецензента за указание на эту конструкцию.

⁵ К социальным явлениям, исчезновение которых передается глаголом *kalkmak* ‘вставать, подниматься; уходить’, относятся не только имена ситуаций (i), но и социальные институты (ii), а также вышедшие из употребления предметы быта (iii). При описании таких ситуаций глагол *kalkmak* конкурирует с глаголом *yok olmak* ‘уничтожаться, погибать, исчезать’ (30), который, однако, если и описывает исчезновение социальных явлений, то, как правило, окончательное.

- (i) *Terör büyük ölçü-de orta-dan kalk-tı.*
терроризм большой степень-LOC середина-ABL вставать-PST
‘Терроризм в значительной степени исчез’ [TS Corpus].
- (ii) *1914-ün hepsi Avrupalı ol-an büyük güç-ler-i Çarlık Rusyası'nın mirasçısı SSCB gibi ortadan kalk-tı.*
1914-GEN все европейский быть-PTCP большой держава-PL-ACC
Царская Россия-GEN наследник СССР подобно середина-ABL встать-PST
‘Все крупные европейские державы 1914 года исчезли, как Советский Союз, наследник Российской империи’ [ibid.].

- (38) *Bu âdet çok-tan kalk-tı.*
 этот обычай много-ABL вставить-PST
 ‘Этот обычай давно прошел’ [Юсипова 2005: 303].

- (39) *Piyasa-dan kahve kalk-tı.*
 рынок-ABL кофе вставить-PST
 ‘Из продаж исчез кофе’ [там же: 304].

Глагольная конструкция *yok olmak*, в отличие от глагола *kaybolmak*, описывает исчезновение как отсутствие того или иного объекта на месте. Такое исчезновение обычно не предполагает поиска; в некоторых случаях, как в примере (41), искать становится нечего.

- (40) *Susurluk rapor-lar-ı bu bilgi-ler-le dolu. Sonra bir-den orta-dan yok ol-du.*
 Сусурлук отчет-PL-ACC этот информация-PL-COM полный Потом один-ABL середина-ABL нет статья-PST
 ‘В сусурлукских⁶ отчетах полно этой информации. Потом она внезапно исчезла’ [TS Corpus].

- (41) *Anadolu'-da somut gösterge-ler-i var. Konya Havza-sı'-nda göl-ler kuru-du. Akşehir Göl-ü yok ol-du.*
 Анатолия-LOC конкретный индикатор-PL-ACC существовать Конья бассейн-3SG.POSS-LOC озеро-PL
 высохнуть-PST Акшехир озеро-3SG.POSS нет статья-PST
 ‘В Анатолии есть конкретные признаки этого. Озера в бассейне реки Конья высохли. Озеро Акшехир исчезло’ [ibid.].

5. Глаголы семантического поля исчезновения в казахском языке

В казахском языке основными глагольными средствами описания исчезновения являются следующие единицы: *жоқ бол-* ‘исчезать, пропадать, отсутствовать’, *жоғал-* ‘теряться, пропадать, исчезать’, *ғайып бол-* ‘исчезать’, *көрінбей кет-* и *көрінбей қал-* ‘стать невидимым’.

Глаголы *жоқ бол-* и *жоғал-* образуются от *жоқ* ‘нет’. Предикат *жоқ бол-* может употребляться и за пределами поля исчезновения, выражая отсутствие как состояние. Эту особенность бытийного глагола *бол-* подчеркивает Б. Каракоч, отмечая, что в кыпчакской группе, к которой относится и казахский язык, *бол-* используется и в динамических, и в статических (бытийных и посессивных) контекстах [Karakoc 2019: 140—145]. Ср. статическую «интерпретацию» *жоқ бол-* в следующем примере:

- (42) *Tic-ke ти-етін басқа ештеңе-ң жоқ бол-са, үй-ге бар-ып*
 зуб-DAT трогать-PTCP.PRS другой ничто-2SG.POSS нет быть-COND дом-DAT идти-CVB
ана-ң-ның шай-ы-н іш-е-м.
 старшая_сестра-2SG.POSS-GEN чай-3.POSS-ACC пить-PRS-1SG
 ‘Если нет ничего другого поесть, пойду домой, попью чай у твоей старшей сестры’ [АККЯ: Ә. Нұрпейісов 1999].

Ғайып бол- содержит тот же компонент арабского происхождения, что и турецкий глагол *kaybol-*. В состав предикатов *жоқ бол-* и *ғайып бол-* входит глагол *бол-* ‘быть, стать’.

Конструкции со значением исчезновения *көрінбей кет-* и *көрінбей қал-* ‘стать невидимым’ содержат в своем составе конверб, восходящий к глаголу зрительного восприятия *көр-* ‘видеть, смотреть’, и вспомогательные глаголы *кет-* ‘уходить’ и *қал-* ‘оставаться’. Причем отрицательная форма *көрінбе-* ‘быть невидимым, не показываться’ (без вспомогательных глаголов) обозначает статичное состояние, а не исчезновение, ср.:

- (43) *Ештеңе де көр-ін-бе-й-ді.*
 ничто же видеть-PASS-NEG-PRS-3
 ‘Ничего же не видно’ [АККЯ: И. Есенберлин 1945—1969].

- (iii) *Bilgisayar-ın iş hayat-ı-na gir-me-si-yle*
 компьютер-GEN рабочий жизнь-3SG.POSS-DAT входить-NOM-3SG.POSS-INST
sekreter-ler-in daktilo-ları orta-dan kalk-tı.
 секретарь-PL-GEN печатная_машинка-3PL.POSS середина-ABL вставить-PST
 ‘С появлением компьютеров в рабочей жизни печатные машинки секретарей исчезли’ [ibid.].

⁶ Сусурлук — город и район в провинции Балыкесир (Турция).

Кроме того, в некоторых (микро)фреймах семантического поля могут употребляться глаголы движения *кет-* ‘уходить’ и *бат-* ‘погружаться’. Глагол *кет-*, используемый далее в нескольких примерах как вспомогательный глагол (в том числе в конструкции *көрінбей кет-*), в зависимости от контекста привносит в семантику глаголов исчезновения значения «удаления от говорящего или действующего лица», а также «внезапности» и «завершенности» [Гращенков 2015: 79].

5.1. Наблюдаемое исчезновение

Исчезновение «на глазах» у наблюдателя имеет разные причины: оно происходит вследствие движения, возникновения помех для зрительного восприятия или изменения субъекта исчезновения, в частности потери видимости. Микрофреймы наблюдаемого исчезновения описываются, с одной стороны, предикатами *жоқ бол-* ‘исчезать, пропадать, отсутствовать’ и *ғайып бол-* ‘исчезать’, а с другой — *көрінбей кет-* и *көрінбей қал-* ‘стать невидимым’.

Наиболее типичный случай наблюдаемого исчезновения — исчезновение субъекта в результате перемещения. Представление о перемещении в таких контекстах поддерживается не только конструкциями *жоқ бол-*, *ғайып бол-* и *көрінбей кет-*, но и глаголами движения, например *кет-* ‘уходить’ и *кір-* ‘входить’, как в (44)—(45):

- (44) *Пойыз туннель-ге кір-іп жоқ бол-ып кет-ті / көз-ден ғайып бол-ды /*
 поезд туннель-DAT входить-CVB нет быть-CVB уходить-PST глаз-ABL скрытый быть-PST
ғайып бол-ып кет-ті / көр-ін-бей кет-ті,
 скрытый быть-CVB уходить-PST видеть-PASS-NEG.CVB уходить-PST
ал біз үш-еу-міз платформа-да қал-ды-қ.
 а мы три-COLL-1PL.POSS платформа-LOC оставаться-PST-1PL
 ‘Поезд исчез в тоннеле, мы втроем остались на платформе’ (анкета).

- (45) *Ақырында қоян Есіл жаға-сы-нда-ғы*
 наконец заяц Есиль берег-3.POSS-LOC-ADJ
бір қалың тал-дың іш-і-не кір-іп жоқ бол-ды.
 один густой тальник-GEN внутренняя_часть-3.POSS-DAT входить-CVB нет быть-PST
 ‘Наконец заяц, войдя в густой тальник на берегу Есиля, исчез’ [АККЯ: I. Есенберлин 1945—1969].

При свободном варьировании этих сочетаний *ғайып бол-* ‘исчезать’ имеет оттенок книжного выражения, вероятно, в силу арабского происхождения его первого компонента. Этот предикат может также сочетаться с формой *көзден* ‘с глаз, из виду’, ср.:

- (46) *Поезд бірте-бірте кішірей-іп, бір кез-де мүлде көз-ден ғайып бол-ды.*
 поезд постепенно уменьшаться-CVB один время-LOC совсем глаз-ABL скрытый быть-PST
 ‘Поезд, постепенно уменьшаясь, в один момент совсем исчез из виду’ [АККЯ: III. Айтматов 1928—2008].

Особый случай — движение небесных тел. «Наивная» геоцентрическая интерпретация приписывает движение небесному телу, за которым наблюдает человек. Так, солнце может быть описано как движущийся субъект исчезновения:

- (47) *Күн көкжиек-ке бат-ып, ғайып бол-ды /*
 солнце горизонт-DAT погружаться-CVB скрытый быть-PST
*жоқ бол-ып кет-ті / көр-ін-бей кет-ті*⁷.
 нет быть-CVB уходить-PST видеть-PASS-NEG.CVB уходить-PST
 ‘Солнце исчезло за горизонтом’ (анкета).

Глагол движения *бат-* ‘погружаться’ также может употребляться как основной предикат (это единственный микрофрейм поля исчезновения, в котором задействован данный глагол)⁸:

⁷ Глагол *кет-* в сочетаниях типа *жоқ болып кетті* и *ғайып болып кетті* придает дополнительное значение завершенности и является факультативным.

⁸ В словарях отмечается возможность использования этого глагола и по отношению к другим небесным телам: *Ай батты*. ‘Луна зашла’ [Sozdik]. Однако в разговорной речи *бат-* ‘погружаться’ применим в первую очередь к заходящему солнцу, вероятно, потому что этот глагол связан с направлением движения (погружаться — перемещаться вниз).

- (48) *Күн көкжиек-ке бат-ты.*
солнце горизонт-DAT погружаться-PST
'Солнце село (букв.: погрузилось) за горизонт'.

Наблюдатель также может двигаться, удаляясь. В этом случае изменения в восприятии описываются с помощью конструкций *ғайып бол-* и *көрінбей кет-*, но не *жоқ бол-*:

- (49) *Біз қала сырт-ы-нда-ғы тас жол-ға бұрыл-ған-да,*
мы город внешняя_сторона-3.POSS-LOC-ADJ камень дорога-DAT поворачивать-PTCP.PST-LOC
көше-лер-дің жарығ-ы көр-ін-бей кет-ті,
улица-PL-GEN свет-3.POSS видеть-PASS-NEG.CVB уходить-PST
*он-ы-мен бірге қала да ғайып бол-ды / *жоқ бол-ды.*
он-3.POSS-INS вместе город и скрытый быть-PST нет быть-PST
'Мы свернули на загородное шоссе: исчезли огни улиц, и вместе с ними исчез и город' (анкета).

Нарушенное из-за возникших помех, в том числе движения какой-либо преграды, закрывающей собой субъект исчезновения, зрительное восприятие описывается с помощью *көрінбей қал-* 'стать невидимым'. В этих случаях выбор вспомогательного глагола *қал-* 'оставаться' противопоставляется глаголу *кет-* 'уходить', который использовался при описании движения субъекта исчезновения, ср. пример (44):

- (50) *Ол жарық-ты сөн-дір-ген-де ештеңе көр-ін-бей қал-ды.*
он свет-ACC гаснуть-CAUS-PTCP.PST-LOC ничто видеть-PASS-NEG.CVB оставаться-PST
'Когда он выключил свет, стало ничего не видно' (анкета).

- (51) *Перде түс-ін, әртіс-тер көр-ін-бей қал-ды.*
занавес опускаться-CVB артист-PL видеть-PASS-NEG.CVB оставаться-PST
'Опустился занавес, и актеры стали не видны' (анкета).

- (52) *...ашық аспан-ды қара құрым бұлт торла-п,*
открытый небо-ACC черный копоть туча заволакивать-CVB
күн-нің көз-і көр-ін-бей қал-ды.
солнце-GEN глаз-3.POSS видеть-PASS-NEG.CVB оставаться-PST
'Черная туча заволокла чистое небо, стало не видно солнца' [АККЯ: Ә. Нұршайықов 1922—2011].

Хотя *көрінбей қал-* признается носителями казахского языка как наиболее естественный способ обозначения нарушенного зрительного восприятия, все же допускаются *ғайып бол-* и *жоқ болып кет-*:

- (53) *Жарық-ты өш-ір-ген е-ді, бәрі бірден ғайып бол-ды /*
свет-ACC гаснуть-CAUS-PTCP.PST AUX-PST все сразу скрытый быть-PST
жоқ бол-ып кет-ті.
нет быть-CVB уходить-PST
'Свет выключили, все сразу исчезло' (анкета).

Исчезновение субъекта в силу его изменения (в том числе магического, необъяснимого) описывается сочетаниями *жоқ бол-* или *ғайып бол-*, но не *көрінбей кет-* или *көрінбей қал-*:

- (54) *Елес жоқ бол-ып / ғайып бол-ып, мен бөлме-де жалғыз қал-ды-м.*
призрак нет быть-CVB скрытый быть-CVB я комната-LOC одинокий оставаться-PST-1SG
'Призрак исчез. Я остался один в пустой комнате' (анкета).

Судя по ответам носителей языка и корпусным примерам, в семантической зоне наблюдаемого исчезновения предикаты распределены следующим образом: при движущемся субъекте исчезновения используются *жоқ бол-* 'исчезать, пропадать, отсутствовать', *ғайып бол-* 'исчезать' и *көрінбей кет-* 'стать невидимым'; как правило, в таких контекстах встречаются и глаголы движения. Для описания заходящего солнца (гораздо реже других небесных тел) употребляется глагол *бат-* 'погружаться'. Если перемещается не субъект исчезновения, а наблюдатель, то использование *жоқ бол-* оценивается как сомнительное, ср. пример (48). Зрительное восприятие, нарушенное какими-либо помехами (в частности, наступившей темнотой или закрывающей обзор преградой), передается с помощью *көрінбей қал-* 'стать невидимым', реже — *ғайып бол-* и *жоқ болып кет-*. Напротив, *көрінбей кет-* и *көрінбей қал-* кажутся информантам сомнительными, когда исчезновение оценивается как результат магического, необъяснимого изменения субъекта.

5.2. Ненаблюдаемое исчезновение

Ненаблюдаемое исчезновение, т. е. исчезновение, констатируемое после временной потери контроля, интерпретируется как полное отсутствие информации о субъекте и его местонахождении либо как его отсутствие на привычном месте (возможна и дейктическая интерпретация — отсутствие обладаемого при посессоре).

Эту часть семантического поля исчезновения в казахском языке охватывает глагол *жоғал-* ‘теряться, пропадать, исчезать’ в составе конструкции *жоғалып кет-*, а также используются *жоқ болып кет-* ‘исчезнуть, пропасть’, *көрінбей кет-* ‘стать невидимым’ и *кет-* ‘уходить’.

Так, с помощью *жоғал-* можно сообщить о потерянной вещи, о местонахождении которой ничего не известно:

- (55) *Жоғал-ған пышақ-тың саб-ы алтын.*
 теряться-PTCP.PST нож-GEN рукоятка-3.POSS золото
 ‘У пропавшего ножа золотая рукоятка’ (пословица).

Тем не менее при переводе предложений лексико-семантической анкеты, связанных с ненаблюдаемым исчезновением, носители языка применяли этот глагол в составе конструкции *жоғалып кет-*, где вспомогательный глагол *кет-* служит частично грамматикализированным элементом, в котором еще сохраняется идея удаления и реализуются аспектуальные значения внезапности и завершенности, см. (56)—(59):

- (56) *Менің сәлемдеме-м кеше кел-у-і керек еді,*
 я.GEN посылка-1SG.POSS вчера приходит-INF-3.POSS надо AUX
бірақ ол әлдеқайда жоғал-ып кет-ті.
 но он куда-то теряться-CVB уходить-PST
 ‘Моя посылка должна была прийти еще вчера, но куда-то пропала’ (анкета).

- (57) *Көріші-міз бірнеше күн бұрын жоғал-ып кет-ті.*
 сосед-1PL.POSS несколько день раньше теряться-CVB уходить-PST
 ‘Сосед пропал несколько дней назад’ (анкета).

Жоғалып кет- может также употребляться, если речь идет об исчезновении людей (57) или животных (58)—(59):

- (58) *Миссис Уайт-тың ит-і жоғал-ып кет-ті.*
 миссис Уайт-GEN собака-3.POSS теряться-CVB уходить-PST
 ‘У миссис Уайт пропала собака’ (анкета).
- (59) *Бір күн-і ауыл-дың екі ат-ы жоғал-ып кет-ті.*
 один день-3.POSS село-GEN два лошадь-3.POSS теряться-CVB уходить-PST
 ‘Однажды пропали две лошади из села’ [АККЯ: С. Әшімханова 2013].

В отношении неодушевленного субъекта исчезновения, о местонахождении которого ничего не известно, можно использовать *жоқ болып кет-*, ср.:

- (60) *Менің сәлемдеме-м... жоқ бол-ып кет-ті.*
 я.GEN посылка-1SG.POSS нет быть-CVB уходить-PST
 ‘Моя посылка пропала’ (анкета).

Об исчезновении человека можно сообщить с помощью *көрінбей кет-*:

- (61) *Айтпақшы, осы Алмас көр-ін-бей кет-ті ғой, ол қайда жүр?*
 кстати этот алмас видеть-PASS-NEG.CVB уходить-PST же он где ходить(PRS)
 ‘Кстати, этот Алмас исчез же, где он ходит?’ [АККЯ].

В ситуациях, когда предмет — объект поиска имеет свое закрепленное место, его исчезновение описывается также с помощью *жоғалып кет-*:

- (62) *Менің телефон-ым қайда жоғал-ып кет-ті?*
 я.GEN телефон-1SG.POSS куда теряться-CVB уходить-PST
 ‘Куда делся мой телефон?’ (анкета).

Кроме того, в разговорной речи возможно употребление глагола удаления *кет-*:

- (63) *Менің телефон-ым қайда кет-ті?*
я.GEN телефон-1SG.POSS куда уходит-PST
‘Куда делся (букв.: ушел) мой телефон?’ (анкета).

Глагол *кет-* также используется в контекстах, где речь идет об отсутствии людей на их привычном месте. Например, естественно предполагать, что отсутствие работников на рабочем месте — следствие их перемещения:

- (64) *Дүкен-ге кір-се-м, сатушы орн-ы-нда жоқ екен.*
магазин-DAT входит-COND-1SG продавец место-3.POSS-LOC нет EVID
Ол қайда кет-ін қал-ды?
он куда уходит-CVB остается-PST
‘Я зашел в магазин, а продавца нет. Куда он делся (букв.: ушел)?’ (анкета).

Таким образом, в казахском языке фреймы наблюдаемого и ненаблюдаемого исчезновения разделены лексически. Для первого фрейма основными средствами обозначения служат *жоқ бол-* ‘исчезать, пропадать, отсутствовать’ и *ғайып бол-* ‘исчезать’, а также *көрінбей кет-* и *көрінбей қал-* ‘стать невидимым’, для второго — глагол *жоғал-* ‘теряться, пропадать, исчезать’ в составе конструкции *жоғалып кет-*, *жоқ болып кет-* и *көрінбей кет-*. В поле исчезновения также вовлекаются глаголы движения: *бат-* ‘погружаться’ — для описания наблюдаемого исчезновения солнца и *кет-* ‘уходить’ — для обозначения отсутствия предметов (чаще в разговорной речи) и людей на привычном месте. Наблюдения за глаголами исчезновения попутно выявляют функциональное варьирование *кет-* в качестве вспомогательного компонента в составе глагольных конструкций: так, при описании движущегося субъекта исчезновения еще актуально лексическое значение этого глагола — значение удаления; в сочетании *көрінбей кет-* вспомогательный глагол фактически формирует семантику исчезновения как динамической ситуации (ср. с *көрінбе-* ‘быть невидимым’, описывающим статичное состояние); в конструкциях *жоғалып кет-* и *жоқ болып кет-* вспомогательный глагол уже совмещает значение удаления и аспектуальные значения внезапности и завершенности.

6. Заключение

Мы описали структуру семантического поля исчезновения, в частности его ядро, представленное центральными фреймами — наблюдаемым исчезновением и исчезновением в результате временной потери контроля, а также их микрофреймами. Модель ядерной части поля мы «протестировали» на материале двух тюркских языков — турецкого и казахского. Мы определили состав глаголов и глагольных конструкций, описывающих исчезновение в этих языках, и охарактеризовали их распределение в пределах данного семантического поля. Обобщить и визуализировать полученные результаты можно с помощью лексико-семантических карт (см. рис. 1 и 2).

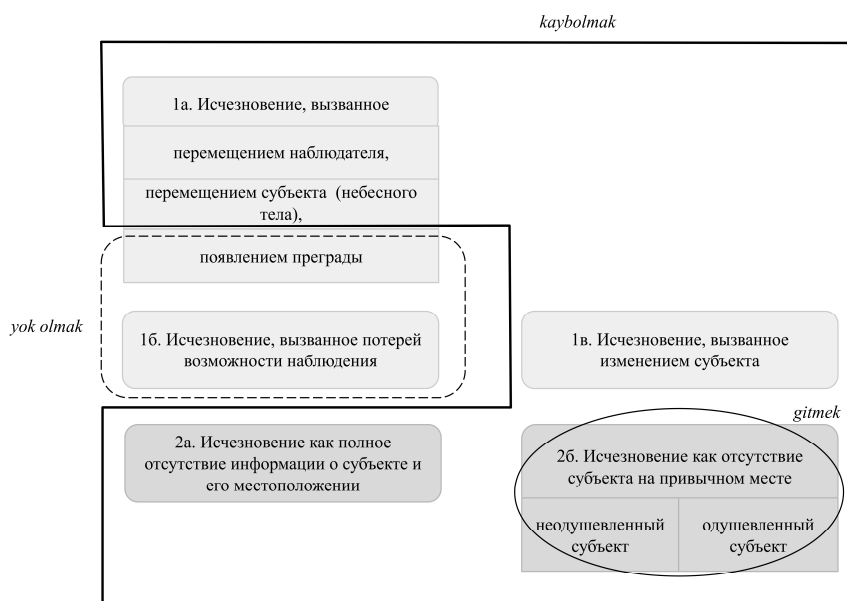

Рис. 1. Глаголы исчезновения в турецком языке

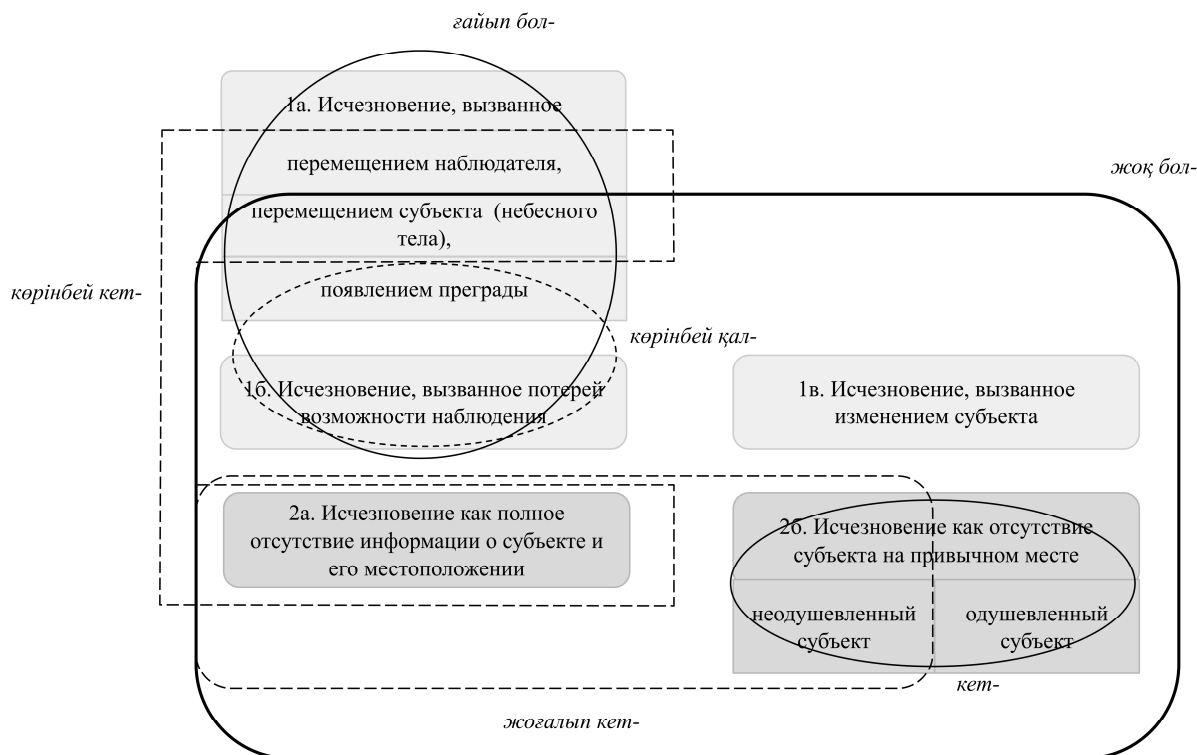

Рис. 2. Глаголы исчезновения в казахском языке

Лексико-семантические карты наглядно демонстрируют, как по-разному даже родственные языки подходят к концептуализации одного и того же явления. В этом плане тюркские языки подтверждают возможность на материале близкородственных систем определять типологически значимые границы между фреймами семантического поля (ср. обоснование такого подхода на примере глаголов вращения русского и польского языков [Рахилина, Прокофьева 2004], а также полей 'искать' и 'находить' русского и сербского языков [Рыжова, Станкович 2018]). Соответственно, предлагаемое в статье исследование может послужить основой для дальнейшего изучения глаголов исчезновения с привлечением данных других языков.

Для лексической типологии представляют интерес связи одного семантического поля со смежными и возможности применения глаголов как в пределах «своего» поля, так и за его пределами. Как было показано, для описания некоторых ситуаций исчезновения оба языка прибегают к использованию глаголов иных таксономических классов, прежде всего глаголов движения.

Для тюркской лексикологии наши наблюдения могут быть полезным дополнением к тому, как два родственных языка задействуют когнатную лексику: турецкий глагол *kaybolmak* соотносится с *гайып бол-* в казахском языке, а глагольная конструкция *yok olmak* — с *жоқ бол-*. Тем не менее каждый язык распределяет эти лексемы по-своему. Так, глагол *kaybolmak* описывает как наблюдаемое, так и ненаблюдаемое исчезновение, тогда как в казахском языке *гайып бол-* связан только с несколькими микрофреймами наблюдаемого исчезновения; напротив, глагольная конструкция *yok olmak* в турецком языке «покрывает» меньшее количество фреймов, чем ее казахский аналог. Соотношение этих глагольных средств в двух языках тоже отличается: если в турецком они демонстрируют отношения дополнительного распределения, то в казахском отмечается достаточно свободное варьирование.

Наблюдения за глаголами исчезновения показывают, как по-разному может проявлять себя вспомогательный глагол *кет-*: как компонент, описывающий движение субъекта исчезновения (*гайып болып кет-*, *жоқ болып кет-*), как компонент, определяющий семантику исчезновения (*көріңбей кет-*), как компонент, совмещающий исходную семантику удаления со значениями внезапности и завершенности (*жоғалып кет-* и *жоқ болып кет-*).

В рамках текущего исследования мы сосредоточились лишь на ядре семантического поля, т. е. на его центральных фреймах, однако работу можно продолжить, изучая метафорические и метонимические переносы, образующие периферию поля. Описание, включающее не только перечисление метафорических переносов, но и указание на то, как они связаны с центральными фреймами, позволило бы получить целостное представление о поле исчезновения для последующих семантических и типологических исследований.

Условные сокращения

1 — 1-е лицо	INF — инфинитив
2 — 2-е лицо	INS — инструментальный падеж
3 — 3-е лицо	LOC — местный падеж
ABL — исходный падеж	NEG — отрицание
ACC — винительный падеж	NOM — отглагольное существительное
ADJ — имя прилагательное	PL — множественное число
AUX — вспомогательное слово	POSS — притяжательность
COLL — собирательное числительное	PROG — прогрессив
COM — комитатив	PRS — настоящее время
COND — условное наклонение	PST — прошедшее время
CVB — дееспричастие	PTCP — причастие
DAT — дательно-направительный падеж	REL — относительный суффикс
EVID — эвиденциальность	SG — единственное число
GEN — родительный падеж	

Источники и словари

- АККЯ — Алматинский корпус казахского языка. <http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search>
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Под. ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969.
- Юсипова 2005 — Турецко-русский словарь: 80 000 слов и словосочетаний = Turkce-rusca sozluk: 80000 kelime ve deyim / Р. Р. Юсипова; под ред. Т. Е. Рыбальченко. М.: Русский язык — Медиа, 2005.
- ҚӘТС — Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық / Ред. А. Ысқақов, Н. Уәли. Алматы, 2006—2011.
- ОҚС — Орысша-қазақша сөздік. Русско-казахский словарь: 70 000 слов / Под. ред. Н. Т. Сауранбаева, Г. Г. Мусабаяева, Ш. Ш. Сарыбаева. Алматы: Дайк-пресс, 2005.
- Sozdik — Орысша-қазақша және қазақша-орысша онлайн сөздік. Русско-казахский и казахско-русский онлайн-словарь. <https://sozdik.kz>
- Sozdikqor — Sozdikqor.kz порталы. https://sozdikqor.kz/#/all_projects
- TDK — Türk Dil Kurumu Sözlükleri. <https://sozluk.gov.tr/>
- TS Corpus — The Turkish Corpus. <https://cqpweb.tscorpus.com/cqpweb/>

Литература

- Альбицкий 2022 — П. О. Альбицкий. Лексическая типология глаголов исчезновения. Магистерская дис. М., 2022.
- Альбицкий 2026 — П. О. Альбицкий. Исчезновение без глагола *исчезать*: колексификации в турецком языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2026 (в печати).
- Альбицкий, Рахилина 2025 — П. О. Альбицкий, Е. В. Рахилина. Русские глаголы исчезновения в типологическом контексте // Acta Linguistica Petropolitana. 2025, 21 (1). С. 34—61.
- Гращенко 2015 — П. В. Гращенко. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Кадырова 2020 — О. М. Кадырова. Глаголы падения в турецком языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2020, 16 (1). С. 545—575.
- Казкенова 2020 — А. К. Казкенова. Глаголы падения в казахском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2020, 16 (1). Р. 523—544.
- Лапшина и др. 2024 — К. М. Лапшина, Е. В. Копылова, Е. П. Матюхина. Семантическое поле ‘менять’ в финском языке // Урало-алтайские исследования. 2024, 52. С. 22—41.
- Майсак, Рахилина 2007 — Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007.
- Рахилина, Прокофьева 2004 — Е. В. Рахилина, И. А. Прокофьева. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. 2004, 1. С. 60—78.
- Рахилина, Резникова 2013 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013, 2. С. 3—31.
- Резникова 2022 — Т. И. Резникова. Глаголы прятания: типология систем // Вопросы языкознания. 2022, 4. С. 66—94.

Резникова и др. 2020 — Т. И. Резникова, Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020, 16 (1). С. 9—63.

Рыжова и др. 2018 — Д. А. Рыжова, Н. Р. Добрушина, А. А. Бонч-Осмоловская, А. С. Выренкова, М. В. Кюсева, Б. В. Орехов, Т. И. Резникова (ред.). *ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. М.: Лабиринт, 2018.

Рыжова, Станкович 2018 — Д. А. Рыжова, М. К. Станкович. К проблеме внутригенетической типологии: поля *искать* и *находить* в русском и сербском языках // Д. А. Рыжова, Н. Р. Добрушина, А. А. Бонч-Осмоловская, А. С. Выренкова, М. В. Кюсева, Б. В. Орехов, Т. И. Резникова (ред.). *ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. М.: Лабиринт, 2018. С. 15—38.

Comrie 1997 — B. Comrie. *Turkic languages and linguistic typology* // *Turkic Languages*. 1997, 1. P. 14—24.

Georgakopoulos, Polis 2018 — T. Georgakopoulos, S. Polis. The semantic map model: State of the art and future for linguistic research // *Language and Linguistic Compass*. 2018, (12) 2. P. 1—33.

Johanson 2021 — L. Johanson. *Turkic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.

Karakoç 2019 — B. Karakoç. Predicative possession in Oghuz and Kipchak Turkic languages // L. Johanson, L. F. Mazzitelli, I. Nevskaya (eds.). *Possession in languages of Europe and North and Central Asia*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 125—148.

References

AKKYa — Almaty qazaq tılı korpusy. {Almaty Corpus of the Kazakh Language.} <http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search>

Albitskiy 2022 — P. O. Albitskiy. *Leksicheskaya tipologiya glagolov ischeznoveniya*. Magisterskaya dis. Moskva, 2022. {P. O. Albitskii. Lexical typology of verbs of disappearance. Master's thesis. Moscow, 2022.}

Albitskiy 2026 — P. O. Albitskiy. *Ischeznovenie bez glagola ischezat': koleksifikatsii v turetskom yazyke*. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2026 (in press). {P. O. Albitskii. Disappearance without a dedicated verb: colexifications in Turkish. In: *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language*. 2026 (in press).}

Albitskiy, Rakhilina 2025 — P. O. Albitskiy, E. V. Rakhilina. *Russkie glagoly ischeznoveniya v tipologicheskom kontekste*. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2025, 21 (1). S. 34—61. {P. O. Albitskii, E. V. Rakhilina. Russian verbs of disappearance in a typological context. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2025, Vol. 21 (1). P. 34—61.}

Comrie 1997 — B. Comrie. *Turkic languages and linguistic typology*. In: *Turkic Languages*. 1997, 1. P. 14—24.

DTS 1969 — *Drevnetyurkskii slovar'* / V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (eds.). Leningrad: Nauka, 1969. {*Old Turkic Dictionary* / V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (eds.). Leningrad: Nauka, 1969.}

Georgakopoulos, Polis 2018 — T. Georgakopoulos, S. Polis. The semantic map model: State of the art and future for linguistic research. In: *Language and Linguistic Compass*. 2018, (12) 2. P. 1—33.

Grashchenkov 2015 — P. V. Grashchenkov. *Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatizatsiya*. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. {P. V. Grashchenkov. *Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, and grammaticalization*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.}

Johanson 2021 — L. Johanson. *Turkic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.

Kadyrova 2020 — O. M. Kadyrova. *Glagoly padeniya v turetskom yazyke*. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020, 16 (1). S. 545—575. {O. M. Kadyrova. *Verbs of falling in Turkish*. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020, Vol. 16 (1). P. 545—575.}

Karakoç 2019 — B. Karakoç. *Predicative possession in Oghuz and Kipchak Turkic languages*. In: L. Johanson, L. F. Mazzitelli, I. Nevskaya (eds.). *Possession in languages of Europe and North and Central Asia*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 125—148.

Kazkenova 2020 — A. K. Kazkenova. *Glagoly padeniya v kazakhskom yazyke*. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020, 16 (1). P. 523—544. {A. K. Kazkenova. *Verbs of falling in Kazakh*. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020, Vol. 16 (1). P. 523—544.}

Lapshina i dr. 2024 — K. M. Lapshina, E. V. Kopylova, E. P. Matyukhina. *Semanticheskoe pole 'menyat' v finskom yazyke*. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2024, 52. S. 22—41. {K. M. Lapshina, E. V. Kopylova, E. P. Matyukhina. *The semantic field of 'change' in Finnish*. In: *Ural-Altaic Studies*. 2024, 52. P. 22—41.}

Maysak, Rakhilina 2007 — T. A. Maysak, E. V. Rakhilina (red.). *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. Moskva: Indrik, 2007. {T. A. Maysak, E. V. Rakhilina (eds.). *Verbs of motion in water: lexical typology*. Moscow: Indrik, 2007.}

OQS — *Oryssa-qazaqsa sözdik: 70 000 slov* / N. T. Sauranbaev, G. G. Musabaev, Sh. Sh. Sarybaev (eds.). Almaty: Daik-Press, 2005. {*Russian-Kazakh Dictionary: 70,000 Words* / N. T. Sauranbaev, G. G. Musabaev, Sh. Sh. Sarybaev (eds.). Almaty: Daik-Press, 2005.}

QÄTC — Qazaq ädebi tılıññ sözdıǵı. On bes tomдық / Red. A. Ysqaqov, N. Uäli. Almaty, 2006—2011.

Rakhilina, Prokof'eva 2004 — E. V. Rakhilina, I. A. Prokof'eva. Rodstvennye yazyki kak ob"ekt leksicheskoi tipologii: russkie i pol'skie glagoly vrashcheniya. In: Voprosy yazykoznaniya. 2004, 1. S. 60—78. {E. V. Rakhilina, I. A. Prokof'eva. Related languages as an object of lexical typology: Russian and Polish rotation verbs. In: Questions of Linguistics. 2004, 1. P. 60—78.}

Rakhilina, Reznikova 2013 — E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova. Freimovy podkhod k leksicheskoi tipologii. In: Voprosy yazykoznaniya. 2013, 2. S. 3—31. {E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova. A frame-based approach to lexical typology. In: Questions of Linguistics. 2013, 2. P. 3—31.}

Reznikova 2022 — T. I. Reznikova. Glagoly pryataniya: tipologiya sistem. In: Voprosy yazykoznaniya. 2022, 4. S. 66—94. {T. I. Reznikova. Verbs of hiding: a typology of systems. In: Questions of Linguistics. 2022, 4. P. 66—94.}

Reznikova i dr. 2020 — T. I. Reznikova, E. V. Rakhilina, D. A. Ryzhova. Glagoly padeniya v yazykakh mira: freimy, parametry i tipy sistem. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2020, 16 (1). S. 9—63. {T. I. Reznikova, E. V. Rakhilina, D. A. Ryzhova. Verbs of falling in the languages of the world: frames, parameters, and system types. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2020, Vol. 16 (1). P. 9—63.}

Ryzhova i dr. 2018 — D. A. Ryzhova, N. R. Dobrushina, A. A. Bonch-Osmolovskaya, A. S. Vyrenkova, M. V. Kyuseva, B. V. Orekhov, T. I. Reznikova (red.). EVRika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi. Moskva: Labirint, 2018. {D. A. Ryzhova, N. R. Dobrushina, A. A. Bonch-Osmolovskaya, A. S. Vyrenkova, M. V. Kyuseva, B. V. Orekhov, T. I. Reznikova (eds.). EVRika! A collection of articles on searches and discoveries dedicated to the anniversary of E. V. Rakhilina. Moscow: Labirint, 2018.}

Ryzhova, Stankovich 2018 — D. A. Ryzhova, M. K. Stankovich. K probleme vnutrigeneticheskoi tipologii: polya *iskat'* i *nakhodit'* v russkom i serbskom yazykakh. In: D. A. Ryzhova, N. R. Dobrushina, A. A. Bonch-Osmolovskaya, A. S. Vyrenkova, M. V. Kyuseva, B. V. Orekhov, T. I. Reznikova (red.). EVRika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi. Moskva: Labirint, 2018. S. 15—38. {D. A. Ryzhova, M. K. Stankovich. On the problem of intra-genetic typology: the fields 'search' and 'find' in Russian and Serbian. In: D. A. Ryzhova, N. R. Dobrushina, A. A. Bonch-Osmolovskaya, A. S. Vyrenkova, M. V. Kyuseva, B. V. Orekhov, T. I. Reznikova (eds.). EVRika! A collection of papers on searches and discoveries dedicated to the anniversary of E. V. Rakhilina. Moscow: Labirint, 2018. P. 15—38.}

Sozdik — Oryssa-qazaqşa jáne qazaqşa-oryssa onlain sözdik. {Russian-Kazakh and Kazakh-Russian online dictionary.} <https://sozdik.kz>

Sozdikqor — Sozdikqor.kz portaly. {Sozdikqor.kz Portal.} https://sozdikqor.kz/#/all_projects

TDK — Türk Dil Kurumu Sözlükleri. <https://sozluk.gov.tr/>

TS Corpus — The Turkish Corpus. <https://cqpweb.tscorpus.com/cqpweb/>

Yusipova 2005 — R. R. Yusipova. Turetsko-russkii slovar': 80 000 slov i slovosochetanii = Turkce-rusca sozluk: 80 000 kelime ve deyim / T. E. Rybal'chenko (ed.). Moskva: Russkii yazyk — Media, 2005. {Turkish-Russian dictionary: 80 000 words and word combinations = Turkce-rusca sozluk: 80 000 words and idioms / T. E. Rybal'chenko (ed.). Moscow: Russkii yazyk — Media, 2005.}

Нейросеть для поиска когнатов в родственных языках (финский и эрзянский языки)

Гончарова Оксана Владимировна, Институт системного программирования
им. В. П. Иванникова РАН (Москва); goncharova_oxvl@pfur.ru

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Догадушкин Денис Михайлович, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН,
Московский государственный институт международных отношений МИД РФ (Москва), denisdogad@icloud.com

Статья посвящена применению технологий искусственного интеллекта и методов машинного обучения к задачам сравнительно-исторического языкознания, в частности к автоматическому поиску когнатов и выявлению новых этимологических связей между финским и эрзянским языками. Исследование выполнено на материале электронных словарей, размещенных на платформе LingvoDoc: финско-русского словаря, содержащего 17 212 лексем, и эрзянско-русского словаря объемом 8512 лексем. Описывается разработанная авторами двухэтапная модель на основе сиамской нейронной сети. На первом этапе модель использует орфографическую информацию, а на втором дополнительно учитывает семантическую близость переводов и ряд эвристических признаков. Такое расширение архитектуры позволило повысить точность классификации с 78 до 92 %. Обучающей базой послужил значительный объем вручную верифицированных этимологических связей между лексическими единицами уральских языков, накопленных в LingvoDoc. В результате обработки финского и эрзянского словарей нейросетью было проанализировано более 146 млн возможных сопоставлений и сформировано 16 055 этимологических предложений, из которых после экспертной проверки 805 были признаны корректными. Более ста предложенных соответствий представляют собой новые этимологические гипотезы. Они включают эрзянские параллели к известным уральским этимологиям, новые сепаратные финско-эрзянские соответствия, а также сопоставления, позволяющие уточнить происхождение лексем, традиционно рассматриваемых как балтийские или германские заимствования. Полученные результаты демонстрируют перспективность сочетания нейросетевых методов с традиционной процедурой сравнительно-исторического анализа и обязательной экспертной верификацией предлагаемых этимологий.

Ключевые слова: нейросеть, финский язык, эрзянский язык

NEURAL NETWORK FOR COGNATE DETECTION IN RELATED LANGUAGES (FINNISH AND ERZYA)

Oxana V. Goncharova, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow); goncharova_oxvl@pfur.ru

Julia V. Normanskaja, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow); julianor@mail.ru

Denis M. Dogadushkin, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS,
MGIMO University Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow); denisdogad@icloud.com

The article explores the application of artificial intelligence and machine learning technologies to comparative-historical linguistics, with particular emphasis on the automatic identification of cognates and the discovery of new etymological relationships between Finnish and Erzya. The study is based on electronic dictionaries available on the LingvoDoc platform: a Finnish-Russian dictionary containing 17,212 lexemes and an Erzya-Russian dictionary comprising 8,512 lexemes. The paper describes a two-stage model developed by the authors on the basis of a Siamese neural network. At the first stage, the model relies on orthographic information, while at the second stage it additionally incorporates the semantic similarity of translations and a number of heuristic features. This extension of the architecture increased classification accuracy from 78 % to 92 %. The model was trained on a large dataset of manually verified etymological relationships between lexical items from Uralic languages accumulated in LingvoDoc. The neural-network analysis of the Finnish and Erzya dictionaries examined more than 146 million possible word pairs and generated 16,055 etymological suggestions, of which 805 were accepted as valid after expert evaluation. More than 100 of the proposed correspondences represent new etymological hypotheses. These include Erzya parallels to established Uralic etymologies, new isolated Finnish-Erzya correspondences, and comparisons that make it possible to reconsider the origins of lexemes traditionally regarded as Baltic or Germanic borrowings. The results demonstrate the potential of combining neural-network methods with traditional comparative-historical analysis, while emphasizing the necessity of expert verification of automatically generated etymological hypotheses.

Keywords: neural network, Finnish language, Erzya language

Работа выполнена О. В. Гончаровой в рамках гранта РФФИ № 25-78-20002 (нейросеть), Ю. В. Норманской в рамках проекта FMNE-2025-0003 (анализ мордовского и финского языков), Д. М. Догадушкиным (подготовка он-лайн версий словарей).

Введение

Сегодня технологии ИИ (искусственного интеллекта) решают важные общественные проблемы и превращаются в огромную индустрию. В лингвистике тоже накоплен богатый материал для применения технологий ИИ. Но в сравнительно-историческом языкознании, насколько нам известно, в России нейросети ранее не использовались.

В мире первые работы по автоматическому компьютерному поиску родственных слов в разных языках появились примерно 25 лет назад. Сначала программисты предпринимали попытки искать родственные слова в базисной лексике различных языков с помощью методов кластеризации (см. [Bergsma, Kondrak 2007]). Эти методы построены на том, что сравниваются слова базисной лексики с одинаковым значением. Фонемы объединяют в кластеры. Кластеры могут быть очень большими, например ауслаутные согласные, инлаутные гласные, и, наоборот, маленькими, например смычные согласные, аффрикаты и т. п. В 2012 г. немецкие программисты Й.-М. Лист и Р. Форкель создали достаточно известную программу LexStat, которая доступна онлайн в их коллекции программ, некоторые из которых созданы на основе этого алгоритма (подробнее см. библиотеку LingPy на языке Python <https://lingpy.org/index.html>). Эта программа при помощи кластеризационного алгоритма и оптимально подобранных «весов» для оценки его предложений для слов из двух списков базисной лексики определяет, какие слова являются родственными, а какие нет. В статье 2017 г. Г. Ягер создал алгоритм машинных векторов и алгоритмов state-of-the-art (SOTA) для фонетического выравнивания, которое позволяет идентифицировать когнаты в многоязычных словарных списках. С опорой на списки базисной лексики, собранные С. А. Старостиным, показано, что этот алгоритм на небольшом объеме материала работает достаточно плохо, но при увеличении сравниваемых лексиконов результаты становятся лучше. Интересно, что сравнение результатов проводилось на материале трех языковых семей: индоевропейской, алтайской и австронезийской. Количество ошибок в работе алгоритма оказалось самым большим для индоевропейских языков, которые имеют самую долгую историю изучения и демонстрируют, что часто родственные слова, например в индийских и германских языках, могут фонетически различаться очень сильно. Авторы упомянутой статьи [Bergsma, Kondrak 2007], одной из самых цитируемых по методам кластеризации, приходят к заключению, что эта методология не может заменить сравнительно-исторический анализ.

Насколько нам известно, одна из первых попыток использовать нейросети для поиска когнатов была предпринята в 2007 г. российскими программистами, работавшими на момент публикации в Англии и Болгарии (см. [Mitkov et al. 2007]). Данный метод был апробирован на английском, французском, немецком и испанском корпусах текстов. Целью работы было научить нейросеть отличать родственные слова от лексем с «ложным сходством». Точность выявления родственных слов колебалась от 81 % для пары немецкий — английский до 89,6 % для пары английский — французский. В целом, учитывая, что это применялось не только к базисной лексике и было проверено на материале корпусов текстов для языков, этимология которых хорошо описана, представляется, что это был достаточно удачный эксперимент, показавший перспективность использования нейросетей в сравнительно-историческом языкознании. Указанная статья многократно цитируется в последующих исследованиях, вышедших за последние 15 лет и посвященных созданию нейросетей для целей сравнительно-исторического языкознания (см. дальнейшие примеры работ с наиболее успешными результатами [Dinu, Ciobanu 2014; Rama 2016; Fourrier, Sagot 2022]).

В статье [Dinu, Ciobanu 2014] авторы применяют технологию нейросетей к пяти генетически близкородственным языкам: румынскому, французскому, испанскому, португальскому, итальянскому и одному генетически неблизкородственному языку — турецкому. Их цель — опираясь на существующие этимологические работы по румынскому языку, создать нейросеть, которая бы для румынского выявляла родственные и неродственные слова в пяти языках. Точность работы их метода достигает 87 % при использовании SVM (метода опорных векторов) с функциями выравнивания.

В статье [Rama 2016] автор пытается выйти за пределы языковых групп с хорошо описанной этимологией, в качестве материала использует, с нашей точки зрения, недостаточно надежные данные. В первую очередь это австронезийская база когнатов, которая была доступна в электронном виде в 2015 г. по ссылке <http://language.psy.auckland.ac.nz/austronesian/>, но теперь этот адрес не работает. Известно, что для австронезийской семьи языков нет общепринятой системы регулярных фонетических соответствий. Во-вторых, это индоевропейская этимологическая база данных, доступная по ссылке <http://ielex.mpi.nl/>, но сейчас она также не работает. Однако из печатной версии монографии [Dyen et al. 1992] следует, что в ней собраны только этимологии базисной лексики, а не полный словарь. Третьим источником явилась этимологическая база по языкам мезоамериканских майя по статье [Wichmann, Holman 2013]. Но этимологии в этой статье, как указывают сами авторы, получены не в результате тщательной этимологической

работы, а в результате обработки лексиконов племен майя с помощью алгоритма вычисления расстояния Левенштейна (метрики, измеряющей по модулю разность между двумя последовательностями символов). Из истории индоевропейских, уральских, алтайских языков мы знаем, как часто два слова имеют наименьшее расстояние Левенштейна, но по регулярным соответствиям не являются когнатами. Следовательно, вероятно надежными можно считать лишь индоевропейские этимологии, хотя они тоже в настоящее время недоступны для проверки. При этом для обучения были взяты 167 676 пар слов (когнатов и некогнатов) из австронезийских языков, 83 403 пары — из индоевропейских языков и 63 028 — из языков майя. Таким образом, только 26 % слов взяты из языковой семьи с разработанной системой регулярных соответствий. На наш взгляд, исходный материал для обучения этой нейросети настолько ненадежный, что дальнейшее ее использование было невозможным. Сама нейросеть доступна онлайн на GitHub (<https://github.com/PhyloStar/SiameseConvNet>), но за последние восемь лет ее создатель не дорабатывал ее на основе новых данных. Мы также не нашли упоминаний об ее использовании другими авторами.

По объему анализируемого материала прорывом стала CogNet, созданная совместными усилиями ученых из Австралии, Франции и Италии (см. ее описание в [Batsuren et al. 2022]). В ней объединен массив из 8 миллионов когнатов по 338 языкам (подробнее см. CogNet — UKC — Universal Knowledge Core). По утверждению авторов, точность автоматического нахождения когнатов составляет 94 %. По детальный анализ показывает, что основной базой для языков народов РФ являются стословные списки, которые представлены очень неполно (например, на момент обращения к БД для эвенского языка собрано только 17 слов, для долганского — 15). При этом зачастую перевод ошибочен либо приводится лишь один из синонимов, который является архаичным и неупотребительным (например, слово *лик* для обозначения лица в русском языке; см. подробнее Universal Knowledge Core). Даже в иллюстрациях на главной странице (см. GitHub: kbatsuren/CogNet) видны ошибки в этимологиях по алтайским языкам, а данные по уральским языкам почти не представлены.

Тем не менее, безусловно, нельзя отрицать достоинства этого ресурса, который сумел объединить несколько десятков больших онлайн-словарей для языков мира и действительно во многих случаях строит достаточно правильные этимологии, а также предлагает наглядную визуализацию полученных результатов на карте.

В этом кратком обзоре невозможно описать все работы по нейросетям, которые созданы для поиска когнатов. Подводя итог, хочется отметить, что, с нашей точки зрения, это направление сейчас является ведущим для сравнительно-исторического языкознания в мире: есть разработки уже не только в Европе, Америке, Австралии, в 2017 г. вышла статья, посвященная поиску этимологий с помощью нейросети в арабском языке (см. [Alreshidi, Aldhlan 2017]); в 2020 г. появились разработки для языков Индии (см. [Kanojia et al. 2020]), в 2024 г. — для китайского (см. [Pulini, List 2024]).

Языки народов РФ процесс затронул пока в минимальном объеме (при запросах в CogNet в выдаче результатов территория России почти пуста; см. Universal Knowledge Core).

Из приведенного обзора становится очевидным, что существующие модели нейросетей дают очень высокую точность при поиске когнатов в соответствии с тем материалом, на котором они были обучены (87—95 %). Нам представляется очень важным, чтобы для языков народов РФ это обучение было на достоверном материале, собранном по существующим наиболее авторитетным этимологическим словарям, и дополненном современными исследованиями, проведенными лингвистами-профессионалами, а не на тех данных, какие используются во многих нейросетях, не ставших популярными (см. выше данные добровольцев, доступные онлайн в Википедии или созданные в результате автоматического применения алгоритма Левенштейна). Более того, очень важно, чтобы полученные предложения нейросети проходили экспертную оценку специалистов так же, как это происходит в медицине, а не выкладывались в сыром виде, как это сделано в CogNet, поскольку такие ресурсы фактически обесценивают настоящие научные достижения и транслируют зачастую ложную информацию.

К сожалению, код всех известных нам нейросетей, которые ищут этимологии, закрыт для пользователей, нет в открытом доступе и материала, который бы позволил верифицировать степень точности их работы. Кроме того, стоит отметить, что в зарубежных проектах по созданию нейросетей для поиска этимологий участвуют программисты, и не ставится цель поиска новых этимологий, а лишь верификации качества нейросети на уже существующем материале. С учетом того, что сами нейросети не находятся в открытом доступе, работы, проведенные зарубежными программистами, не дали существенного результата с точки зрения сравнительно-исторического языкознания.

В настоящее время на платформе ЛингвоДок (lingvodoc.ispras.ru) собраны словари по более чем 2 тысячам диалектов языков народов РФ. Эти словари были объединены вручную этимологическими связями частично с помощью программ ЛингвоДока, основанных на учете фонетических и семантиче-

ских регулярных соответствий, и более 1,5 миллионов слов связаны этимологическими связями. Этот материал лег в основу обучения нейросети, созданной нами.

В части I мы расскажем о технических особенностях нейросети, в части II сделаем обзор типов этимологических предложений при обработке с помощью нейросети финского и эрзянского словарей.

Часть I. Принципы работы нейросети

В настоящем исследовании предложен двухэтапный подход к задаче автоматического выявления когнатов в корпусах уральских языков. На первом этапе была реализована сиамская нейронная сеть¹, учитывающая графическую (орфографическую) информацию из исходных примеров. Оценка качества на валидационной выборке² продемонстрировала среднюю точность (ассигасу) порядка 78 %. На втором этапе архитектура модели была расширена за счет дополнительного пути обработки переводов слов и ряда эвристических приемов (булев признак «exact_match» с фиксированной поправкой³, обучаемые весовые коэффициенты α/β , порог $\tau = 0.9$), что позволило повысить точность классификации до 92 %.

Далее приводится описание используемых данных, архитектуры модели, а также ключевых параметров обучения и настройки, обеспечивающих сходимость и обобщающую способность сети.

1.1. Набор данных

Данные для обучения модели были получены с платформы LingvoDoc, предоставляющей инструменты для создания, аннотирования и хранения электронных словарей, корпусов и конкордансов различных языков, включая фонетический и этимологический анализ. Исходный корпус включал примерно 98 тыс. уникальных лексических записей из словарей уральских языков, каждая запись была снабжена вручную проверенным списком когнатов. Списки были преобразованы во все возможные сочетания «когнат—когнат», после чего из полученных пар были удалены полные дубликаты; итоговая коллекция положительных примеров составила около 1 млн записей. Сбалансированный негативный класс⁴ был получен методом случайного «negative sampling» с исключением любых сочетаний, совпадающих с позитивными примерами.

На обоих этапах обучающий набор имеет вид:

$$D = \{(x_i, y_i)\}_{i=1}^N, y_i \in \{0, 1\},$$

структура x_i различается в зависимости от этапа:

— этап 1: $x_i = (w_i^{(1)}, w_i^{(2)})$

— этап 2: $x_i = (w_i^{(1)}, t_i, w_i^{(2)}, t_i)$,

где $w_i^{(j)}$ — слово из языка j , а t_i — его перевод на русский язык,

$$y_i = \begin{cases} 1, & \text{если } w_i^{(1)} \text{ и } w_i^{(2)} \text{ когнаты,} \\ 0, & \text{если они не когнаты } \Lambda. \end{cases}$$

В тесте по данной паре требуется предсказать метку $\hat{y} \in \{0, 1\}$.

¹ Сиамская нейронная сеть состоит из двух ветвей с общими параметрами. Каждая ветвь обрабатывает одно слово из пары и преобразует его в числовой вектор. Сопоставление двух векторов используется для оценки вероятности когнатности.

² Валидационная выборка представляет собой часть размеченных примеров, которая не участвует в изменении весов модели во время обучения.

³ Булев признак принимает одно из двух значений: 1 или 0. В данной модели exact_match получает значение 1 при совпадении первых четырех символов русских переводов и значение 0 при отсутствии такого совпадения. Признак используется как отдельный сигнал при классификации пары.

⁴ Отрицательный класс содержит пары, которые используются как примеры отсутствия когнатного отношения. При negative sampling такие пары выбираются случайно из возможных сочетаний слов, причем известные пары когнатов из выбора исключаются. Баланс классов означает близкое число положительных и отрицательных примеров в обучающем материале.

Пример записи для этапа обучения:

aláalá-мъ 1 (для положительной пары)
kvéfkaldzə gusimɥ 0 (для отрицательной пары)

Изначально в состав модели входили 16-мерные бинарные векторы фонетических признаков⁵ [Bergsma, Kondrak 2007], однако дальнейший анализ показал, что отсутствие единых правил транскрипции в исходных корпусах приводило к значительному шуму. В связи с этим фонетические векторы были исключены, и акцент перенесен на орфографические признаки слов и семантические представления переводов. Для этапа дообучения был подготовлен дополнительный корпус из 700 тыс. пар с переводами, которые были также симметрично распределены на две категории — когнаты и некогнаты. Пример записи для этапа дообучения:

ала город *ала-мъ* город 1 (для положительной пары)
kvéfkaldzə отдохнуть *gusimɥ* глаз 0 (для отрицательной пары)

1.2. Описание архитектуры моделей

На первом этапе используется сиамская нейронная сеть, состоящая из двух идентичных ветвей, каждая из которых обрабатывает отдельное слово из сравниваемой пары $w_i^{(1)}$ и $w_i^{(2)}$. Входом каждой ветви является символьная последовательность слова, представленная в виде двух типов эмбедингов размерности $d = 128$ ⁶:

- символьное встраивание $E_{char}(X) \in R^{L \times D}$, которое отображает каждый символ в непрерывное векторное пространство размерности D ⁷;
- позиционное встраивание $E_{pos}(X) \in R^{L \times D}$, кодирующее информацию о положении каждого символа в последовательности (L — длина слова)⁸.

В результате формируется матрица входных представлений:

$$X^{(0)} = E_{char}(X) + E_{pos}(X)^9.$$

Для устранения проблемы переобучения используется SpatialDropout1D (вероятность 0,2), реализованный как Dropout2d на тензоре размера (batch, d, L), обнуляющий целые каналы эмбедингов [Fourrier, Sagot 2022]¹⁰.

Обработка последовательностей осуществляется двунаправленным LSTM (BiLSTM) с размером скрытого состояния 64, который захватывает контекстные зависимости как в прямом, так и в обратном

⁵ Каждому звуку приписывался набор из 16 признаков, записанных нулями и единицами, позиция вектора указывала на наличие или отсутствие определенного фонетического свойства. Слово описывалось через последовательность характеристик входящих в него звуков. Например, для согласных при порядке признаков «губной, зубной, альвеолярный, постальвеолярный, палатальный, велярный, увулярный, глоттальный, смычный, аффрикат, щелевой, носовой, боковой, дрожащий, аппроксимант, гласный» [p] получал представление [1, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 1, 0, 0, 0, 0, 0, 0].

⁶ Под ветвью понимается один модуль обработки, применяемый отдельно к первому и второму словам. Параметры обеих ветвей общие. Эмбединг представляет символ в виде обучаемого вектора чисел. Размерность 128 означает наличие 128 числовых компонентов в представлении каждого символа.

⁷ Символьное встраивание представляет каждый знак в виде обучаемого вектора чисел. Начальные числовые значения не соответствуют заранее указанным фонетическим или графическим свойствам символа. В ходе обучения векторы изменяются в зависимости от того, какие представления помогают модели различать когнаты и некогнаты. Информация о месте символа в слове добавляется с помощью позиционного встраивания.

⁸ Позиционное встраивание сообщает модели место символа в слове. Одинаковый символ в начале, середине и конце последовательности получает различающую позиционную информацию, поэтому порядок символов сохраняется в числовом представлении.

⁹ Матрица $X^{(0)}$ содержит числовое представление всей символьной последовательности. Для каждой позиции складываются вектор соответствующего символа и вектор его позиции. Число строк связано с длиной слова, число числовых компонентов для каждой позиции равно 128.

¹⁰ Dropout во время обучения временно исключает часть компонентов числового представления, чтобы модель меньше зависела от отдельных признаков. В SpatialDropout1D каналом называется один и тот же компонент вектора во всех позициях слова. При вероятности 0,2 каждый такой канал может быть исключен на данном обучающем шаге.

направлении [Rama 2016]¹¹. Полученные признаки затем передаются через четыре трансформерных блока, каждый из которых реализует механизм мультиголовного внимания (multi-head attention), позволяющий учитывать сложные нелинейные зависимости между символами:

$$\text{Attention}(Q, K, V) = \text{softmax}\left(\frac{QK^t}{\sqrt{d_K}}\right)V^{12},$$

где Q, K, V — проекции входных данных, а d_K — размерность ключей ($\text{num_heads} = 4$, размерность ключей на каждую голову $d_K = 128/4 = 32$) [Dyen et al. 1992]. За слоем внимания следует полносвязная сеть прямого распространения (Feed-Forward Network, FFN) со 128 нейронами и функцией активации ReLU, а также слои нормализации и dropout для стабилизации обучения. Признаки из трансформерных блоков усредняются по временной оси (torch.mean)¹³:

$$u = \frac{1}{L} \sum_{i=1}^L h_i, u \in R^{2h^{14}},$$

что агрегирует информацию о всей последовательности в единый вектор фиксированной размерности. Для измерения близости слов вычисляется косинусное сходство между их скрытыми представлениями:

$$s = \frac{\langle u_1, u_2 \rangle}{\|u_1\| \|u_2\|} \in [-1, 1]^{15}.$$

Далее все величины объединяются в единый вектор:

$$z = [u_1; u_2; s] \in R^{4h+1}^{16},$$

который служит входом для финального классификатора. Классификационный модуль представляет собой трехслойный полносвязный перцептрон. На первом слое применяются LayerNorm и ReLU к аффинному преобразованию z , затем аналогично обрабатывается второй скрытый слой, и, через линейный выход с последующей сигмойдой σ , получаем предсказанную вероятность $\mathcal{Y}$ ¹⁷:

$$\begin{aligned} h_1 &= \text{ReLu}(\text{LayerNorm}(W_1 z + b_1)), \\ h_2 &= \text{ReLu}(\text{LayerNorm}(W_2 h_1 + b_2)), \end{aligned}$$

¹¹ BiLSTM читает последовательность символов в двух направлениях. Представление каждой позиции формируется с учетом предшествующих и последующих символов. Например, при обработке символа в середине слова модель может учитывать как предшествующую, так и последующую часть слова. Размер скрытого состояния 64 означает 64 числовых компонента внутреннего представления для каждого направления.

¹² Механизм внимания позволяет при обработке каждой позиции учитывать другие позиции того же слова и определять, какая часть информации из них важна для нового представления. Связь может учитываться и между удаленными друг от друга символами. Несколько голов внимания выполняют несколько независимых вариантов такого сопоставления.

¹³ Q, K и V представляют три преобразования одной входной последовательности. Q используется для позиции, представление которой формируется, K используется при сравнении этой позиции с другими позициями, V содержит информацию, включаемую в новое представление. Softmax преобразует результаты сравнения Q и K в веса. При четырех головах 128 компонентов распределяются по четырем группам по 32. FFN затем обрабатывает представление каждой позиции полносвязными слоями. ReLU заменяет отрицательные значения нулем, нормализация выравнивает масштаб числовых признаков, dropout временно исключает часть компонентов во время обучения.

¹⁴ Усреднение по временной оси означает вычисление среднего значения каждого признака по всем позициям слова. Результатом становится один вектор постоянной размерности, который представляет слово целиком и не зависит от числа символов.

¹⁵ Косинусное сходство измеряет сходство направления двух числовых векторов. Значение 1 соответствует одинаковому направлению, значение около 0 указывает на отсутствие выраженного сходства направлений, отрицательные значения соответствуют противоположно направленным представлениям. Косинусное сходство является отдельной числовой характеристикой пары и не является вероятностью когнатности.

¹⁶ Запись $[u_1; u_2; s]$ обозначает соединение двух векторов и одного числового показателя s в одну последовательность чисел. Классификатор получает сведения о первом слове, втором слове и косинусном сходстве между ними.

¹⁷ Полносвязный перцептрон представляет несколько слоев, в которых каждый элемент следующего слоя связан с элементами предыдущего. Несколько преобразований позволяют классификатору учитывать сочетания признаков двух слов.

$$\hat{y} = \sigma(W_3 h_2 + b_3)^{18}.$$

На втором этапе сиамская сеть дообучалась на датасете, включающем переводы слов, также было введено несколько эвристических приемов для повышения точности. Базовая архитектура была расширена для обработки двойных путей: (word_encoder) слой BiLSTM (hidden_size=64, bidirectional) извлекает контекстные признаки, два трансформерных блока с multi-head attention (h=4) и FFN (128 нейронов) моделируют глобальные зависимости для слов. Далее для переводов использовался аналогичный BiLSTM слой (translation_encoder), за которым следуют четыре трансформерных блока. Признаки из обоих путей объединяются с обучаемыми коэффициентами¹⁹:

$$p_i = \alpha t_i + \beta w_i, \alpha + \beta = 1,$$

где α и β — параметры для переводов и слов соответственно, инициализируемые как (0,7, 0,3) и обучаемые вместе с остальными весами сети.

Дополнительно был введен булев признак «exact_match», равный единице, если первые четыре символа переводов (с учетом паддинга) совпадают, и нулю в остальных случаях:

$$m = 1\{\tau_{1:4}^{(1)} = \tau_{1:4}^{(2)}\}^{20}.$$

На этапе классификации векторы p_1 и p_2 объединяются вместе с их поэлементной разностью и произведением:

$$v = [p_1; p_2; |p_1, p_2|; p_1 \times p_2]^{21}.$$

Далее стандартный MLP выдает базовый логит l_{base} , который суммируется эвристическим вкладом:

$$l = l_{base} + \gamma m^{22},$$

где коэффициент $\gamma(match_{coef})$ фиксирован и не обновляется при дообучении. Так, если первые четыре символа переводов идентичны («лесной» → «лесные»), модель добавляет фиксированную поправку match_coef=0,8 к выходу классификатора²³.

Для перевода логита в бинарное представление был использован порог τ (threshold)²⁴. Изначально валидационный порог подбирался динамически: на отложенной выборке вычислялась ROC-кривая²⁵

¹⁸ Аффинное преобразование включает умножение входного вектора на матрицу обучаемых весов и прибавление смещения. Сигмоида преобразует итоговое число в значение от 0 до 1.

¹⁹ На втором этапе форма слова и русский перевод обрабатываются отдельными кодировщиками: word_encoder формирует представление исходного слова по его символам, translation_encoder формирует представление перевода. Коэффициент α относится к представлению перевода, коэффициент β — к представлению формы слова. Начальные значения 0,7 и 0,3 означают больший исходный вклад перевода, однако оба коэффициента изменяются в ходе обучения.

²⁰ Exact_match проверяет совпадение первых четырех символов двух русских переводов. Например, переводы «лесной» и «лесные» имеют одинаковые первые четыре символа, поэтому для данной пары exact_match равен 1. Паддинг представляет служебные символы, которыми короткие последовательности дополняются до одинаковой длины перед сравнением.

²¹ Поэлементная разность вычисляется отдельно для каждой пары соответствующих компонентов двух векторов и показывает величину различия по данному числовому признаку. Поэлементное произведение перемножает соответствующие компоненты и помогает классификатору учитывать совместно выраженные признаки.

²² Логит представляет числовую оценку модели до применения сигмоиды и может принимать значения за пределами интервала от 0 до 1. Чем выше логит, тем выше после применения сигмоиды оценка принадлежности пары к классу когнатов. Эвристическая поправка прибавляется к базовому логиту при выполнении условия.

²³ Коэффициент match_coef равен 0,8 и установлен заранее. При exact_match = 1 значение 0,8 прибавляется к логиту до применения сигмоиды. Прибавление 0,8 к логиту не означает увеличение вероятности на 0,8. Например, при базовом логите 0 вероятность равна 0,5, после прибавления 0,8 к логиту вероятность составляет около 0,69. Значение match_coef во время дообучения не изменяется.

²⁴ Порог τ определяет границу между двумя решениями классификатора. После применения сигмоиды получается число p от 0 до 1. При $p \geq \tau$ пара относится к когнатам, при $p < \tau$ — к некогнатам. Повышение порога обычно уменьшает число ложноположительных решений. Полнота при этом может снижаться. Полнота показывает долю истинных когнатов, которые модель обнаружила среди всех истинных когнатов.

²⁵ ROC-кривая показывает результаты классификации при разных значениях порога. Для каждого порога учитываются две доли. Первая представляет долю правильно найденных когнатов среди всех истинных когнатов, вто-

и было получено значение τ в диапазоне примерно $[0,70, 0,78]$, при котором отмечалось оптимальное соотношение TP (true positive) vs. FP (false positive) с учетом штрафа за ложноположительные ответы [1]. Однако на реальных данных наблюдалось большое число пар, ошибочно признанных когнатами. Для того чтобы снизить долю ложноположительных срабатываний, вместо обучаемого значения был зафиксирован порог $\tau = 0.90$, т. е. модель должна быть очень «уверена» (вероятность 90 %) в когнатности пары, прежде чем отнести ее к положительному классу. На практике это позволило снизить количество ложных срабатываний примерно в 2—3 раза и сохранить приемлемую полноту, т. к. большинство истинных когнатов имеют высокие оценки $p \geq 0.90$.

Обучающие примеры обоих этапов были разбиты случайным образом на тренировочную (90 %) и валидационную (10 %) выборки²⁶. В процессе оптимизации использовался алгоритм AdamW с начальными параметрами learning rate = 10^{-4} и weight decay = 10^{-27} . В качестве функции потерь применялась бинарная кросс-энтропия (BCEWithLogits) [Mitkov et al. 2007]²⁸.

Часть II. Примеры типов новых этимологий, полученных с помощью нейросети

В настоящей статье мы приведем примеры типов этимологических предложений, выявленных нейросетью при обработке двух словарей: 1) финско-русского, содержащего 17 212 лексем (доступен онлайн по ссылке <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11457/163277/perspective/11457/163278/view>)²⁹; 2) эрзянско-русского, объемом 8512 лексем (<https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11459/62466/perspective/11459/62467/view>)³⁰.

В результате работы нейросети были проанализированы 146 474 120 возможных сопоставлений, из которых пользователю было показано 16 055 этимологических предложений (вид выдачи см. рис. 1).

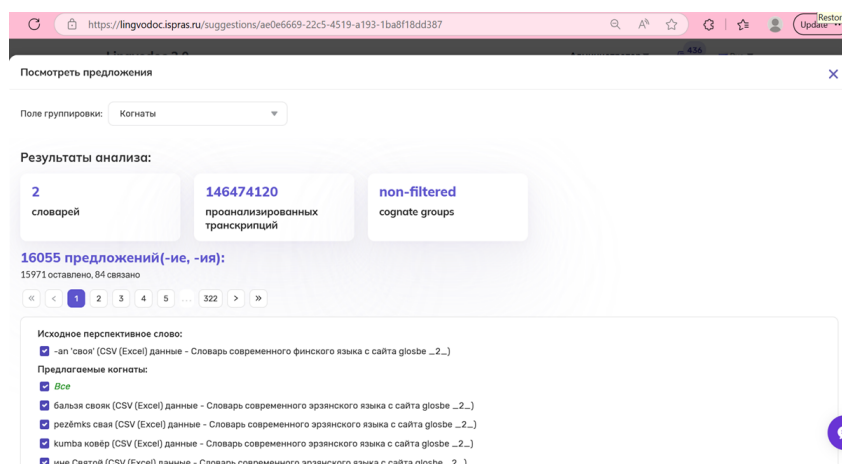

Рис. 1. Интерфейс выдачи этимологических предложений после обработки словарей нейросетью

рая представляет долю некогнатов, ошибочно отнесенных к когнатам, среди всех истинных некогнатов. TP обозначает отдельный случай правильного распознавания когната, FP — отдельный случай ошибочного признания некогната когнатом.

²⁶ Тренировочная выборка используется для изменения весов модели, валидационная — для оценки качества на примерах, которые не участвуют в обновлении весов. Случайное разделение означает случайное распределение размеченных пар между двумя частями в пропорции 90 и 10 %.

²⁷ AdamW представляет алгоритм изменения весов нейросети на основании ошибки, рассчитанной на обучающих примерах. Learning rate определяет величину изменения весов на одном обучающем шаге. Weight decay уменьшает веса и снижает склонность модели чрезмерно подстраиваться под обучающий материал.

²⁸ Бинарная кросс-энтропия оценивает, насколько прогноз модели отличается от правильной метки 0 или 1. Ошибка возрастает сильнее, когда модель с высокой уверенностью выбирает неправильный класс. BCEWithLogits принимает на вход логит и выполняет связанное с сигмоидой вычисление внутри одной функции, что уменьшает погрешности при очень больших по модулю логитах.

²⁹ База данных словаря была взята с сайта <https://ru.glosbe.com/>; далее слова, которые объединяются в этимологии, проверены по словарю [SAA].

³⁰ База данных словаря была взята с сайта <https://ru.glosbe.com/>; далее слова, которые объединяются в этимологии, проверены по словарю [Серебренников и др. 1993].

Пользователь нейросети должен оценить все ее предложения и поставить галочки только на тех, которые считает убедительными, после чего каждый раз нажимать кнопку «Связать». В результате нашей оценки 16 055 этимологических предложений корректными были признаны 805, которые можно посмотреть в словарях в столбце «Когнаты». Большинство этих предложений повторяют уже существующие этимологии, отраженные в этимологических словарях [Rédei 1986—1988; SSA]. Но более ста этимологий, предложенных нейросетью, оказались новыми. Их можно классифицировать по трем типам:

1) эрзянские дополнения в существующие «большие» этимологии по [Rédei 1986—1988], которые имеют когнаты в финском и нескольких других уральских языках, но их рефлексy в эрзянском ранее не были известны;

2) новые сепаратные финско-эрзянские этимологии, слова которых ранее не имели когнатов по [SSA] за пределами прибалтийско-финской языковой семьи;

3) новые эрзянские параллели для финских слов, которые по [SSA] считались заимствованиями из балтийских или германских языков. В этих случаях удастся доказать более раннее время заимствования еще в прафинно-волжский язык (время распада примерно 4 тыс. лет назад) либо отказаться от гипотезы о заимствовании и постулировать исконное уральское происхождение слова.

Процесс оценки убедительности и новизны этимологических предложений нейросети требует от пользователя достаточно большой исследовательской работы, проверки всех гипотез по существующим этимологическим словарям, оценки с точки зрения системы регулярных соответствий, которая лежит в основе этимологий, принятых в словарях [Rédei 1986—1988; SSA]. Ниже в качестве иллюстрации приведем 14 новых этимологических предложений для этих групп. Хочется подчеркнуть, что, излагая эти этимологии, мы не настаиваем на том, что предлагаемые версии являются единственно возможными или наиболее убедительными. В ряде случаев, как будет показано ниже, в контактных языках обнаруживается множество сходных слов, и окончательный выбор конкретной гипотезы о происхождении требует значительной дополнительной работы: установления наиболее ранних фиксаций слова в финском или эрзянском, прослеживания истории его значений по письменным памятникам и привлечения других данных. В некоторых случаях однозначное решение этимологического вопроса может быть в принципе невозможно. Приведенные примеры призваны продемонстрировать прежде всего потенциал использования нейросети как инструмента для последующего тщательного этимологического анализа, причем исследование каждого из рассматриваемых слов само по себе может стать темой отдельной статьи.

II.1. Эрзянские дополнения к существующим этимологиям

1. В этимологию ФУ **aja-* ‘загонять, охотиться’ > фин. *aja-* ‘загонять, охотиться, вести’, эст. *aja-* ‘двигаться вперед, загонять, следить, преследовать’, саам. *vuoggje- -j-* ‘управлять лошадей, оленем, вести’ (N), *vuodjē-* ‘вести на машине’ (L), *vijje-* (T), *vujje-* (Kld), *vuajje-* (Not.) ‘вести на машине, направлять’, удм. *uj-*, *ul-* (S), *ujj-* (G) ‘загонять, преследовать’, коми *voj-* (Skr) ‘иметь норы, не слушаясь повода, очень быстро спускаться с горы’, *vojli-* (Vm. I) ‘бегать, скакать, носиться’, *vojed-* ‘бежать, побежать’, *vojledli-* ‘загонять, охотиться’, манс. *wujt-* (K), *wojt-* (KM), *vujt-* (KO) ‘загонять, охотиться’ [Rédei 1986—1988: 4] мы предлагаем добавить сравнение с эрз. *ajdäms* ‘гнать, катить, качать’ [Серебренников и др. 1993: 38], где *-d-* является суффиксом, образующим глаголы со значением «однократность совершения действия» (см. [Месарош 1999]). В. И. Вершинин указывает, что ранее эрзянское слово считалось заимствованием из татарского *äydäw* ‘вести, гнать, погонять; понукать, побуждать двигаться’, но он не принимает это сравнение, с чем можно согласиться в связи с несоответствием гласных по ряду [Вершинин 2004—2011: 10].

2. В этимологию ФП **kansa* ‘народ, люди, друзья’ > фин. *kansa* ‘народ, нация, люди’, эст. *kaasa* ‘друг, спутник, супруг, супруга’, саам. *gažapošze -žž-* (N) ‘домашнее хозяйство, община’, (T) *kaince*, (Kld) *kāinc* ‘товарищ’, удм. *kuz* (S) ‘пара’, (S, G) *kuzo*, (K) *kūzo* ‘парные’, коми *goz* (S, P) ‘пара’, *guz* (PO) ‘пара’, *gozja* (S, P) ‘парный, супружеская пара’ [Rédei 1986—1988: 645] мы предлагаем добавить эрз. *kan* ‘род (ряд поколений), племя’ [Серебренников и др. 1993: 230]. В [Rédei 1986—1988] нет других этимологий с кластером **-ns-*, которые бы имели рефлекс в эрзянском языке, поэтому такое развитие нельзя исключать. В. И. Вершинин также указывает (под вопросом) на сходство с сельк. *kät* ‘кровь’, ненец. *хан* ‘кровавая жертва’, тат. *кан* ‘кровь’ [Вершинин 2004—2011: 104].

3. В этимологию ФУ **kira* ‘клятва, проклятие, ругань’ > фин., кар. *kiro* ‘проклятие’, эст. *kiruda* ‘проклятый’, вепс. *kirota* ‘проклятый’, водск. *tširota*, саам. (N) *gārro* ‘проклятие’, манс. (L) *kor-* ‘проклятый’, хант. (I) *korəm*, (E) *xurəm* ‘разозлиться’ предлагается добавить эрз., мокш. *krojams* ‘ругаться’, *krojsema* ‘мат, неприличная брань’ [Серебренников и др. 1993: 304], где *-j(a)-* — частотный глагольный суффикс (см. подробнее [Месарош 1999: 92—126]). Выпадение **i* в мордовских языках —

это типичное явление, когда ударение в прафинно-волжском языке было на окончании (см. подробнее [Норманская 2018: 33—45]), ср. ФВ **šišna* ‘ремень’ > морд. *šna* (Е, М), *kšna* (Е) [Rédei 1986—1988: 786; Raasonen 1992: 909]. В. И. Вершинин считает эти мордовские слова заимствованиями из рус. *кроить* (матом) [Вершинин 2004—2011: 173]. Однако по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) такого сочетания нет. Е. В. Кашкин в письменном сообщении предложил также гипотезу о заимствовании этого глагола из русского *крыть* в значении ‘ругаться’. Действительно, данные употребления крайне редки, но встречаются по НКРЯ начиная с 1920 г. Тем не менее в [Семенкова 2007: 112] для русских говоров Мордовии такое значение для глагола *крыть* не отмечается, поэтому финно-угорское происхождение слова представляется более вероятным.

4. В этимологии ФУ **аја* ‘открывать, освобождать’ > фин. *avaa-* ‘открывать, расширяться’, *avanto* ‘прорубь’, эст. *ava-* ‘открывать’, морд. *ankšima*, *avšima* (Е), *ańcema* (М) ‘прорубь’, хант. *аја-* (V) ‘развязывать (узел), открывать’, *еја-* (О) ‘снимать одежду, обувь’, манс. *ējk-* (TJ, LU), *ājoxo-* (So.) ‘платье снимать’, *ōjkw-* (P) ‘шкуру с медведя снимать’, венг. *old-* (др.-венг. *ód-*) ‘освобождать; (узлы) развязывать’ [Rédei 1986—1988: 11], нам представляется, что фин. *avanto* ‘прорубь’ и морд. *ankšima*, *avšima* (Е), *ańcema* (М) ‘прорубь’ семантически не вполне соответствуют другим формам. Это отмечают и авторы [SSA, I: 92], которые связь фин. *avanto* ‘прорубь’ и *avaa-* ‘открывать, расширяться’ помечают знаком вопроса. Мы предлагаем сравнивать фин. *avaa-* ‘открывать, расширяться’ с эрз. *avtems* ‘раскрыть, открыть’ [Серебренников и др. 1993: 31], где *-t-* является глагольным суффиксом (подробнее о значении и частоте встречаемости см. [Месарош 1999: 169]). Следует отметить, что эрз. *-v-* является частотным рефлексом ФУ **-η-* в позиции после гласных заднего ряда, ср. ФУ **čayV-* ‘бить’ > эрз. *čavo-* [Rédei 1986—1988: 53]. В. И. Вершинин в [Вершинин 2004—2011: 7] не предлагает этимологии для эрзянского слова, указывая на сходие по звучанию слова в родственных и контактных языках со значениями ‘рот, дверь, улей, нора’, что семантически кажется менее убедительным, чем предложенная нами этимология.

II.2. Новые финско-эрзянские сопоставления и их дополнительные когнаты по словарям ЛингвоДока

5. В этимологию фин. *nikka* ‘икота’, эст. *nigu* ‘икота’, кар. *nikko* ‘икота’, вепс. *niki* ‘икота’, водск. *nikkotta* ‘икота’, саам. (N) *njákkástit* ‘икота’ [SSA, II: 220] мы предлагаем добавить эрз. *niktnetems* ‘икать, всхлипывать, рыгать’. Как указывается в [Месарош 1999: 50, 169], *-the-* является малопродуктивным, но известным глагольным суффиксом, а *-t-* — наоборот, очень продуктивным глагольным суффиксом. В [Лыткин, Гуляев 1970] также с финскими и саамскими формами сравниваются коми *ńiktini* ‘поперхнуться, захлебнуться (от кашля, слез и т. п.)’, *ńiktini* (Дер., П.) [Жилина и др. 1961], которые тоже доказывают прафинно-пермское происхождение этих форм и позволяют реконструировать ФП **niktV-* ‘икота’.

6. В этимологию фин. *kierittä* ‘катить’, *kiero* ‘гнутый, закрученный’, эст. *keer* ‘гнутый, закрученный’, кар. *kiero* ‘гнутый, закрученный’, вепс. *keř* ‘рулон’, водск. *tšērtā* ‘колесо’, саам. (N) *gierre* ‘резьба, шнур’ [SSA, I: 354] мы предлагаем добавить эрз. *keverdems* ‘катить’ [Серебренников и др. 1993: 245] и венг. *kever* ‘вертеть’, которое по [Benkő 1993: 746] тоже не имеет этимологии. В финском языке часто **w* > *o* в интервокальной позиции, ср. **lewe* > *lūō-* ‘бить’ [Rédei 1986—1988: 247], **luwe* > *luu* ‘кость’ [ibid.: 254], **puwe* > *puu* ‘дерево’ [ibid.: 410]. Таким образом, сравнение прибалтийско-финских, эрзянских и венгерских форм позволяет реконструировать ФУ **kiwer-* ‘катить, вертеть’.

7. Формы фин., кар. *vain* ‘только’, эст. *vaid*, вепс. *vaiše*, водск. *vaitas* ‘только’ [SSA, III: 392] можно сравнить с эрз. *vaińks* ‘только, лишь, чистый’ [Серебренников и др. 1993: 107], где *-кс* — эрзянский именной суффикс (см. о его значении подробнее в [Рябов 2000]), и реконструировать ФВ **wajń* ‘только’. В [Rédei 1986—1988] нет слов с интервокальным кластером **-jn-*, у которых были бы рефлекс в эрзянском, но кластер **-jm-* > эрз. *-m-*, ср. ФУ **šajma* ‘сосуд из дерева, лодка’ > эрз. *šuma*, *šima* ‘колода’ [ibid.: 456], а кластер **-jn-* > коми, удм. *ń*, поэтому такая же рефлексация в эрзянском представляется возможной.

II.3. Эрзянские параллели для заимствований в (прибалтийско)-финских (и саамских) языках

II.3.1. Примеры возможных германских заимствований

8. Фин. *tuoni* ‘смерть’, *tuonela* ‘ад’, кар. *tuoni* ‘смерть’, эст. диал. *toonekurg*, *toonkurg*, саам. (N) *duodnā* ‘бедняжка, смерть, ад’ — к этой этимологии мы предлагаем добавить эрз. *tonaši* ‘загробная жизнь’ [Серебренников и др. 1993: 668], где *-ši* является типичным аффиксом для образования абстрактных существительных, ср. *мазы-чи* ‘красота’, *сюнав-чи* ‘зажиточность, богатство’ (см. подробнее

[Водясова 2016]). В [SSA, III: 330] считается, что прибалтийско-финские слова заимствованы из ПГerm. **dawīni* > др.-норв. *dán* ‘смерть’, норв. *dån* ‘усталость’; если принимать эту гипотезу, то следует постулировать прагерманское заимствование в прафинно-волжский.

9. Фин. *raarna* ‘ребенок, корова, теленок’ [SSA, II: 282] мы предлагаем сравнить с эрз. *парнэ*, мокш. *парна* ‘жеребенок’ [Серебрянников и др. 1993: 458]. По [SSA, II: 282] финское слово заимствовано из германских языков, ср. норв. *barn* ‘дитя, ребенок’. Специалист по мордовской этимологии С. В. Курышкин указал в личной переписке также на сходство с перс. بَرِنَا *barna/borna* ‘молодой человек, юноша, молодой, юный’ [Рубчинчик 1970: 202].

10. Фин. *avioliittovälittäjä* ‘сваха’, *avioliitto* ‘брак’, *avio* ‘супруга, брачный партнер, брак’, эст. *abielu* ‘брак’ [SSA, I: 92] мы предлагаем сравнить с эрз. *avakuda* ‘сваха’, *ava* ‘женщина’ [Серебрянников и др. 1993: 28], мокш. *ava* ‘женщина’, мар. *ava* ‘мать’. В [SSA, I: 92] указывается (под вопросом) на возможное заимствование прибалтийско-финских слов из ПГerm. **aiwō*, **aiwa* ‘закон, норма’; наиболее близкий к финскому с точки зрения значения рефлекс представлен в англосакс. *ǣw* ‘закон, брак, супруга’. Отметим, что мордовские и марийские слова также могут быть рефлексами ПУ **apV* ‘старшая родственница, женщина, тетя, старшая сестра’ [Rédei 1986—1988: 15], хотя в [ibid.] отсутствуют эти параллели, возможно, из-за семантических различий, поскольку фонетически стандартным рефлексом *-*p*- является морд., мар. -*v*-. Фонетически похожие слова для обозначения женщины встречаются и в тюркских языках, см. ПТю **apa* ‘мать, старшая сестра, тетя’, которое в тувинском имеет рефлекс *ava*, ср. [Севор-тян 1974: 158—159]. Таким образом, в данном случае предположение о заимствовании прибалтийско-финских форм из германских языков кажется маловероятным.

11. Фин. *viltti* ‘одеяло’, кар. *vilti* мы предлагаем сравнить с эрз. *vel̥tävks* ‘одеяло’, *vel̥täms* ‘накрыть одеялом’ [Серебрянников и др. 1993: 122], мокш. (Колдаис) *vel̥tārda* ‘роскошно вышитое одеяло’. Сопоставление этих форм позволяет реконструировать ФВ **wiltV* ‘одеяло’. В [SSA, III: 450] считается, что прибалтийско-финские формы заимствованы из германских языков, ср. норв. *filt* ‘одеяло’. Эта гипотеза о заимствовании представляется достаточно надежной, и, если ее принимать, то следует постулировать германские заимствования в прафинно-волжский.

12. Фин. *vaate* ‘одежда, материал, платок’, кар. *voate* ‘одежда, материал, платок’, людиковский *vate*, вепс. *vaŋe* ‘сукно’, которое по [SSA, III: 387] считается германским заимствованием, нейросеть предложила сравнить с эрз., мокш. *vatola* ‘дерюга’ [Серебрянников и др. 1993: 123], где *-la* является суффиксом, образующим существительные, ср. *чова-ля* ‘бусинка’. Соответствие эрз. *a* — фин. *uo* также стандартно, ср. эрз. *kar̥* — фин. *kuori* < ФУ **kore* (kōre*) ‘кора’ [Rédei 1986—1988: 184]. По [SSA, III: 476] прибалтийско-финские слова относятся к заимствованиям из балт., ср. лит. *oda* ‘кожа’, латыш. *āda* ‘кожа’. При этом В. И. Вершинин полагает, что мордовские слова восходят к рус. *ватола*, *вотоло* ‘самая толстая и грубая крестьянская ткань’ (см. подробнее [Вершинин 2004—2011: 43]). А. Е. Аникин отмечает, что этимология русского слова неясна (см. [Аникин 2012: 120—121]). Он вслед за М. Фасмером указывает на сходство этих слов с эст. *vatel*, *vatla* (родительный падеж) ‘крестьянская ткань’. Однако мы не нашли упоминания этого эстонского слова, которое могло бы быть родственным мордовским формам, в доступных нам словарях современного эстонского языка. Таким образом, признавая сходство русского и мордовских слов, мы полагаем, что направление заимствования должно быть дополнительно изучено.**

II.3.2. Примеры возможных балтийских заимствований

13. Фин. *karsina* ‘загон, хлев, закуток для скота’, карел. *karsina* ‘погреб, загон, находящийся под полом избы’, лив. *karžin*, *kuaržin*, веп. *karžin* ‘загон, хлев, закуток для скота’, водск. *karsina*, *-e* ‘стойло (загон) для свиньи, овцы или лошади’ (см. [SSA, I: 317]). Мы предлагаем сравнить эти слова с эрз. *кардо*, мокш. *карда* ‘хлев’ [Серебрянников и др. 1993: 236]. Прибалтийско-финские слова по [SSA, I: 317] являются балтийскими заимствованиями из лит. *gardinys* (< **gardinjas*, **gardinās*) ‘стойло в хлеву, загон для скота’. Балтийское происхождение для мордовских слов также предполагалось ранее наряду с другими этимологическими гипотезами (см. подробнее [Вершинин 2004—2011: 109—110]). Однако, насколько нам известно, авторы не отмечали сходство мордовских и прибалтийско-финских слов, поэтому вопрос о времени заимствования и о том, было ли оно независимым для прибалтийско-финских и мордовских языков, требует отдельного исследования.

14. Фин. *kupera* ‘выпуклый, выгнутый наружу’, инг.-фин. *kuppēra*, кар. *kupera*, *kuber* ‘выпуклый’ мы предлагаем сравнить с основной эрз. *губор-*: эрз. *губорь*, мокш. *губор* ‘бугор’, эрз. *губорьгадомс* ‘согнуться’ и реконструировать ФВ **kupVr* ‘согнутый’. В. И. Вершинин предполагает заимствование мордовских слов из русского *бугор* (см. [Вершинин 2004—2011: 61]), что представляется фонетически маловероятно, особенно в свете указанных С. В. Курышкиным близких по звучанию слов в осет. *k’ubyr*,

k'ubur ‘бугор, холмик, почка (на деревьях), выпуклый’, *g.ybur*, *gubur* ‘согнувшийся, сгорбленный’. В. И. Абаев также приводит схожие слова с аналогичным значением и в других языках, в частности хинди *kūbar* ‘горб’, др.-инд. *kūbara-* ‘горбатый’, лит. *kaũbras*, латыш. *kauburs* ‘холм’, лит. *kuprà* ‘горб’, *kaĩpras* ‘бугор’, *kūbrīs* ‘бугор, вершина горы’ (см. подробнее [Абаев 2026]), поэтому трудно определить конкретный источник заимствования для финно-угорских слов.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что созданная нами нейросеть достаточно эффективна для поиска новых этимологий даже в таких хорошо изученных языках, как финский и эрзянский. Анализ словарей объемом от нескольких тысяч лексем с помощью нейросетей позволяет дополнить существующие этимологии, предложить новые и уточнить время заимствований. Безусловно, данный этап поиска не является окончательным: это лишь предварительный материал для дальнейшего этимологического анализа и сопоставления с другими гипотезами о происхождении этих слов.

С лингвистической точки зрения наиболее интересным результатом представляется то, что некоторые слова, которые считались сепаратными балтийскими или германскими заимствованиями в прибалтийско-финские и саамские языки, имеют параллели в мордовских языках; фонетические соответствия в ряде случаев, возможно, указывают на общий и древний источник заимствований. В этой ситуации мы должны предполагать либо, что эти слова являются исконными для финно-волжских (а возможно, и финно-угорских) языков, а сходство с германскими или балтийскими формами случайно или указывает на общее ностратическое происхождение, либо постулировать контакты носителей финно-волжского языка с балтами и германцами. Если гипотеза о контактах с балтами и/или балто-славянами была предложена еще в работе [Kalima 1936] (хотя он выявил не более 10 лексем, которые могли бы считаться заимствованиями в прафинно-волжский), является общепринятой и дополнительно обоснована в [Напольских 2006], то, насколько нам известно, ранее не было приведено доказательств контактов германцев с носителями прафинно-волжского языка. Считалось, что заимствования из германских языков могли попадать в волжские только через русский (см. [Бутылов 2006]). Однако из пяти рассмотренных нами случаев предполагаемых германских заимствований в финно-волжский язык лишь в одном — в тамбовских русских говорах — встречается похожее слово *ава* ‘женщина’ [Филин 1965: 196], которое считается заимствованием из мордовских языков, поскольку представлено только в контактном ареале.

Сокращения

венг. — венгерский
вепс. — вепсский
водск. — водский
др.-венг. — древневенгерский
др.-инд. — древнеиндийский
др.-норв. — древненорвежский
инг.-фин. — ингерманландско-финский
кар. — карельский
коми — коми
Skr — присыктывкарский
Vm — вымский
I — ижемский
S — среднесыольский
P — печорский
PO — восточно-пермский
латыш. — латышский
лит. — литовский
манс. — мансийский
K — кондинский
KM — среднекондинский
KO — верхнекондинский
KU — нижнекондинский
P — пелымский
L — лозьвинский

TJ — тавдинский
LU — нижнелозьвинский
So — сосвинский
мар. — марийский
W — лесной
мокш. — мокшанский
морд. — мордовский
E — эрзянский
M — мокшанский
норв. — норвежский
осет. — осетинский
Пгерм. — прагерманский
перс. — персидский
ПУ — прауральский
саам. — саамский
N — норвежско-саамский
L — луле-саамский
T — тер-саамский
Kld — кильдинский
Not — нотозерский
U — уме-саамский
Ko — колтта-саамский
P — пите-саамский

удм. — удмуртский
 S — сарапульский
 G — глазовский
 ФВ — финно-волжский
 фин. — финский
 ФП — финно-пермский
 ФУ — финно-угорский
 хант. — хантыйский
 V — ваховский

DN — демьянский
 Kaz — казымский
 I — иртышский
 E — восточные
 O — обдорский
 Trj — тремьюганский
 Ni — низямский
 эрз. — эрзянский
 эст. — эстонский

Литература

- Абаев 2026 — Электронная версия Историко-этимологического словаря осетинского языка *В. И. Абаева*. <https://abaev.iling-ran.ru/ru/home> (дата обращения: 21.08.2026).
- Аникин 2012 — *А. Е. Аникин*. Русский этимологический словарь. Т. VI. М., 2012.
- Арискина 2018 — *Т. П. Арискина*. Суффиксальные имена существительные в эрзянском языке: семантика и функционирование // Вестник угроведения. 2018, 2 (8). С. 207—215.
- Бутылов 2006 — *Н. В. Бутылов*. Иноязычная лексика в мордовских языках (индоевропейские заимствования). Саранск, 2006.
- Вершинин 2004—2011 — *В. И. Вершинин*. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. I—V. Йошкар-Ола, 2004—2011.
- Водясова 2016 — *Л. П. Водясова*. Способы выражения грамматических значений в морфологии эрзянского языка // Лингвистика. 2016, 30. <https://sci-article.ru/stat.php?i=1455731730>
- Жилина и др. 1961 — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. *Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева*. Сыктывкар, 1961.
- Лыткин, Гуляев 1970 — *В. И. Лыткин, В. Г. Гуляев*. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Месарош 1999 — *Э. Месарош*. Словообразовательные суффиксы глагола в эрзянском языке. Сегед, 1999. (Studia Uralo-Altaica 42).
- Напольских 2006 — *В. В. Напольских*. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н. э. // Славяноведение. 2006, 2. С. 3—19.
- Норманская 2018 — *Ю. В. Норманская*. Реконструкция прауральского разноместного ударения и его влияние на развитие системы вокализма. М., 2018.
- Рубчинчик 1970 — *Ю. А. Рубчинчик*. Персидско-русский словарь. М., 1970.
- Рябов 2000 — *И. Н. Рябов*. Словообразовательные отношения между частями речи в эрзянском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2000.
- Севортян 1974 — Этимологический словарь тюркских языков / Под ред. *Э. В. Севортяна*. Т. 1. М., 1974.
- Семенкова 2007 — *Р. В. Семенкова*. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск, 2007.
- Серебренников и др. 1993 — Эрзянско-русский словарь: 27 000 слов / Под ред. *Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина*. М., 1993.
- Филин 1965 — Словарь русских народных говоров / Под ред. *Ф. П. Филина*. Т. I. Л., 1965.
- Alreshidi, Aldhlan 2017 — *H. Alreshidi, K. Aldhlan*. Auto-Extracting Method of Cognates Words in Arabic and English Languages // International journal of advanced studies in Computer Science and Engineering (IJASCSE). 2017, 6 (1). P. 1—13.
- Batsuren et al. 2022 — *Kh. Batsuren, G. Bella, F. Giunchiglia*. A large and evolving cognate database // Language Resources and Evaluation. 2022, 56. P. 1—25.
- Benkő 1993 — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Ed. by *L. Benkő*. Budapest, 1993.
- Bergsma, Kondrak 2007 — *Sh. Bergsma, G. Kondrak*. Alignment-based discriminative string similarity // Proceedings of the 45th Annual Meeting of the Association of Computational Linguistics. 2007. P. 656—663.
- Dinu, Ciobanu 2014 — *L. Dinu, A. M. Ciobanu*. Building a Dataset of Multilingual Cognates for the Romanian Lexicon // Proceedings of the Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation LREC 2014. P. 1038—1043.
- Dyen et al. 1992 — *I. Dyen, J. B. Kruskal, P. Black*. An Indo-European classification: A lexicostatistical experiment // Transactions of the American Philosophical Society. 1992, 82 (5). P. 1—132.
- Fourrier, Sagot 2022 — *C. Fourrier, B. Sagot*. Probing Multilingual Cognate Prediction Models // Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2022. 2022. P. 3786—3801.
- Kalima 1936 — *J. Kalima*. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. Helsinki, 1936.

- Kanojia et al. 2020 — D. Kanojia, P. Bhattacharyya, M. Kulkarni, G. Haffari. Challenge Dataset of Cognates and False Friend Pairs from Indian Languages // LREC 2020. 2020. P. 3096—3102.
- Mitkov et al. 2007 — R. Mitkov, V. Pekar, D. Blagoev, A. Mulloni. Methods for extracting and classifying pairs of cognates and false friends. Machine Translation. 2007, 21. P. 29—53.
- Paasonen 1992 — H. Paasonen. Mordwinisches Wörterbuch. II Band. Helsinki, 1992.
- Pulini, List 2024 — M. Pulini, J.-M. List. Finding language-internal cognates in Old Chinese // Bulletin of Chinese Linguistics. 2024, 17 (1). P. 53—72.
- Rama 2016 — T. Rama. Siamese Convolutional Networks for Cognate Identification // Proceedings of COLING 2016, the 26th International Conference on Computational Linguistics: Technical Papers. 2016. P. 1018—1027.
- Rédei 1986—1988 — Uralisches etymologisches Wörterbuch / Ed. by K. Rédei. Budapest, 1986—1988.
- SAA — Suomen sanojen alkuperä / Ed. by U.-M. Forsberg, E. Ikonen. Helsinki, 1992—2000.
- Wichmann, Holman 2013 — S. Wichmann, E. W. Holman. Languages with longer words have more lexical change // Approaches to Measuring Linguistic Differences. 2013. P. 249—281.

References

- Abaev 2026 — V. I. Abaev. Elektronnaya versiya Istoriko-etimologicheskogo slovarya osetinskogo yazyka. {V. I. Abaev. Electronic Version of the Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language.} <https://abaev.iling-ran.ru/ru/home> (data obrashcheniya: 21.08.2026).
- Alreshidi, Aldhlan 2017 — H. Alreshidi, K. Aldhlan. Auto-Extracting Method of Cognates Words in Arabic and English Languages. In: International Journal of Advanced Studies in Computer Science and Engineering (IJASCSE). 2017, 6 (1). P. 1—13.
- Anikin 2012 — A. E. Anikin. Russkii etimologicheskii slovar'. T. VI. Moskva, 2012. {A. E. Anikin. Russian Etymological Dictionary. Vol. VI. Moscow, 2012.}
- Ariskina 2018 — T. P. Ariskina. Suffiksai'nye imena sushchestvitel'nye v erzyanskom yazyke: semantika i funktsionirovanie. In: Vestnik ugrovedeniya. 2018, 2 (8). S. 207—215. {T. P. Ariskina. Suffixal Nouns in the Erzya Language: Semantics and Functioning. In: Bulletin of Ugric Studies. 2018, 2 (8). P. 207—215.}
- Batsuren et al. 2022 — Kh. Batsuren, G. Bella, F. Giunchiglia. A large and evolving cognate database. In: Language Resources and Evaluation Language Resources and Evaluation. 2022, 56. P. 1—25.
- Benkő 1993 — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Ed. by L. Benkő. Budapest, 1993.
- Bergsma, Kondrak 2007 — Sh. Bergsma, G. Kondrak. Alignment-based discriminative string similarity. In: Proceedings of the 45th Annual Meeting of the Association of Computational Linguistics. 2007. P. 656—663.
- Butylov 2006 — N. V. Butylov. Inoyazychnaya leksika v mordovskikh yazykakh (indoevropskie zaimstvovaniya). Saransk, 2006. {N. V. Butylov. Foreign-Language Vocabulary in the Mordvin Languages (Indo-European Borrowings). Saransk, 2006.}
- Dinu, Ciobanu 2014 — L. Dinu, A. M. Ciobanu. Building a Dataset of Multilingual Cognates for the Romanian Lexicon. In: Proceedings of the Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation LREC 2014. P. 1038—1043.
- Dyen et al. 1992 — I. Dyen, J. B. Kruskal, P. Black. An Indo-European classification: A lexicostatistical experiment. In: Transactions of the American Philosophical Society. 1992, 82 (5). P. 1—132.
- Filin 1965 — Slovar' russkikh narodnykh govorov / Pod red. F. P. Filina. T. I. Leningrad, 1965. {Dictionary of Russian Folk Dialects / Ed. by F. P. Filin. Vol. I. Leningrad, 1965.}
- Fourrier, Sagot 2022 — C. Fourrier, B. Sagot. Probing Multilingual Cognate Prediction Models. In: Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2022. 2022. P. 3786—3801.
- Kalima 1936 — J. Kalima. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. Helsinki, 1936.
- Kanojia et al. 2020 — D. Kanojia, P. Bhattacharyya, M. Kulkarni, G. Haffari. Challenge Dataset of Cognates and False Friend Pairs from Indian Languages. In: LREC 2020. 2020. P. 3096—3102.
- Lytkin, Gulyaev 1970 — V. I. Lytkin, V. G. Gulyaev. Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka. Moskva, 1970. {V. I. Lytkin, V. G. Gulyaev. A Concise Etymological Dictionary of the Komi Language. Moscow, 1970.}
- Mesarosh 1999 — E. Mesarosh. Slovoobrazovatel'nye suffiksy glagola v erzyanskom yazyke. Seged, 1999 (Studia Uralo-Altaica 42). {E. Mészáros. Derivational Suffixes of the Verb in the Erzya Language. Szeged, 1999 (Studia Uralo-Altaica 42).}
- Mitkov et al. 2007 — R. Mitkov, V. Pekar, D. Blagoev, A. Mulloni. Methods for extracting and classifying pairs of cognates and false friends. Machine Translation. 2007, 21. P. 29—53.
- Napol'skikh 2006 — V. V. Napol'skikh. Balto-slavyanskii yazykovoi komponent v Nizhnem Prikam'e v seredine I tys. n. e. In: Slavyanovedenie. 2006, 2. S. 3—19. {V. V. Napol'skikh. The Balto-Slavic Linguistic Component in the Lower Kama Region in the Middle of the First Millennium AD. In: Slavic Studies. 2006, 2. P. 3—19.}

- Normanskaya 2018 — Yu. V. Normanskaya. Rekonstruktsiya praural'skogo raznomestnogo udareniya i ego vliyanie na razvitie sistemy vokalizma. Moskva, 2018. {Yu. V. Normanskaya. Reconstruction of Proto-Uralic Variable Stress and Its Influence on the Development of the Vowel System. Moscow, 2018.}
- Paasonen 1992 — H. Paasonen. Mordwinisches Wörterbuch. II Band. Helsinki, 1992.
- Pulini, List 2024 — M. Pulini, J.-M. List. Finding language-internal cognates in Old Chinese. In: Bulletin of Chinese Linguistics. 2024, 17 (1). P. 53—72.
- Rama 2016 — T. Rama. Siamese Convolutional Networks for Cognate Identification. In: Proceedings of COLING 2016, the 26th International Conference on Computational Linguistics: Technical Papers. 2016. P. 1018—1027.
- Rédei 1986—1988 — Uralisches etymologisches Wörterbuch / Ed. by K. Rédei. Budapest, 1986—1988.
- Rubinchik 1970 — Yu. A. Rubinchik. Persidsko-russkii slovar'. Moskva, 1970. {Yu. A. Rubinchik. Persian-Russian Dictionary. Moscow, 1970.}
- Ryabov 2000 — I. N. Ryabov. Slovoobrazovatel'nye otnosheniya mezhdu chastyami rechi v erzyanskom yazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saransk, 2000. {I. N. Ryabov. Word-Formation Relations between Parts of Speech in the Erzya Language. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences. Saransk, 2000.}
- SAA — Suomen sanojen alkuperä / Ed. by U.-M. Forsberg, E. Itkonen. Helsinki, 1992—2000.
- Semenkova 2007 — R. V. Semenkova. Frazеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Saransk, 2007. {R. V. Semenkova. Phraseological Dictionary of Russian Dialects of the Republic of Mordovia. Saransk, 2007.}
- Serebrennikov i dr. 1993 — Erzyansko-russkii slovar': 27 000 slov / Pod red. B. A. Serebrennikova, R. N. Buzakovo, M. V. Mosina. Moskva, 1993. {Erzya-Russian Dictionary: 27,000 Words / Ed. by B. A. Serebrennikov, R. N. Buzakova, M. V. Mosin. Moscow, 1993.}
- Sevortyan 1974 — Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov / Pod red. E. V. Sevortyana. T. 1. Moskva, 1974. {Etymological Dictionary of the Turkic Languages / Ed. by E. V. Sevortyan. Vol. 1. Moscow, 1974.}
- Vershinin 2004—2011 — V. I. Vershinin. Etimologicheskii slovar' mordovskikh (erzyanskogo i mokshanskogo) yazykov. T. I—V. Ioshkar-Ola, 2004—2011. {V. I. Vershinin. Etymological Dictionary of the Mordvin (Erzya and Moksha) Languages. Vols. I—V. Yoshkar-Ola, 2004—2011.}
- Vodyasova 2016 — L. P. Vodyasova. Sposoby vyrazheniya grammaticheskikh znachenii v morfologii erzyanskogo yazyka. In: Lingvistika. 2016, 30. {L. P. Vodyasova. Ways of Expressing Grammatical Meanings in the Morphology of the Erzya Language. In: Linguistics. 2016, 30.} <https://sci-article.ru/stat.php?i=1455731730>
- Wichmann, Holman 2013 — S. Wichmann, E. W. Holman. Languages with longer words have more lexical change // Approaches to Measuring Linguistic Differences. 2013. P. 249—281.
- Zhilina i dr. 1961 — Sravnitel'nyi slovar' komi-zyryanskikh dialektov / Sost. T. I. Zhilina, M. A. Sakharova, V. A. Sorvacheva. Syktyvkar, 1961. {Comparative Dictionary of the Komi-Zyrian Dialects / Comp. by T. I. Zhilina, M. A. Sakharova, V. A. Sorvacheva. Syktyvkar, 1961.}

Информация для авторов / Author guidelines

Журнал публикует оригинальные исследования, посвященные уральским, тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам и культурам. Статьи могут быть написаны на русском, английском или немецком языках.

Мы просим присылать статьи для публикации на электронный адрес журнала jurnaluralaltai@mail.ru.

Актуальные правила оформления статьи и библиографии опубликованы на сайте <https://ural-altai.ru/>. Однако соблюдение этих правил при подаче статьи не обязательно; если статья будет принята к печати, мы попросим авторов привести текст в соответствие с ними.

Our journal accepts original papers on Uralic, Turkic, Mongolic and Tungusic languages and cultures. Papers can be written in Russian, English, or German and should be sent on the e-mail address jurnaluralaltai@mail.ru.

The actual requirements can be found on the journal's website <https://ural-altai.ru/>. On the submission, however, papers must not comply with these rules; authors of the accepted papers will be asked to bring the article into compliance with them before publication.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluraltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
30.09.2026

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

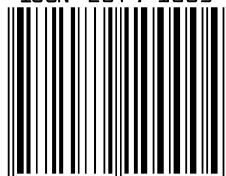
Editor
Maria Maksimova

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Ural-Altaic languages
jurnaluraltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
30.09.2026

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >